

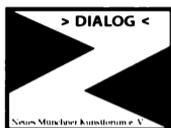
Мария Турарий

ПОД СЕНЬЮ МАРИИ

ПОД СЕНЬЮ МАРИИ

Стихи · Рассказы · Эссе · Диалоги · Воспоминания

Перед Вами, уважаемый читатель, необычная книга. У неё множество авторов, подчас лично незнакомых между собой и проживающих в разных концах света. Но объединённых одной темой. Вернее, любовью и уважением к Марии Гурарий (Вайнман), чьё столетие и явилось счастливым поводом объединиться на страницах этого сборника в рассказах, стихах, посвящениях, диалогах, портретах, воспоминаниях, поздравлениях и пожеланиях.

Жанровое это разнообразие цементируют избранные произведения самой юбилярши, сложная вековая судьба которой документирует нашу драматичную эпоху без прикрас. На фоне истории её семьи, запечатлённой в предлагаемых текстах, возникает панорама нашего непростого и противоречивого времени, а самое главное облик не просто талантливого человека, а прежде всего удивительной женщины, наделённой даром доброты и душой Сестры Милосердия.

Потому то и собрались такие разные по возрасту, профессиям, национальностям и религиозным убеждениям люди под сенью Марии, чтобы пообщаться с ней и выразить ей свои чувства.

Мы выражаем сердечную благодарность всем соавторам за поддержку и тёплые поздравления, которые опубликованы в этом сборнике в порядке поступления и в авторской редакции.

Семья Марии Гурарий

Dialog-Bibliothek Nr. 5
Alle Rechte vorbehalten

© bei >Dialog< Neues Münchner Kunstforum e.V.
www.dialogkunstforum-muenchen.de

Gestaltung und Satz: Joseph Weinmann
Umschlagabbildung: Anna Gourari

Printed in Germany 2019

ПОД СЕНЬЮ МАРИИ

Семён Гурарий

СИЯНИЕ

Межзвёздные магические мятежи
Мадонны Марии могут мгновенно
Аукнуться ансамблем ароматных астр,
апрельской арией
Распеться. Раз! - Раздарить раздолье
равновесия, рецепты разноголосицы
Изящества, идеи, инстинкты
исцеления и изумления избыток.
Явить явь ярких явств явлений,
янтарность ямбов ясновидицы ...

У нас нет возраста. Мы живём в вечности. Поэтому заплутаться в звёздах может каждый. Но вначале необходимо всё же посмотреть наверх и заметить в ночи их сияние. Или оглянуться вокруг. И увидеть лица наших родителей, детей, внуков, братьев, соседей и таинственных незнакомцев – от них всех тоже исходит невидимое сияние.

Неизвестные миры только на первый взгляд проплывают мимо. На самом деле они множатся внутри нас и воссоздают в памяти мириады обетованных земель, связывая по горизонтали и вертикали времена и людей.

Пуховичи – слово вспорхнуло из недр фонетической разноголосицы и осталось со мной на всю жизнь. Одно из первых мной услышанных слов. Огромное

ухо, обращённое в глубину потусторонних и мистических эпох. Ещё до нашего рождения. До младенчества и детства. До первой книжки. До понимания и речи. До ...

В звучании сочеталось почти слитно **пух** и **ухо**. Значение пуха я ещё не знал, но **ухо** было мне знакомо. И долгое время я думал, что – **УХО**вичи. Потому и слушал, вернее, прислушивался к ритмическим нежным приседаниям птичьего хора ближайших родственников: вич-вичи-пухо-вичи-ухо-вичи ... Чем не азбука узнавания?

А сколько раз я пытался с раннего детства и позднее разглядеть за Кавказскими горами и всякими там Карпатскими хребтами, Альпийскими и прочими Гималаями пространство Пуховичи. Мою Ханаанскую землю обетованную. Я – оттуда. Там жили мои бабушка и дедушка. И все мифические предки. Там клубились предрассветные туманы над речками с такими экзотичными названиями Ванджа и Свислочь, опоясывавшими цветущее местечко. Чем не Месопотамия?

Там родилась моя мама. Пуховичи поселились в моём детстве в её рассказах. В бесконечных воспоминаниях её брата и сестёр – Моисея, Беллы, Ханны и её мужа Лейбы. И продолжают своё существование до сих пор.

Хотя, выражаясь высоким слогом, высшее провидение испытывало пуховичан и землю пуховическую с иступлённой яростью и ожесточением. Вначале белополяки вперемежку с красноармейскими кавалеристами и бандами всевозможных диких мародёров зверствовали в мирном местечке. Затем Советская власть

«прочёсывала» население тамошних аполитичных хлебопашцев на предмет избытков и принадлежности к классу кулаков, грабила под чистую, объявляла «виновных» лишенцами и высылала в Сибирь. Затем, аресты тридцатых годов, фашистское нашествие, истребление евреев в гетто, атаки «Катюш» при ответном наступлении, танковые рейды с двух сторон ...

От прежнего местечка осталось лишь название, ни прежних домов, ни прежних жителей, ни их потомков. Даже станцию переименовали. Так Пуховичи и стали ещё одним мифом в пятитысячелетней истории евреев.

Миф этот не нуждается в расколдовывании, он живёт и обрастает реалиями по своим законам. И никто уже не сомневается, что воздух тогда был не только горек, но и сладок. Что времена потешались и смешивались друг с другом в мистическом хаосе. Что праотцы наши лихо катались верхом на укрощённых диких волках. Что легендарный красный командарм и лётчик Яков Смушкевич, пролетая над местечком, посадил в чистом поле свой боевой самолёт и спас первую красавицу Пуховичей от бандитов, а затем, поражённый её совершенством, сделал ей предложение и улетел с ней, уже своей невестой, на том же самолёте в «безоблачное» будущее. Что ещё задолго до известного советского песенного шлягера, тёплое лето не кончалось в Пуховичах никогда, и женщины стирали и сушили бельё на речках круглый год. Что заветы со скрижалей Моисея (естественно, моего родного дядьки) легко прорастали в сердцах пуховичан. И казалось, что пророком мог стать каждый. И размножались семьи.

Дети выросли, учились и уходили в странствия. И рассеивались по чужим землям. Иные пропадали. Другие продавали старшинство за чечевичную похлёбку. Заблудшие иногда возвращались. И всё повторялось вновь как встарь. И только холодные ветра нашёптывали в неисчезающем сиянии мифических Пуховичей древние неуступчивые слова Торы.

Моя мама плоть от плоти соткана из сияния этого мира. Она помнила много народных песен и напевала нам вместо колыбельной: «А клайне мейделе клап ден тыр, тук-тук-тук ...» – это была моя первая музыка. И я представлял маленькую девочку Миню-Минцеле-Маню, стучащуюся в сумерках в дверь отчего дома. Потом наступала зима, а с ней и метели, испытания. Девочка выросла и, как мне казалось, превращалась во всесильную Марию, напевавшую другую горькую мелодию: «Дер винтер ист гекумен ...»

Всё сошлось на первый взгляд в её жизни вместе и пронеслось как ураган: безоблачное детство в дружном многодетном семейном содружестве и ... бедность, обрушившаяся после пожара на семью. Учёба, овладение профессией и ... безвременная кончина любимого отца. Надежды на будущее и ... судьба беженки. Гибель её мамы Ципе и более двадцати ближайших родственников в фашистском гетто, война, фронтовые дороги медсестры от Урала до Норвегии и ... любовь. Счастливая семья, дети и ... неожиданная смерть мужа. Рождение желанных внуков, затем правнуков и ... уход из жизни в последние годы любимых сестёр, брата и других

близких людей. Опытный и признанный специалист на поприще медицины и ... в преклонные года – начинающий литератор.

И переезды из города в город, из республики в республику, из страны в страну: Минск и Рига, Тамбов и Зеленодольск, Казань и Нью Йорк – вот в двух словах и вся биография.

Сошлось, да не думаю, что срослось гладко, без рубцов и швов.

По профессии мама – медицинская сестра. Мастер уколов, перевязок и прочих процедур, от которых зависит выздоровление и ежедневное состояние пациентов. Про таких медицинских сестёр как мама, в народе говорят – золотые руки. Помню как в бытность в Казани, первые лица республики из обкома и правительства буквально требовали, чтобы уколы делала им и членам их семей непременно Мария Рубиновна.

Мама – Сестра и по жизни. Сестра живущим на земле. Не только её близкой родне. Дар её бескорыстной отзывчивости и готовности к помощи известен всем, кто с ней общался.

В 1952 году в разгар пресловутого «Дела врачей» и разгула антисемитизма в бывшем СССР, мы жили в Зеленодольске, где мама трудилась в городском роддоме старшей акушеркой. Призывы не ходить к евреям-врачам и избегать медицинской помощи у евреев-медиков исходили, как ни странно, от коллег. К сожалению, среди активных антисемитских пропагандисток оказалась и врач П., жившая с нами на одной лестничной клетке. Перестав здороваться с моими родителями, она всячески демонстрировала на людях свою «верность линии партии и Сталина», развязавшим эту гнусную кампанию по всей стране. На «беду» П. её регулярно посещал престарелый отец из близлежащей деревни. Но частенько его дочь-врач не открывала «назойливому» отцу дверь и он, потолкавшись возле её двери, мирно возвращался восвояси.

Рядом с дверью квартиры П. подымалась на чердак железная лестница. Мы, мальчишки, часто лазили по ней наверх. Дверцу приподымали головой. На чердаке пахло паклей и кошачьим помётом. Из смотрового окна смотрели по очереди в уцелевший глазок военно-полевого бинокля моего отца: приближалась крыша клуба «Парижская коммуна» с приплясывающими на ветру оторванными кусками толи. Чуть ниже можно было прочитать на плакате название кинофильма.

Так вот, в один из вечеров, отец П., вконец разобидевшись на дочь и на свою горькую участь, сделал из брючного ремня петлю, прикрепил её к верхней ступеньке описанной выше лестницы и просунул в неё голову. Хрипы посиневшего уже самоубийцы и услышала мама, возвращавшаяся домой с бидоном молока в руке. Быстро взобравшись по лестнице, она просунула руку под ремень, пытаясь ослабить узел, и стала кричать о помощи. «Отважный борец с еврейскими вредителями» и не подумала спасти родного отца: стояла под дверью и выжидала. Маме каким-то чудом удалось ослабить петлю и стащить тяжеленого пожилого мужчину с лестницы. А потом и Скорую помощь вызвать. А мы с сестрёнкой в это время плакали навзрыд за закрытой дверью, думая что с мамой случилось нечто ужасное, ведь она звала о помощи ...

Мама всю жизнь – кормилец в прямом и переносном смысле. Мастерница готовить, никогда не устававшая и не жаловавшаяся на эту кропотливую и неблагодарную работу. Свидетельствую не только как сын, привыкший и любящий её стиль еды и кухни. Помнящий «столы, закатывавшиеся» у нас дома по праздничным поводам, пиршество приготовленных ею изысканных закусок, горячих блюд и выпечки. Тому свидетельство её поваренная книга, которую она выпустила в восьмидесятилетнем возрасте и ставшая уже давно раритетом.

Она – страстная читательница и библиофил. Но не просто собиратель книг, а составитель продуманных библиотечных смыслов. Эту любовь я перенял по наследству и понимаю, как мне кажется, это её увлечение как никто. Не зря в больничные

библиотеки, которые она создавала на общественных началах, с удовольствием заглядывали многие известные литераторы и дарили ей не только книги с дарственными надписями, но и своё человеческое расположение. У нас хранятся до сих пор книги, подаренные маме от М. Елизаровой, Ю. Белостоцкого, Р. Мустафина, Г. Минского, Р. Ишмуратовой, А. Сагайдак, Р. Хафизовой, З. Нури, С. Радзиевской, монографии учёных-медиков О. Кочнева, М. Розенгартена, В. Альбицкого, оригинальные картины художников Ю. Кузнецова, А. Спорюса и других.

Неисповедимы пути, приводящие к литературному творчеству. Конечно, потребность высказаться, поделиться сокровенным есть у каждого человека. Но обращение к писательству требует определённой дерзости и таланта. Универсальная формула Жан-Поля Сартра «в начале – читать, затем – писать» как нельзя подходит к маминому случаю. Её рассказы, воспоминания, стихотворные опыты стали появляться после восьмидесяти лет довольно неожиданно и с необыкновенной интенсивностью. Они довольно быстро были опубликованы и совсем не потерялись в печатном варианте, хотя её именитыми соседями на страницах сборников оказались такие легендарные авторы, как Бел Кауфман (дочка Шолом Алейхема), Давид Маркиш, Елена Боннэр, Михаил Казаков, Павел Грушко и многие другие.

Среди уже упомянутых многосторонних дарований мамы (добавим к ним – превосходная рукодельница, вязальщица, вышивальщица, увлечённый садовод,

организатор КВН и вечеров самодеятельности), всё же главный её талант и жизненное призвание – быть просто мамой. А это значило и значит – неустанное строительство, воссоздание и собирательство СЕМЬИ в самом широком смысле. Семьи, в независимости от степени родства, национальности, профессии и религиозных убеждений.

Таких семей, вероятно, немало на белом свете. Переплетённые друг с другом, они и скрепляют страны и государственные структуры прочнее всяких постановлений и указов свыше. Потому что живут по законам простой человечности и любви.

Это и означает – под сенью Марии.

БЕСЕДЫ С МАРИЕЙ

100 вопросов и ответов

отобранные из многолетних и доверительных бесед Марии со своими детьми Лилей и Сёмой, невесткой Людой и зятем Сашей, а также с внучками Аней и Иришей.

1. Самое твоё запоминающееся событие в детстве?

Пожар, когда сгорел наш дом и большая часть местечка.

2. Рассказывали ли у вас дома детям сказки?

Скорее увлекательные предания и события из еврейской истории.

3. Первые прочитанные книги?

Помню отчётливо лишь сборник рассказов Шолом Алейхема.

4. Дружили ли твои сёстры между собой?

Ещё как. Но больше в силу возраста парами: Соня с Маней, Белла с Зиной, мы с Аней. И все вместе с нашим общим любимчиком и единственным братом Мишей.

5. Самое запоминающееся событие молодости?

Цепь событий. Всё, что связано с войной – потеря самых близких мне людей от рук фашистов, фронтовые четыре года – вот и вся моя молодость.

6. Запахи детства

Запах творожных блинчиков на завтрак

7. Какой характер был у мамы?

Довольно ровный, и я бы сказала – уютный. На ней держалось всё в семье, она вникала в каждую мелочь, замечала все оттенки наших настроений. Умела успокоить, отвлечь от неприятностей, незаметно занять каким-нибудь делом.

8. Рукоделием?

Да, шитьём, вышиванием, вязанием. И вообще по дому чем-нибудь помогать. Ведь у нас был свой дом, сад, огород, мелкая и крупная скотина – находилась работа для всех. Старшим сёстрам доставалось и бельё стирать, и хлеб печь. Когда мама болела, делала это Белла, а старшие сёстры уже жили в Минске: Соня училась в институте Мелиорации, Зина – в Медицинском училище, Малка уже работала бухгалтером.

9. Характер у папы?

Как у всех мужчин, более сдержанный. Он был очень умный и умел сглаживать острые углы. Любил порядок, особенно за столом. Но мог взорваться, особенно если это касалось Миши, единственного сына. Если тот проказничал или самовольно убежал на речку купаться.

10. Отмечали ли дома еврейские обряды и праздники?

Да отмечали, но не очень строго.

11. На каком языке разговаривали дома?

Конечно не на английском, а на идиш. Правда родители иногда переговаривались и на иврите.

12. Когда «пришёл» белорусский язык?

В школе. Вначале он показался мне грубоватым, а потом привыкла и мне нравилось говорить на нём и читать.

13. А русский язык?

Мне кажется он всегда был со мной и я всегда на нём говорила.

14. Почему была выбрана тобой специальность медицина?

Как-то так с детства получилось, что я пыталась помогать домашним в критических ситуациях чем могла и очень огорчалась, когда не получалось. Видимо, подспудное желание облегчать боль и страдания близким, привели меня к этой профессии.

15. Сколько примерно новорождённых прошли через твои акушерские руки в Родильных домах?

Не считала, но думаю, сотни, а может и больше.

16. Самый запомнившийся новорождённый, появившийся на свет с твоей помощью?

Рома, сын моей сестры Ани, родившийся 1 января 1941 года.

17. Мечтала ли ты в юности открывать далёкие края?

Мне всегда хотелось увидеть «дальний свет», посмотреть мир, узнать как там люди живут, как работают, познакомиться с их обычаями, культурой.

18. Первый раз в кино – какое? Часто ли ходила и какие фильмы любила?

Я и не помню первый фильм. Ходили приблизительно 1 - 2 раза в неделю, как только привозили новое кино. А иногда ходили и по несколько раз на одну и ту же полюбившуюся картину. А фильмы были одни и те же, в основном советские, иногда американские комедии.

19. Театр?

Новые постановки привозили в Пуховичи редко, и мы довольно часто ходили по 2 раза на одни и те же. Позже в Минске ходила довольно часто в разные театры: в Еврейский, Белорусский, Русский, в Музыкальный.

20. На каком музыкальном инструменте ты играла?

На гитаре и мандолине. Лучше всех у нас в семье на гитаре играла и пела Зина. Вообще-то у нас в семье все играли на разных инструментах, любили петь. Помню ещё кто-то играл на балалайке и трубе. Может быть Миша, ведь он одно время играл в местечковом оркестре.

21. Когда появилась мечта о том, чтобы твоим будущим детям обязательно дать хотя бы начальное музыкальное образование?

В мечтах это не звучало так категорично, да и детей ведь ещё не было. Но неосознанное желание было – это так замечательно. Надо сказать, что почти все в нашей родне из следующего поколения учились музыке. Кто-то профессионально, кто-то для себя: на фортепиано, виолончели, гитаре, контрабасе, ударных инструментах. Но все оказались на удивление довольно музыкальными, как мне кажется. А потом, когда семья стала разрастаться, в нашем «семейном оркестре» появились и таланты владеющие аккордеоном, не говоря уже о профессиональных пианистах, музыковедах, скрипачах, органистах, певцах.

22. Но многие посвятили себя и другим профессиям?

И довольно успешно. Я всегда с гордостью думаю, что нашими родственниками можно было бы укомплектовать целый населённый пункт со своими учебными, медицинскими, финансовыми и научными учреждениями, инженерно-техническими фирмами, театрами, издательствами и концертными залами.

23. Что самое страшное было на войне?

Война сама по себе – сплошной ужас и страх. Но для меня самым жутким была неизвестность судеб мамы и ближайших родственников. Все

эти годы в воздухе висело гнетущее предощущение катастрофы.

24. Когда вы, два демобилизованных фронтовика, пришли к решению купить в первую очередь рояль?

Спонтанно, после рождения сына.

25. Когда был освоен компьютер и почему?

Началось, как ни странно с собирания понравившихся мне анекдотов и желания их напечатать, чтобы поднимать настроение близким мне людям. Параллельно стала собирать лечебные рецепты на всякий «пожарный случай». Мне было уже лет 80, когда я попросила сына для этой цели прислать мне его пишущую машинку. Но он посоветовал мне попробовать освоить компьютер, что я и сделала под руководством дочери и зятя.

Окончательно осмелев, принялась набрасывать эскизы к книге по кулинарии, идея которой возникла почти сразу же по приезде в Америку. Тут всё получилось естественно. Много рецептов вкуснейших блюд я сохранила от моей мамы. Особенно меня поражало, и скажем так, согревало, когда мне по истечению многих лет удавалось приготовить блюда и сохранить вкус маминой еды. Много рецептов были мною апробированы и разработаны в течении моей длительной домашней «кулинарной деятельности». И, конечно, из поездок в разные края и страны, я привозила понравившиеся мне рецепты.

26. Как возникали рассказы и воспоминания?

По истечению лет, какие-то детали из пережитого мною стали забываться. Это мне не нравилось, хотелось восстановить в памяти те или фрагменты. А потом возникло желание всё это описать, запечатлеть на бумаге. Впоследствии эти описанные эпизоды из моей жизни сформировались в отдельные рассказы, вызвали интерес у моих родственников, которые и послали мои опыты в различные издания. Так появились мои первые публикации в разных сборниках.

27. Что для тебя означает библиотека и почему ты этим постоянно занималась?

Сама жизнь подсказывала, чем мне заняться. Меня с юности завораживал мир книг. Я всегда много читала, позднее выписывала много

журналов на дом: «Роман-Газету», «Огонёк», «Новый мир», «Науку и технику», «Химия и жизнь», «Москва» «Работницу» «Знамя» и поочерёдно другие толстые журналы, одно время мы получали журналы «Америка», «Англия», не говоря уже о выписывании собраний сочинений классиков и покупке отдельных интересных изданий. Когда собралось много книг, их нужно было систематизировать по жанру, либо по эпохам, по странам ... Меня это очень увлекало, так были созданы довольно большие библиотеки дома, а также постепенно и на общественных началах на работе, во 2-ой Республиканской больнице г. Казани. Мне удалось убедить руководство клиники о выделении соответствующего помещения, где пациенты и сотрудники стали с удовольствием проводить время, хотя библиотекой я могла заниматься только после основной работы всего час в день. И всё же моя комната в этот час превращалась в любимое место встречи пациентов, интересовавшихся литературой. Благодаря библиотеке, судьба подарила мне знакомство со многими выдающимися писателями, порой перераставшее в простую человеческую дружбу. Так мы стали задушевными приятельницами с замечательными писательницами Софьей Радзиевской, Марией Елизаровой, Алсу Сагайдак и многими другими.

28. Что это за история с козой?

Это действительно была забавная история. После рождения сына мы отдыхали на Рижском

взморье. Как-то я поделилась с мужем слухами, что козье молоко полезнее для младенцев чем коровье. Уже на следующий день Иосиф вернулся с работы из Риги домой на грузовике вместе ... с козой. Но её нужно было пасти, кормить, доить ... И через несколько дней коза была отправлена обратно к своему хозяину.

29. Когда была построена первая дача?

В Казани в летнее время мы привыкли отдыхать на всевозможных Базах отдыха. Или уезжали с детьми на море или в санаторий. Потом как-то Иосифу пришла идея построить собственную дачу на Волге в сосновом лесу. Когда дача была построена, вся многочисленная наша казанская и рижская родня стала собираться летом вместе. Ходили на Волгу, загорали, плавали, варили уху, ходили в лес за ягодами, грибами, шишками. Играли в теннис, волейбол. Потом рядом, прямо напротив выросла ещё одна дача моей сестры Ани. Было чудесное время, весёлое и очень комфортабельное. Эти домики и доныне стоят и словно бы нас дожидаются.

30. Что для тебя сад – участок земли?

Сад для меня ещё с детства нечто ласкающее, манящее ... Манящее своими таинствами и многообразными возможностями. Для меня это не просто схематический набор деревьев, растений, а поле для фантазии. Сады каким-то образом отражают душевную суть их владельцев. А ещё цветы, с их разнообразием форм, тонов, полутонов, соцветий! А запахи и

ароматы! А цветущие деревья! ... Эта неописуемая любовь зародилась ещё в родительском саду, где я проводила много времени с сёстрами Беллой и Аней. Где бы в последствии я не жила, я везде «разбивала» свой сад и обязательно с цветущими розами, корни которых привозила из разных мест и стран. Очень люблю до сих пор красные маки, гвоздики и прочее разноцветье. А в Америке я пристрастилась к балконному «садоводству». Кстати, квартира без комнатных долголетних цветов для меня недостаточно уютна.

31. А помнишь ли ты сад вокруг вашего казанского коттеджа?

Ещё бы не помнить, очень хорошо помню. При переезде из Зеленодольска в Казань мужу для проживания с семьёй, был предоставлен коттедж. Это было что-то новое: никаких лестниц, соседей, некая уединённость. И, конечно же, сразу после переезда мы стали вокруг дома выкорчёвывать камни и высаживать по всем правилам и без правил деревья, огромный цветник и грядки с клубникой, кусты смородины, помидоры, огурцы и прочие овощи. А потом появился теннисный стол, на котором сражались все наши дети и племянники. К радости детворы поселилась у нас во дворе и сибирская лайка по кличке Дик.

32. Когда ты первый раз посетила Израиль?

В довольно зрелом возрасте и всего, к сожалению, один раз. Жила по неделе в

Иерусалиме (у наших душевных и гостеприимных родственников Плямоватых), и в Хайфе (у моей сестры Ани). Тем не менее, я успела наяву ощутить, какая это необыкновенная и родная для меня страна, откуда мы все родом, где жили, радовались и страдали наши предки, где дух иудаистской религии органично переплетён со светскими традициями, приметами цивилизации и всемирной культуры. На первый взгляд обывателя всё как бы мирно сосуществует. На самом деле, все знают, это не так. И это наша земля, которую населяют наш многоголосый и талантливый народ. Это незабываемое ощущение, что ты ходишь по священной многострадальной земле, погружает тебя в мир раздумий ... А Хайфа, разве можно остаться равнодушным от красоты этого белокаменного города, расположившегося живописно над Средиземным морем. Не говоря уже о святом Иерусалиме, прикосновениях к камням Стены Плача – всё это осталось в моём сердце навсегда.

33. Как ты относишься к еврейской кухне?

Как я могу относиться к ней, это как если бы спросить меня, как я отношусь к родителям. Что можно сказать? Она вскормила меня. Это ощущение детства, тепла маминых рук, специфического аромата, чудных домашних праздничных застолий.

34. В последние годы ты посетила Багамы, Канаду, Бермуды, Доминиканские острова. Смогла бы там где-нибудь жить постоянно?

Жить человек может везде. Каждый из этих экзотических мест – особенный, неповторимый ни на что мир. Но в душе я, вероятно, осталась европейским жителем.

35. Какие свадьбы остались особенно в памяти?

Свадьбы детей и внучек

36. Что для тебя значит родня?

Значило и значит очень много. Родня от слова родные. И этим всё сказано. Её не выбирают. Скажу откровенно, я счастливый человек в этом плане, мне с родней очень повезло.

37. По рассказам, переставить всю мебель в квартире.

Переставлять мебель это было моим хобби. Хотелось новизны в обстановке. Пустяк, конечно, но это приводило и к эмоциональному обновлению.

38. Что это за случай с «лифтолечением» в больнице?

Была у нас одна лежащая пациентка из глухой деревни на втором этаже больницы. Повезли её как-то на кровати в лифте на обследование в подвальное помещение, а затем подняли в палату. Потом оказалось, что снимок был неудачным, и решили переснять. Пришлось больную опять на лифте спустить в подвал, а потом вернуть в палату. В те времена больным ничего не рассказывали и больная подумала, что это такая лечебная процедура. На что она

заявила: «Мне это лифтолечение совсем не помогло»

39. Правда, что ты участвовала в больничной самодеятельности?

А что тут удивительного? С детства я любила и участвовала в самодеятельности. Мы ставили спектакли дома, во дворе, в школе. В больнице мне нравилось составлять сценарии наших концертов. Это были в основном вокальные номера с переделанными словами на актуальные медицинские темы, где наши врачи и медсёстры пели под аккомпанемент моего сына, а потом и зятя. Эти концерты пользовались большим успехом.

40. А Конкурсы медсестёр? КВН?

Было и это. Проводила конкурсы медсестёр из разных отделений, составляла вопросы. Проводили и КВН, у нас был дружный и жизнерадостный коллектив со своими солистками-звездами: Галей Сайфуллиной, Томой Каджевой, Люсей Ивановой, Люсей Лихаловой – я всех их с теплотой вспоминаю.

41. Любила ли ты путешествовать?

Очень. И сейчас люблю. Последний раз ездила на пароходе на Багамы в этом году. Много путешествовала по Советскому Союзу, побывала во многих тогдашних республиках. Удалось посетить и Финляндию, где меня особенно, помимо прочего, поразили дворники, что мыли по утрам мылом булыжник перед отелем. На

пароходе совершила в своё время так называемый Дунайский круиз по многим странам. Особенно понравилась Австрия и атмосфера в Вене.

42. Чем отличается от других стран Германия?

Прежде всего тем, что в Мюнхене живут семьи моего сына и моей внучки. И я, естественно, очень часто гостила у них. Вместе с ними мы объездили большую часть Баварии, побывали в Бельгии, Австрии, Венеции. Однажды ребята устроили нам замечательный сюрприз – встречу трёх сестёр: меня, Беллы и Ани. Мы забываемо провели время – посещали выставки, гуляли по городу, и вспоминали, вспоминали ... Там в Мюнхене похоронена Белла.

43. А Бельгия?

Бельгия, в частности Антверпен, поразила нас своей уникальной архитектурой. Но самым примечательным событием был концерт моей внучки Анны Гурарий с Королевским Фламандским симфоническим оркестром с Первым фортепианным концертом Шопена. В очередной раз она поразила нас до слёз своим вдохновенным искусством.

44. Занималась ли ты спортом?

Нет, не было времени.

45. Любимый цвет?

Бежевый.

46. Любимое время года?

Лето.

47. Время дня?

Утро.

48. Любимые писатели?

Их много. В каждое время свой писатель. Сейчас с интересом перечитывала некоторые рассказы Бунина поочерёдно с «Безобразной герцогиней» Фейхтвангером. А потом для разнообразия и контраста Токареву. Ну и, конечно, постоянно перечитываю книги сына и Ани. Они у меня на ночном столике.

49. Любимые эстрадные певцы?

Любимые слишком громко сказано. Может быть Магомаев, Пугачева, Вайкуле? Вообще, я не знаток эстрады. Мои предпочтения в музыке лежат в области классической музыки, и в особенности фортепианной. Там у меня непререкаемые многолетние фавориты – мой сын и моя невестка Люда. А в последние десятилетия несомненно моя несравненная внучка и гордость нашей всей семьи – Анечка, или как мы её называем – Нануля. Она в особых рекомендациях не нуждается, её искусство любят на всех континентах. В своё время подавала большие музыкальные надежды и другая моя любимица и внучка Ириша: уже школьницей выступала в концертах и даже с оркестром, но потом вдруг сменила музыку на

точные науки. И существует в другой профессии не только успешно, но и, как мне кажется, с музыкальной грацией.

50. Политика – это искусство возможного?

Без комментариев, политикой не увлекаюсь

52. Жизненный девиз?

**Не живи уныло,
Не вспоминай, что было,
Не гадай, что будет,
Береги, что есть.**

53. Где наш дом?

Мой дом там, где я живу вместе с моими близкими.

54. Нынешнее молодое поколение? Какое оно?

О всём поколении я не могу говорить. Но что мне заметно: оно совсем другое и очень непохожее на наше. Вероятно, жизнь диктует свои условия подрастающему поколению. Они, естественно, адаптированы к современной реальности, в чём-то у них больше знаний, в чём-то они уступают более старшему поколению в смысле житейской мудрости, способности глубокого анализа обстоятельств. Но это всё придёт к ним, и, несомненно, будущее за ними.

55. Как относиться к критике? И необходима ли самокритика?

Могу сказать только про себя. Не хотелось бы делать никаких наставляющих обобщений. У

меня возможно обманчивое ощущение, что я никогда по сути не подвергалась жёсткой критике. Высказывали пожелания и я, если была согласна, с благодарностью их принимала. Но сама я очень самокритична. И конечно, всегда осознавала, что я, как любой человек, не идеальна. Когда случались ошибки, я старалась их сразу же исправить и больше не повторять. Так во всяком случае мне кажется. Но со стороны, возможно виднее.

56. Непроходящая обида – была ли? На кого? На что?

Как у любого ранимого человека были и обиды, но я никогда не держала долго зла за пазухой и умела прощать людей.

57. Как возникают или не возникают доверительные отношения между людьми.

Это всё так индивидуально. Не существует правил на все случаи жизни. Лично мне кажется, что всё начинается с умения слушать другого, дать ему возможность выговориться.

58. А если хочется возразить, убедить собеседника в обратном?

Тогда это не беседа, а насаждение во чтобы то ни стало своего мнения. Вряд ли можно тогда услышать и понять правоту другого.

59. Что такое судьба?

Наверное, это последовательность каких-то эпизодов, случаев, происходящих независимо от

тебя, по стечению обстоятельств, что и есть – жизнь, со всеми её взлётами и падениями.

60. Что не хватало тебе обычно для полного счастья?

Вопрос какой-то странный. Счастье не приходит на все времена в чьё-то владение. Тем более, полное счастье ... Чего-то всегда не хватает. Многих факторов. В частности для меня – потеря близких, которых уже не вернёшь, так и осталось чем-то невозполнимым в моей жизни, чтобы рассуждать о полном счастье. А в остальном: не хватает просто времени, чтобы осуществить всё задуманное. Иногда огорчает вынужденная разобщённость с близкими.

61. Чему ты благодарна?

Благодарна родным за тёплое отношение и заботу, благодарна равнодушным людям, окружающим меня, благодарна судьбе, которая вела меня по жизни

62. Боялась ли ты бедности?

Нет, не боялась. Меня жизнь закалила так, что я знала, что выживу в любой ситуации

63. Что для тебя деньги?

Признаю относительную значимость денег в жизни. Но не более того. Они как погода, сегодня так, завтра по-другому.

64. Каких ты домашних животных любишь?

Особенно никаких не любила, но всегда содержала из-за практических соображений кошек и собак.

65. О чём ты сожалеешь?

Что мои близкие живут в разных странах.

66. Осуществлялись ли несбыточные мечты хоть раз в твоей жизни?

Нет, не припомню.

67. Женщины слабый пол или сильный?

Сильный.

68. Главное предназначение женщины?

Создавать постоянно тёплую атмосферу дома и поддерживать уют.

69. Главное предназначение мужчины?

Поддерживать женщину.

70. Какое качество ценишь ты в людях больше всего?

Преданность, честность.

71. Какое качество самое отвратительное?

Враньё.

72. Существует ли святая ложь?

Да, во имя блага.

73. Веришь ли ты в людей без греха и недостатков?

Нет.

74. От какого своего недостатка ты хотела бы избавиться?

Не ощущаю сама каких-то своих серьёзных недостатков или пороков, от которых бы я хотела избавиться. Но, скорее всего, имеются какие-то, мне незаметные. Но как замечу, начну избавляться.

76. Хотела бы ты принадлежать к другой национальности?

Нет.

77. У кого ты в жизни больше всему научилась. Была ли у тебя личность для подражания?

У мамы. Мама.

78. Разговариваешь ли ты охотно с совсем незнакомыми людьми?

Нет.

79. Что такое для тебя семья?

Всё.

80. Какая у тебя мечта, которую ты хотела бы осуществить?

Вернуть ушедших ... Чтобы все родственники жили рядом.

81. Когда ты больше всего нервничаешь, что приводит тебя к беспокойству?

Постоянное волнение за близких.

82. Посещения магазинов это ...

Обновление. Но если только в меру.

83. Красивый человек – это ...

Приятно, привлекательно. Радует взгляд.

84. Что приводит тебя к скуке?

Когда дома никого нет.

85. Юмор в твоей жизни, семье, среди близких?

Я люблю юмор, как и все члены моей семьи, и, как мне кажется, понимаю его легко.

86. Любимое времяпровождение?

Когда приходят дети, внуки, правнуки. Или возиться с цветами на балконе.

87. Почему ты любишь не копить, а тратить?

Чтобы жить сейчас, в настоящий момент.

88. Что такое предательство?

Когда ты доверяешь, а в итоге – зря. Но не надо в этом вопросе преувеличивать – это могла быть временная ошибка.

89. Нравится ли тебе современная мода?

Да, нравится. Она раскованная, можно так, можно эдак. На любой вкус.

90. Радует ли тебя в твоих детях, внуках, правнуках похожесть их на тебя?

Даже очень, это ведь продолжение ...

91. Что огорчает в детях и внуках?

Практически ничего.

92. Какие профессии ты пожелала бы своим правнучкам и правнуку?

Профессии врачей или музыкантов.

93. Прощение. Можно ли простить всё?

Можно.

94. Что такое одиночество и как с ним бороться?

К счастью, мне не пришлось это испытывать.

95. Газеты, журналы, медиа – можно ли жить без них?

Нет, конечно, это не для меня.

96. Где бы ты хотела ещё побывать.

В Венеции. Потрясающее впечатление полноты жизни в городе, и оазисы тишины и цветов на близлежащих островах. Ни с чем несравнимый город, где я была в окружении самых близких мне людей

97. Ты оптимистка по натуре, или научилась оптимизму позже?

Да, это моё – оптимистическое восприятие жизни.

98. Если бы можно было вернуть всё вспять, что сделала бы ты в своей жизни по-другому?

Ничего бы не меняла.

99. Как ты думаешь, что важнее всего в жизни?

Семья и здоровье.

100. Какой бы ты вопрос хотела бы задать самой себе?

Правильные ли решения я принимала и продолжаю принимать в жизни?

МАРИЯ ГУРАРИЙ

*РАССКАЗЫ
СТИХИ
ВОСПОМИНАНИЯ*

ЖИЗНЬ КОРОТКА

*Жизнь коротка, пришёптывает ночь, а я – длинна ...
Спит, дышит, трудится, поёт моя родня
в Лос-Анжелесе, Мюнхене, Торонто и Москве,
в Нью-Йорке, Эльстерверде, Хайфе, Киеве,
в Саратове, Казани, Иерусалиме, Риге ...
Лишь я не сплю и памяти тяжёлые вериги
висят на сердце у меня. Кольца цепи
лет счастья и несчастий едины и крепки.*

Детство, юность, местечко, наш дом ...
Вспоминая о времени том,
льются слезы. Любимая мама,
сёстры милые, где ваша яма?...

Где наш город родной,
где влюблялись порой,
где учёба и труд нас сближали,
где заботы семьи согревали?

война обрушилась к несчастью –
мир лопнул в одночасье ...
Семья, родительский наш дом –
всё уничтожено огнём ...

Смятенье , хаос, слёзы и разброд, –
многострадальный наш народ! –
жестокость, голод, пытки, беспредел,
потеря близких, гетто и ... расстрел.
Боже, судьба – как к горлу нож,
людскую жизнь не ставишь ты ни в грош,
всё задуманное мной,
ты отправил в мир иной.

Пришла с дежурства я домой,
на столе письмо – открой!
Почерк мамин: «Убегай скорей!
Встретимся через 5-6 дней.
Мы в деревне у Андрея,
Соня здесь, и дети с нею,
и Луизочка нашлась,
нету Малки, вот напасть ...
себе места Зина не находит,
в Минске от могилы не отходит,
сердце в горе обронила –
мужа Гришу схоронила ...»

Письмо заставило бежать,
от фашистов удирать,
вся родня, вся мишпоха
полегла там навсегда:
мама, сестры, братья, дети,
где искать могилы эти?...

Люди волочили деток,
и больных, и малолеток,
Цель ясна, достигь бы брик,
отдохнуть ... унд шнел цурик.

Говорили старики,
немец близко, поспеши,
будет взорван ближний мост,
всех отправят на погост.

Будет враг здесь очень скоро,
поспеши без разговоров,
пробежишь ты ближний брик,
отдохнёшь ... унд шнел цурик.

Помню ясно этот миг,
этот мост и этот *брик* ...
мы расстались без напутствий, к сожаленью,
оказалось навсегда, не на мгновенья.

Ведь прощанье наше длилось
пять секунд – всё будто снилось,
жизнь прежнюю война не признавала,
оскалившись, враждебно лютовала.

Преодолевали мы мосты,
и уходили вглубь страны.
С чувством горечи отметим,
верили – родных мы вскоре встретим ...

Ночью двигалась толпа,
Будто шевелилась вся земля,
Матери и дети голосили тонко,
ветер им стонал вдогонку.

- - -

Когда после войны попала я «домой»,
и глянула на пепелища,
туман клубившийся с тоской,
напомнил мне не о жилищах:

*мама, сестры, братья, дети,
где искать могилы эти? ...*

*Жизнь коротка, пришёптывает ночь, а я – длинна ...
Спит, дышит, трудится, поёт моя родня
в Нью-Йорке, Мюнхене, Иерусалиме, Риге ...
Лишь я не сплю и памяти тяжёлые вериги
тревожат раненое сердце. Ни печаль,
ни бред кошмаров не унесутся вдаль.
О, жизнь, мне душу старую утешь,
согрей безмерность горя и обещай – мятеж
коварства, ненависти, зла
не повторится в мире никогда,
и пусть пришёптывает ночь тогда:
жизнь коротка, жизнь коротка ...*

*25 февраля 2003
Нью Йорк*

ИМЕНА И ТИТУЛЫ

Меня зовут *Миня*. Непривычно? Меня назвали в честь прабабушки. Свое имя она гордо носила, где бы не жила – и в Германии, и в Белоруссии. Произнесите это имя медленно, и услышите звучание флейты. Есть у меня ещё одно имя, запасное – *Реля*. Его я не очень люблю и потому всегда скрывала от всех в моём «тайнике». Может быть поэтому меня редко звали *Миня-Реля*. Пожалуй, исключением была моя старшая сестра Соня. Она с такой любовью, мягко и мелодично произносила *Миня-Релечка*, что невозможно было на неё за это обижаться.

В былые времена родители часто награждали в еврейских семьях своих детей, вторыми именами. Когда я пришла первый раз в школу, учитель Альчуть меня спросил:

- Как тебя зовут, девочка?
- Миня, – отвечаю.
- А еще как?
- А еще *Миня-Реля*, - прошептала я по секрету ему на ухо.
- И фамилия есть?
- Да есть, *Вайнман*, – задумалась я и (но не обижать же маму,) добавила, – и *Плакс*.
- Ты богатая, – сказал учитель. - Две фамилии и два имени. А сколько тебе лет?
- Лет? Если моей старшей сестре Зелде шесть, значит мне восемь.

- Интересная еврейская арифметика, - с улыбкой сказал учитель, - уточни Миня-Реля у родителей твой возраст и фамилию.

Окрылённая, я помчалась домой и всё рассказала родителям. Правда, со словом *возраст* вышел небольшой конфуз. Я его раньше никогда не слышала и поэтому при рассказе поделила на два мне знакомых слова - *воз* и *рост*.

Но родители меня поняли и обрадовались. Интересуются ростом - значит форму детям шить будут. Мама была просто счастлива. Наконец-то, Миня-Релечка получит новое платье. Обмерила дочурку по всем правилам: объём груди пошире, длину с большим запасом ... Словом, чтобы платье послужило несколько лет.

- А что такое *воз*? - терпеливо, но безрезультатно допытывались родители. Я не знала. Загадка была разгадана только после их визита в школу.

На самом же деле у меня не два, а гораздо больше имён. И чем старше становлюсь, имена прибавляются. Папа меня называл *Мицэле*. Мама - *Минька*. Когда закрыли еврейскую школу хедер и всех детей перевели в белорусскую школу, учеников наградили новыми именами. *Гершелэ* стал *Герасимом*, *Фейгелэ* - *Фаней*. Я заимела больше всех имён: *Маня, Маша, Маруся*.

По окончании четырёхгодичного Медицинского техникума в Минске мне присвоили звучное имя *Мария*. А с началом моей трудовой деятельности в роддоме Пуховичей мудрёный по тем временам титул *акушерки*. До войны я была *дочерью*, после войны *женой*.

Я не превышала скорость, но и не плелась в хвосте. Шла в ногу с возрастом. К двадцати семи годам жизнь наградила меня именем – *мама*. Излишне объяснять как я дорожу этим святым именем, как берегу его уже на протяжении почти семидесяти лет.

Затем я заимела счастье стать *злющей свекровью*, а через пару лет и *строгой тещей*. Ненавижу титул *вдова*, но его я получила неожиданно рано.

Быть *бабушкой* – это волшебный дар. А по определению философов даже колдовство.

Место убитых во время войны сестёр заполнить нельзя. Но с рождением двух любимых внучек в мире стало теплее и радостнее. В звании *бабушки* я застряла, засиделась. *Прабабушкой* стала трижды, но сравнительно недавно, так как мои очаровательные внучки довольно долго наслаждались жизнью. И поначалу не хотели, чтобы я продвинулась по званиям дальше.

Когда я служила в Советской Армии у меня тоже были имена и звания: старшая *операционная сестра*, *младший лейтенант*. Жаль, не дослужила до *генерала*. Но это звание мне было присвоено у нас в семье. Когда обсуждаются важные проблемы, мои ребята говорят: а что скажет на это, наш *генерал*?

Итак, чем старше становлюсь – богатею на имена и звания. А значит обновляюсь и молодею.

УШНЫЕ КАПЛИ,

В тот пасмурный мартовский день наш Эвакогоспиталь с утра и до рассвета следующего дня встречал и провожал эшелоны раненных. Шли ожесточённые бои на фронтах.

Внутри отделений кипела кропотливая работа. Оперативно менялись постели для вновь прибывших, быстро и чётко готовилась сопровождающая документация. Каждый медик знал своё место и назначение. Костяк госпиталя состоял из хорошо профессионально обученных специалистов.

Вместе с тем, штат сотрудников пополнялся. На ходу обучались и вольнонаёмные. Среди вновь прикомандированных появились и совсем юные девушки, настойчиво рвавшие на фронт.

В нашем хирургическом отделении также появились три девочки, ласковые и добрые. По первому зову раненых они незамедлительно прибегали в палату, оказывали помощь или выполняли многочисленные просьбы. Несмотря на огромный объём работы, юные красавицы не унывали, подбадривали раненых шутками, задорно смеялись сами. Не забывали они и о своей женской привлекательности. Словом, создавали необходимую атмосферу надежды.

«Пациенты-старожилы», лечившиеся у нас уже некоторое время после тяжёлых ранений, постепенно становились нашими помощниками в повседневной работе. К ним присоединялись и легко раненые. Поручений хватало на всех: кто скатывал бинты после стирки, кто помогал тащить пустую посуду в аптеку ...

Володя Платов, бывший студент Киевского технологического института, готовился к выписке после длительного лечения. И тут в отделении появляется вольнонаёмная медсестра Надюша Макарьева. Парень потерял голову. Любовь с первого взгляда. Весельчак стал непривычно сосредоточенным и молчаливым.

Соседи по палате начали над ним подшучивать: мол, не робей, парень, твоя смуглянка из Сумы тебя полюбит, дай ей только срок, будет тебе и дудка, будет и свисток. Добивайся свидания и признавайся в своём чувстве. Наконец, общими усилиями была организована встреча молодых.

В подготовке первого свидания принимали участие почти все раненые и медперсонал. Главная задача – как одеть Надю? Аня Гельман дала ей свои бусы-амулет, с которыми она никогда не расставалась. Лена Шарко нацепила на её розовую кофточку свой блестящий коричневый поясok, подчёркивавший изящество Надиной фигуры. Все любовались ею. Принцесса, шептали восторженно вслед. Только духов в те времена ни у кого не имелось. Ну, а какое же свидание без духов. Выручили опять же раненые.

Больной Иванов из седьмой палаты принёс тройной одеколон: «Давай бутылочку, – шепнул он Наде, – налью немного». Надя заметалась в поисках стеклянной тары. На помощь бросилась отзывчивая нянечка Полина, она моментально помчалась в процедурную за флакончиком для фантастической жидкости. Уж очень хотела она удружить подружке по общежитию. Итак, вскоре Надюша, нарядная, воодушевлённая, ароматизированная, выпорхнула из закутка, принадлежавшего сестре-хозяйке, на встречу ... с неизвестностью.

Итак, молодые отправились на первое свидание. Тем временем в госпитале жизнь в тот вечер шла своим чередом. На ночное дежурство вышла новенькая сестричка Лида Дмитриева.

Через некоторое время всё вокруг ходило ходуном – ЧП в госпитале! Новость облетела палаты: «Мона Лиза» заговорил. Нет не заговорил, – он кричал, возмущался, почему Лида Дмитриева «вмонтировала» ему в уши микроскопический будильник, который постоянно стучит и тикает. Ради всех святых, – просил он, – помогите!!

Контуженный, беззубый дедуля, по кличке «Мона Лиза», был и без того не обделён особым сердечным вниманием со стороны медицинского персонала. Сильнейшие головные боли не покидали его ни днём ни ночью. Он мог время от времени лишь шептать: мамочка, помоги ... мамочка помоги ... Засыпал он только после обезболивающих уколов, тихо, безмятежно и, аккуратно укутав голову простынкой, будто новорождённый после очередного кормления. Ни на какие вопросы он не отвечал. Врачи не могли собрать анамнез, чтобы даже оформить историю болезни. И всё же надежда на улучшение не покидала врачей. Время лечит, твердили они. Когда его называли дедулей, у него в глазах и в углах беззубого рта появлялась приятная и добрая улыбочка. Вот за эту его еле заметную улыбку соседи по палате прозвали дедулю «Моной Лизой». Вскоре за глаза уже все называли его так.

Не было бы счастья, да несчастье помогло, гласит мудрая народная пословица. Больной, наконец, заговорил! Несчастный старичок шагал по коридору, маршировал, танцевал, гримасничая от боли. И умолял о помощи.

Растерянная Лида, осмотрев уши дедули, в панике воскликнула: «Ой, тихий ужас!» Уши были заклеены прочной плёнкой. Врач, примчавшийся по зову Лиды, стал манипулировать, но тщетно – ничем ту злосчастную плёнку, появившуюся после очередного закапывания ушных капель, удалить не удавалось.

Аптека проверила срок действия и дату изготовления ушных капель. Аналитик кропотливо определила соответствует ли содержимое лекарство этикетке-рецепту на флаконе.

Все волновались. Неужели вредительство? А может аптека что-то напутала? Ранее, правда, у нас таких казусов не наблюдалось. Когда появилась заведующая аптекой Зинаида Рыбалко в сопровождении аналитика, все умолкли.

История, между тем, оказалась предельно простой. Пустой флакон, который молниеносно раздобыла для духов милая санитарка Полина, был из-под коллодиума. Остатки же коллодиума она, перелила в стоявший рядом флакон с ушными каплями.

Полина была наказана. Три месяца она чистила картошку и аккуратно посещала теоретические занятия по уходу за больными.

Судьба «Моны Лизы» после удачной операции по удалению коллодиума стала по крупинкам проясняться. «Дедуля» Борис Репин, к удивлению всех, оказался ... тридцативосьмилетним мужчиной. Он был контужен под Минском после страшной бомбардировки. Раненных спешно вытаскивали из-под бомбёжки и отправляли в полевые или в тыловые госпитали на лечение. Умерших хоронили на месте. «Дед» лежал без сознания и должен был быть захоронен в траншее. Какая-то «добрая душа»

его наполовину уже раздела, – многие лишались обмундирования на последнем этапе своей жизни, – и вдруг обнаружила, что мертвец ... дышит. Как он воскрес и попал в госпиталь, одному Богу известно.

Память постепенно возвращалась к «Моне Лизе». Первое, что он вспомнил, что работал до войны в консерватории педагогом по скрипке. Дело шло на поправку. Раненые шутили – лечение ушными каплями помогло.

БОГ ТРОИЦУ ЛЮБИТ

Осень сорок первого года. Кувандык, прифронтовой Эвакогоспиталь 3320.

Голос Левитана по радио мы слушали с содроганием. Наша доблестная Красная Армия оставляла фашистам города и села.

Эшелоны с тяжело ранеными, контужеными и больными непрерывно поступали в госпиталь. Истерзанные, голодные, завшивевшие раненые были счастливы попасть в руки медиков.

По прибытии очередного эшелона с ранеными, все без исключения свободные от дежурства работники госпиталя, невзирая на занимаемые должности, помогали чётко и быстро выгружать «носилочных» и ходячих на костылях раненных.

Приёмный покой славился санитарями. Кто срезал грязный завшивевший гипс, кто купал раненых, кто стриг ... Мне, операционной сестре, пришлось тоже постичь азы парикмахерского искусства – брить и стричь по необходимости раненых.

Однажды раненый Шишков, молодой балагур, шутник и любимец женской половины медперсонала госпиталя, попросил меня после очередного бритья:

- Сестричка, поправь мне брови.
- Я не умею, – призналась я.
- А чего тут уметь, подравняешь и делов-то.
- Ладно, – неохотно согласилась я, – только не вертеться.

Однако, едва я принялась с осторожностью за густые брови Шишкова, как кто-то его окликнул. Он резко

повернулся и я ... срезала ему бритвой левую бровь почти подчистую.

Шишков глянул в зеркало и чуть не заплакал от досады. Я не знала что и делать. Но тут раздался гомерический хохот. Я обернулась. Смеялся сосед Шишкова по палате. Вскоре хохотал весь госпиталь. Ходячие раненые поползли в палату глянуть хоть одним глазком на обескураженного Шишкова. Наконец, придя в себя, он попросил забинтовать голову, только чтобы не видна была злополучная бровь. Веселье от этого только прибавилось. Сестрички с кокетливым сочувствием предлагали подрисовать бровь. Быстро оправившись от «косметической травмы», Шишков со смехом позволял экспериментировать над своей внешностью.

Словом, это недоразумение на короткое время отвлекло раненых и медиков от тяжёлых мыслей о бесконечных потерях на фронтах, об отступлении ... Да мало ли о чём думалось в те первые месяцы войны.

После санобработки начинался самый важный и ответственный этап: операции, перевязки, наложение гипса и многое другое. Мы по суткам не выходили из госпиталя. Без выходных и праздников.

Общежитие, где мы ночевали и отдыхали в свободное от работы время, не отапливалось. Между тем, стоял мороз около сорока градусов. Топлива никакого не было – все имевшиеся в близлежащей округе заборы, доски, табуретки уже давно сгорели в нашей немудрёной печурке.

Из-за холода спали мы по три человека на одной койке. Из трёх постелей сооружали терем. Место посередине выпадало каждому из нас раз в три дня.

Неписанный устав гласил: «счастливая серединка» первая ныряет в постель и согревает её своим телом.

Иногда, доведённые холодом до отчаяния, мы «заимствовали» нелегально у железнодорожников, – впрочем, с их же молчаливого согласия, – каменный уголь.

Однажды, натопили на радостях, согрелись, расслабились и счастливые уснули крепким сном, забыв вытащить заслонку на печке.

Проснулись на носилках ... в морге. Из двадцати четырёх человек трёх не стало. Осталась жива. Счастливая случайность ...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Третий Украинский фронт, Четырнадцатая отдельная Армия. Армейский Эвакогоспиталь 3320. Передислокация из Запорожья в Радьковские Пески. Наш эшелон мчится на большой скорости. Ночь. Очень тревожно. Слышны близкие бомбовые удары. Волнение, растерянность и боязнь, что вражеские самолёты мгновенно настигнут поезд, возрастает.

Стараясь нас отвлечь от угрожающей опасности, политработники запевают фронтовые зазорные песни. Но буквально через минуту – ТРЕВОГА! Эшелон останавливается, все бегут врассыпную.

Нас бомбят. Ночь, темень, бежим не соображая куда. Неожиданно я почувствовала, что лечу куда-то вниз. Вдобавок что-то очень большое и тяжёлое падает сверху на меня. Удар, ещё один. Инстинктивно хватаюсь руками за тяжёлый предмет, на поверку оказывающийся незнакомой мне девушкой. Уже вместе кубарем летим вниз на дно глубокой воронки. Плюхаемся со всего размаху в вонючее месиво.

Потирая ушибы, встаём на ноги и пытаемся карабкаться наверх. Не тут-то было. Земля осыпается под ногами и мы по очереди вновь и вновь окунаемся в едкую по колено жидкость.

Начинаем кричать, звать на помощь, но увы ... Наконец, знакомимся. Оля, высокая дородная и очень красивая блондинка, легко меня подымает и ставит на свои плечи. Я пытаюсь ухватиться за что-нибудь, но, земля скользит, осыпается и я валюсь вниз.

Так продолжалось бесчисленное количество раз. Бомбёжка кончилась. Эшелон умчался к месту назначения.

Сколько это продолжалось? Мы потеряли уже всякую надежду. Ночь. Ни звука. Лишь далёкие всполохи взрывов. Мы были всеми брошены. Казалось, нас заживо похоронили.

Из прекрасной блондинки Оля превратилась во всклокоченное бесполое существо с выпученными от страха глазами. Думаю, что я выглядела не лучше.

Время от времени мы принимались по очереди плакать. Затем звали ослабевшими голосами на помощь, ну и, конечно, вновь и вновь безуспешно пытались карабкаться наверх. Чтобы не замёрзнуть, мы стояли в холодной мутной воде обнявшись, согревая друг друга. О сне не могло быть и речи.

На рассвете наши попытки выбраться из воронки возобновились. В промежутках мы продолжали уже без энтузиазма взывать о помощи.

Наше спасенье явилось в образе высокого крепкого мужчины уже когда мы были на грани отчаяния. Его рыжую копну волос, мы приняли вначале за мираж. И только, когда из под густых усов забелел в доброй улыбке ровный ряд зубов, мы поверили в реальность рыжего видения.

Трое суток, грязные, голодные, но счастливые, мы брели по рельсам к месту расположения госпиталя. Нас к тому времени уже оплакали. Ладно ещё не успели похоронки отправить родственникам. Представьте, сколько слёз радости и веселья вызвало явление посланцев с «того света»

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Петсамо. 8 Мая 1945 года. Эвакогоспиталь 3320. Наконец-то! П-О-Б-Е-Д-А!

Долгожданный день наши медики не замедлили активно «отметить». В радостную трапезу вовлеклись даже трезвенники. Все ходили «навеселе».

Надо же было такому случиться, что именно в этот торжественный день у меня начался сильнейший приступ аппендицита. Корчась на кушетке от боли, я слышала словно в тумане пьяные крики: «Победа-а-а! ... У Марии Вайнман аппендицит! Победа-а-а! У Марии ...»

Что делать? Хирурги «под градусом». Вокруг меня озабоченно кудахтали «мелкокалиберные майоры». Так, с нежным юмором называли нас, операционных сестёр. Мы были, молоды, задорны и трудолюбивы. И, как нам казалось, привлекательны.

Старшая операционная сестра была особенно встревожена – надо спасать подругу! Она лихорадочно перебирала в голове возможные варианты: с кем из хирургов придётся стоять за операционным столом.

Начальник госпиталя, майор Арбузов принимает решение: несмотря на «определённое состояние», оперировать должен доктор Карпов. Глянув на хирурга, старшая сестра засомневалась, сможет ли Карпов держать в руках скальпель. Между тем, нарастала угроза перфорации.

Прооперировали. Флегмонозный очаг был удалён. Все вроде остались довольны. Карпов по случаю ещё «принял».

Но вскоре со слов очевидцев у меня посинели губы и ногти, пульс стал нитевидный, живот вздулся, а через некоторое время я и вовсе потеряла сознание.

Тревогу подняли мои подруги, не покидавшие меня всё это время. Начальник госпиталя срочно вызвал специалистов из штаба армии. Повторная операция началась в тот же час. Брюшная полость была заполнена кровью. Оказалось, забыли перевязать по забывчивости один сосуд.

Моими спасителями стали профессора Микеладзе и Рахлин. После длительного лечения мне присвоили инвалидность и отправили в санитарном вагоне в тыл.

Куда ехать? Мама и три мои родные сестры с их семьями (всего более 20 человек) были замучены фашистами. Дом сожжён.

Незатиhaющая боль по погибшим, заставила меня принять решение не возвращаться в Белоруссию.

Послевоенная жизнь началась в Латвии, сначала в Даугавпилсе, затем в Риге. Там вышла замуж и родила двоих детей. Потом Тамбов, Москва, Зеленодольск и на долгие годы Казань. Трудовой стаж 52 года. В Америке с мая 1994 года.

РОДИЛЬНЫЙ ДОМ В КУХОВИЧАХ

Этот таинственный, загадочный, окутанный мифами и слухами дворец куховичане получили после многолетнего запустения.

Его история долго передавалось из уст в уста, обрастая догадками, слухами, вымыслами и жуткими подробностями. Суеверные остерегались даже близко подходить к этому месту ...

Правнук богатого купца, проживавшего в то время в Швеции, влюбился в белорусскую красавицу Ксюшу. В знак пламенной любви Ланизар Пелебин соорудил это великолепное строение, мечтая вернуться в Россию в давно заброшенное предками поместье с прудом и заросшими тропами. Ксюше по случаю бракосочетания и предназначался такой роскошный сюрприз. Невеста была безмерно счастлива и покорена щедростью жениха-иностранца. Люди говорили, что это Всевышний оценил ее за трудолюбие, честность, горькие слезы, пролитые по умершим родителям, за „шатания“ по белому свету в поисках заработка ... Он и послал ей, вероятно, богатого «заморского принца». Конец этой истории был трагичен. Сразу после свадьбы молодых нашли жестоко изувеченными. Они даже не дошли до украшенного полевыми цветами будуара. Неизвестный убийца, настигнув молодожёнов, молниеносными ударами железякой уложил обоих. Их и похоронили рядом. Кто-то на протяжении долгих лет ставил цветы на их могилу ...

Много лет прошло прежде чем это шикарное здание стало медицинским учреждением – родильным домом. Талантливый главврач, Ушакевич Александр

Ануфриевич, превратил заброшенный дворец в современный родильный дом для будущих матерей со всей округи. Мы, весь медицинский персонал, были довольны: условия для работы были созданы превосходные, только трудись и наслаждайся.

Сюда поступали роженицы разных возрастов: от малолеток (14 -15 лет) до великовозрастных. Медики были особенно внимательны к юным мамашам и заботливо употребляли всё своё мастерство и душу, опекая первородок и их младенцев.

Конечно, физически здоровые, молодые роженицы (от 20 до 30лет) поступали в это учреждение чаще других. Работать с этой категорией пациенток, из-за отсутствия больших проблем, акушерам было вольготно и хорошо.

Реже появлялись роженицы бальзаковского возраста. К ним акушеры относились с предельной деликатностью и внимательностью.

Истинным наслаждением для медиков было видеть, как счастливая мать покидает родильный дом со своим сокровищем. Мы чувствовали тогда свою необходимость и гордость от своей профессии, ведь это были очевидные плоды и нашего труда, который в особенно трудных случаях требовал высочайшего профессионализма, а порой и самоотверженности.

Мы научались визуально определять пол ребенка, когда он ещё находился в утробе матери. Если у женщины гусиная походка – ходит в развалочку, живот большой, как воздушный шар, знай – это будущая нетерпеливая ПРИНЦЕССА, которая стучит кулачком или ножкой в

животик матери, напоминая о своем существовании и величии.

Если будущая мамаша ходит как пава, походка интригующе загадочная, животик предельно аккуратный, вас ждет наследник ПРИНЦ, выдержанный, гордый.

Дети появлялись на свет по-разному, кто легко (хотя, конечно всё это очень условно), кто мучительно трудно. Нам иногда казалось, что мы можем даже определить дальнейшую судьбу маленького человечка.

„Выскочки“ обычно появлялись на свет, как правило, крикунами и маленькими „обжорами“, требовали молока, как в горячем вредном цеху. Акушерки этих крикунов обожали.

С молчунами и „лентяями“ мы вели ожесточенную „войну“. Доходило до „рукоприкладства“. Порой приходилось шлёпать по бледной, тощей попке, пока ребёнок не ответит громко и выразительно. Так медики воевали в своеобразном „кузнечном цеху“ родильного дома и „ковали“ качественно и количественно отборные кадры для грядущего будущего.

Появлялись иногда и «мимолётные» роженицы, которые украдкой умудрялись навсегда покинуть свое потомство для некоего ДЯДИ ВАСИ ... Так однажды красавица Дарья, отпросившись на час для покупки необходимых пелёнок и одежды, оставила своего сыночка на попечение медиков и ... исчезла как дым. В ожидании „заботливой“ мамыши мальчик жил в окружении медицинского персонала три месяца. Но, увы, мамаша исчезла навсегда и роль родной матери взял на себя Дом Ребенка.

Глядя на неповторимые нежные личики новорожденных, невозможно было не ощутить в роддоме особую романтическую атмосферу мечты.

РОЗОВЫЕ, КРЕПКИЕ, откормленные сосуны метят в дипломаты.

КРИКУНЫ, красивые и очень-очень привлекательные с прямой длинной шевелюрой – это, наверняка, будущие ораторы или юристы.

ТИХИЕ, СПОКОЙНЫЕ казались немногословной и рассудительной группой интеллигенции: будущие врачи, педагоги иногда мурлыкали в тиши, оправдывая поговорку „молчание – золото“. Как можно было их не любить и ими не восторгаться.

ЛЫСЕНЬКИЕ, недоношенные малыши будут скорее всего финансистами. Если их судьбу не решат родители по-другому.

КУДРЯВЫЕ – возможно, будущие раввины. Или звёзды эстрады?

С Днем рождения, дорогие новорожденные!

КРЫСЫ

1946 год. Латвия, Даугавпилс.

Подготовка нищенского «приданого» для моего первенца, который вот-вот должен появиться на свет, уже почти закончена. Фланельки для портянок и кальсоны, которые мы получили при демобилизации, оказались в умелых руках мягкими чудесными пелёнками. Правда были трудности. Не было ниток, но и здесь выход нашёлся. В „расход“ были пущены вязаные голубые кальсоны, которые оказались прекрасным материалом для обвязывания пелёнок. Комплект для новорожденного с голубой вышивкой, окантованный всякими вензелями, получился превосходным. Дошивалось тёпленькое ватное одеяльце.

Неожиданно начались неопровержимые предвестники родовой деятельности. «Как не вовремя!» - подумала я.

Без паники и тревоги дошиваю одеяльце, торопясь приготовить всё необходимое для будущего человечка. Встревоженный муж умоляет как можно быстрее пойти в роддом, опасаясь оказаться в критической ситуации. Несмотря на панику со стороны мужа-фронтовика, стараюсь спокойно доделать свои дела, правда, с тревогой начинаю концентрироваться на усиливающейся боли. Глубокой ночью мы с мужем пешком добираемся до приёмного покоя родильного отделения.

Морозным зимним днем на свет появился новый житель Латвии: голосистый, рост, вес – всё было, как по заказу, в норме.

Моей соседкой в палате оказалась и моя соседка по дому, которая за два дня до этого тоже родила сына.

Одни счастливые мамы вслух делились своими планами на будущее, другие не строили далеко идущих планов, уповая на судьбу.

Наступило время моего первого кормления.

Первородки с радостным и в то же время трепетным волнением ждали, ну когда же принесут их малышей? Подспудно чувствую, что так много раз виденное у других кормление грудью, должно быть чем-то необычным и для меня – и тогда пробудятся ещё неведомые мне чувства единения с тем, кто ещё недавно был моей плотью.

По непонятным причинам детей на кормление не приносили. Мою соседку Беллу охватило нервное беспокойство. Она всё громче повторяла: «Почему же не несут?» Её волнение передалось всей палате. Со словами «пойду посмотрю, что там происходит», Белла выскользнула в коридор. Через какое-то время она, бледная и зарёванная, с остановившимся взглядом, «вползла» в палату.

Вскоре с истерическими криками в палату ворвались еще несколько женщин.

Ситуация прояснилась мгновенно. Ночью в детской комнате произошла трагедия. Стая крыс напала на роддом, накинулась на кровати с новорожденными. Пока медсестры, крича от ужаса, вели с ними борьбу, крысы успели у некоторых детей отгрызть хрящевую часть носа и ушей. Известие о ночном налёте мгновенно облетело родильный дом. Напуганные молодые матери, многие после тяжёлых осложнённых родов, несмотря на недомогание и температуру, под расписку хватали своих младенцев и мчались домой, уверенные, что там их ждёт безопасность.

Но ни тут-то было ... Почти в каждом доме под полом оказались крысы. Особенно много их было там, где были новорожденные. Кто их оповещал, одному Богу известно!

Едва переступив порог дома, я была близка к истерике: весь пол был прогрызан. Щели были настолько широки, что через них свободно могла пролезть крыса, величиной с большого кота.

Срочно были приняты меры безопасности. Огромными тазами, вёдрами, ванночками, выварками, наполненными водой, прикрыли все щели на полу. Дежурили с мужем поочередно, держа ребёнка на руках. Мы постоянно слышали возню под полом и повизгивание озлобленных голодных крыс.

Жуткое зрелище навсегда врезалось в память - шествие крыс на водопой к реке Даугаве. Живая, серо-жёлтая волна, огромная, очень организованная, ведомая какой-то силой, словно колонна инопланетных пришельцев «текла» по захваченному ими городу. Люди в страшной панике бежали кто куда от этого всеобъемлющего кошмара, стремясь спрятаться. Транспорт останавливался. Шли полчища крыс.

Это страшное зрелище жители Даугавпилса наблюдали в течении недели. Исчезли крысы так же неожиданно, как и появились.

Мы с мужем не стали ждать их «второго пришествия». Обессиленные бессонными ночами, перепуганные за безопасность нашего сына, мы покинули прекрасный Даугавпилс и обосновались в столице Латвии – Риге.

ВОСПОМИНАНИЯ

МЕСТЕЧКО ПУХОВИЧИ

По-преданию местечко было названо по имени проживавшего в этих местах помещика Пуховицкого. Первое упоминание Пуховичей, расположенных примерно в равном удалении от Минска и Бобруйска, относится к 16 веку. В 1813 году через местечко, отступал французский Первый корпус Наполеоновской армии под командованием маршала Даву, о чём свидетельствует сохранившееся название переправы через реку Свислочь – Французская Гребля. Спустя сто лет, во время Гражданской войны, враждующие армии красных, зелёных, белополяков, немцев и прочих тоже не обходили стороной Пуховичи. Может быть поэтому жизнь мирных граждан вовсе не была устлана в соответствии с названием местечка – пухом.

Вот только одна из судеб-легенд. В начале двадцатых годов по всей округе вокруг Пуховичей разбойничало множество банд. В 1921 году одна из них, осколок расформированной Армии Балаховича взяла в заложники 18 евреев и потребовала за них огромный выкуп. Среди заложников был и отец самой красивой девушки местечка Баи Гельфанд. Узнав о случившемся, прятаясь от бандитов Бая выбежала неосмотрительно из своего укрытия на улицу и стала кричать о помощи. Неизвестно чем бы всё кончилось: наверняка молодая красавица с длинными распущенными волосами была бы застрелена, если бы в это время над местечком не появился низко в

небе красноармейский «фанерный» самолёт. Бандиты, опасаясь погони, в панике пришпорили коней. У молодого же лётчика Яши Смушкевича просто кончился бензин и он, покружив над местечком, сел прямо в поле, где и встретил обезумевшую от горя, плачущую девушку. Отца своего Бая не спасла, всех заложников расстреляли. Однако, именно в этот трагический день судьба свела её с любимым человеком: через какое-то время она вышла замуж за Якова Смушкевича, будущего прославленного лётчика, дважды Героя Советского Союза, героя Испании, Хал-Хин-Гола, и Наркома гражданского флота. Став «кремлёвской женой», она не забывала местечко, часто навещала родных, соседей. Однако, Смушкевич, как и многие другие военачальники, оказался жертвой «сталинской мясорубки» 37-40 годов. Только в шестидесятых он был посмертно реабилитирован и Бая с дочерью вернулась из ссылки в Москву.

Пуховичи опоясывались двумя речками. Через бурную, шумную Свислочь по огромному мосту не прекращалось движение транспорта. Мост имел стратегическое значение и охранялся воинской частью.

Пуховичане любили больше кроткую, спокойную Ванджу. Правда у крутого правого берега речка тоже завихрялась в водовороты и подмывала стоявшие сплошной стеной столетние дубы и грабы, посаженные некогда помещиком Вайковичем. С годами корневища деревьев оголились и образовали на изгибах гигантские переплетённые корзины, усеянные кувшинками. Смелчаки переплывали Ванджу и по корням подымались вверх к диким садам, набирали яблок. На Вандже *трудились* и две мельницы.

Песчаный пляж на отлогом берегу плавно переходил в луга, любимое место отдыха пуховичан, куда они приходили семьями, купались, загорали, стирали и сушили бельё. И рыбачили от мала до велика. Всех опережал неугомонный дедушка Гиршик: рано утром, по пятницам, он стучал в двери пуховичан, предлагая свежий улов. Редко в каком еврейском доме не подавалась к субботней трапезе фаршированная рыба или жареная плотва.

До пожара 1925 года Пуховичи – большое и довольно богатое местечко со своей собственной железнодорожной станцией, основанной ещё в 1872 году. Центральные улицы украшали каменные дома. Самое красивое и представительное строение, сохранившееся и по сей день, принадлежало царскому министру внутренних дел Макову. Магазины торговали самыми разными экзотическими продуктами и товарами. По воскресеньям на обширную базарную площадь съезжались на торги крестьяне и торговцы с окрестных местечек и деревень. В местечке имелась больница, родильный дом, 2 аптеки. Процветали также мастерские и лавчонки ремесленников.

В центральной части местечка в основном проживали евреи и русские, на окраинах белорусы, поляки и даже

татары. Согласно конституции Белоруссии 1924 года, идиш был официально утверждён наряду с белорусским, русским, и польским в качестве государственного языка. Одновременно начались гонения на иврит. Тем не менее, в местечке какое-то время ещё действовали 2 синагоги, ешива, хедеры, 2 еврейские школы. Функционировала, впрочем, и православная церковь, звон которой слышен был по всей округе.

Словом, еврейская культурная жизнь, несмотря на запрет и закрытие по всей Белоруссии хедеров и прокатившейся волны судов над *меламедами*, была в Пуховичах, так сказать, ключом. 91 процент населения разговаривало на идиш. Славился за пределами местечка духовой оркестр, популярны были драмкружки, в которых талантливая молодёжь ставила пьесы еврейских и русских писателей. Приезжали на гастроли в местечко и профессиональные артисты, музыканты, а в синагоги именитые канторы.

В Великой Отечественной войне от рук фашистов погибло 1260 Пуховичан. При наступлении Советской армии местечко почти полностью сгорело.

От нашего дома после попадания в него снаряда «Катюши» осталась груда щебня. Трудно даже найти теперь то место, где он стоял. Всё перепахано, все перекроено. На месте еврейского Пуховичи выросло большое белорусское село.

Местечко, милое местечко,
Сколько грусти и тоски.
Дом бревенчатый с крылечком,
Отчий дом нашей семьи.

Сгинул дом, семья наполовину
На пепелищах новые дома,
Там справляют свадьбы и крестины
Церковные звонят колокола

Мы очень любили своё местечко: свой дом, сад, речку, школу, учителей, подружек и друзей – свою малую Родину. Но и теперь, когда в реальности местечка больше нет как такового, для нас этот кусок земли всё равно остаётся самым дорогим на земном шаре.

На разорённом старом еврейском кладбище покоятся останки семи поколений наших предков.

ВАЙНМАНЫ

С фамилией Вайнман связана история пяти семейств родных сестёр и братьев: Нахаме-Сейне, Ривке, Берла, Хайке, Рувима.

Фамилия Вайнман в Пуховичах произносилась с большим уважением. Дед мечтал иметь много детей и превзойти всех предков в этом отношении. Он говорил: наш младшенький Рувеле не будет *бенъёхед*, у него будет ещё много братьев и сестричек. Но судьба распорядилась по-другому.

По преданию дед погиб при странных обстоятельствах. В один из осенних вечеров, он возвращался домой лесом из помещицкого имения, где работал управляющим. Шёл не спеша, предвкушая ожидавший его уютный вечер в семейном кругу, как на него налетел волк. Никто не видел поединка, но через некоторое время дед, оседлав волка, верхом прикатил к своему дому.

– Человек верхом на волке! – кричали зеваки.

Тем временем, окровавленный дед, надеясь на помощь попрытавшихся в страхе односельчан, на секунду расслабился и зверь, вывернувшись, перекусил горло победителю.

Бабе Мусе пришлось одной ставить на ноги пятерых детей. Впрочем, все они вскоре стали надёжными помощниками матери. Они подражали отцу, умевшему всё делать своими руками.

РУВЕЛЕ-РУВУН-РУВИМ

Младшему сыну, четы Вайнман Рувеле, было тогда всего три года. Рувеле ласково называли – наш мизинчик. В детские годы он, с удовольствием подражая старшему брату и сёстрам, не мог, тем не менее, сообразить, почему сестрички возятся с тряпками, а старший брат всё время колотит молотком и что-то сооружает. Рувун тоже старался вбить гвоздик молоточком, не понимая зачем все это нужно.

Шли годы. Дети видели, как матери тяжело живётся без мужа, а им без отца. Поскольку старший брат не блистал здоровьем, то постепенно инициатива в хозяйственных делах невольно переходила в руки подрастающего «мизинчика Рувеле». Он научился ловко плотничать, столярничать, чинить обувь. Экономил каждую копейку. И, естественно, строил планы на будущую жизнь. Но человек предполагает, а Бог располагает. В возрасте 18 лет Рувеле призывается в царскую армию. Несмотря на усилия родни избежать этой непростой для еврея по тем временам участи (по фамильным преданиям была даже предпринята попытка покалечить ухо), он отправляется служить в далёкую Уфу.

В армии безотказный, трудолюбивый мастер на все руки, Рувун Вайнман быстро завоевал уважение к себе. Преодолевая тоску по дому и родным, он старался свыкнуться с тяготами армейских будней. И мечтал после четырёхгодичной службы обязательно вернуться в Пуховичи и жениться на красивой и богатой девушке.

Когда через два года он прибыл на временную побывку домой, односельчане увидели возмужавшего высокого Рувуна в ладно скроенной армейской форме. На

голове лихо сидела военная фуражка с необыкновенной кокардой под номером 2345. Всё это не могло не впечатлять. Особенно девушек. Ну, и конечно, рассказы молодого солдата о подробностях армейской жизни, изнурительной муштре, экзотических «башкирских морозах», о еврейской кошерной кухне (да, в царской армии была кошерная солдатская кухня!), о новых друзьях-товарищах ...

Но фортуна отворачивается от солдата-отпускника. Рувун попадает в Минскую клиническую больницу с острым гнойным аппендицитом. Была сделана сложнейшая операция, но рану оставили открытой, поскольку в брюшной полости был гной. Поставленный диагноз - сепсис (заражение крови). Врачи очень старались, «кудахтали» возле здорового на вид парня. В рану «засыпали» согласно лечебной методике того времени разные «снадобья». Шансы на выздоровление, тем не менее, были минимальными. Родные были в панике.

Целый год врачи боролись за его жизнь. Физически крепкий, закалённый организм помог перебороть этот недуг. Но последствия оказались весьма ощутимы: на протяжении всей своей жизни Рувун Вайнман постоянно пользовался широким ремнём-подтяжкой.

Оправившись после длительной болезни, Рувун начал строить планы на будущее. Вместительный дом ему достался по наследству от родителей. Брат и сёстры разлетелись кто куда по своим норкам. У помещика Вайковича была приобретена мебель с красивой зелёной бархатной обивкой.

Но одним домом сыт не будешь. Рувеле выхлопотал надел земли в 2,5 гектара. Кроме того он ещё надумал соорудить предприятие по изготовлению льняного и

подсолнечного масла. Очень скоро мечтам его суждено было осуществиться. Построил Рувун дополнительные сооружения, закупил необходимое оборудование, а также приобрёл двух здоровых жеребцов, которые должны были крутить жернова. И в один прекрасный день *oleyня* (маслобойка) заработала. Крестьяне возили коноплю из всех близлежащих деревень. В обмен они получали макуху для вскармливания скота и льняное масло.

ЖЕНИТЬБА РУВУНА

Как-то Рувун забрёл в соседнее местечко Смиловичи с целью покупки дешёвой конопли. Проезжая мимо одного из домов, он обратил внимание на грациозно-привлекательную девушку, взвешивавшую на огромных весах связанного петуха.

Это была дочь мельника Ципе Плакс. Её отец, Айзик Плакс, вёл дела расчётливо и с успехом. Небольшое мельничное предприятие ему досталось по наследству от рано умерших родителей. Народу на мельнице толпилось всегда много. Мельник, как призрак, появлялся перед посетителями в «белом мучном одеянии». И дарил покупателям сияющую улыбку.

В прежние времена жители деревенских местечек не ограничивались покупкой пакета муки в лавке. С новым урожаем они закупали зерновые впрок, с расчётом, чтобы хватило прокормить семью до нового урожая. Люди знали толк когда, сколько и каким образом смолоть зерна (крупчаткой или погрубее) на будни: побольше ржи, и чтобы зерно не попрело, и хватило до следующей поездки на мельницу. К празднику же, как правило, предпочитали молоть пшеничку.

Трудяга Айзик, усталый, но довольный, возвращался домой. Дома по вечерам его ждали обожаемая им жена по имени Алте, любимая и единственная дочь Ципе, и три взрослых сына: Берл, Хаим и Гендул.

По рассказам Ципе, она тоже обратила внимание на заезжего чужака. Но через некоторое время единственная дочь состоятельного мельника забыла про случайно промчавшегося мимо неё путника. У скромной Ципе были свои взгляды и планы на жизнь. Она мечтала жить всегда в Смиловичах рядом с родителями. В то время ей уже приглянулся соседский парень Мотл, семья которого переехала из Вильнюса. Стеснительный Мотл частенько зааживал к соседям. У него всегда находился повод для этого. Скажем, ему нужен был совет Айзика, где и как по его мнению лучше было бы прибить полку на кухне – чем не повод? А то и просто ему было приятно иногда скоротать вечерок в гостеприимной соседской семье.

При появлении Мотла в их доме, Ципе закрывалась в своей спальне и думала о нём. Неужели это судьба, неужели ... Но Ципочкиной судьбе суждено было сложиться по-иному.

Между тем, мимолётное видение, в виде волшебной принцессы, возникшее при посещении Смиловичей, не давало Рувеле покоя. Статная девушка с длинной толстой косой просто очаровала его. Вернувшись домой, Рувеле постоянно стал думать об этой девушке. «Возможно сам Бог уготовил мне такое вознаграждение за все мои страдания», – пытался внушить он сам себе.

Наконец, Рувеле решается направить в Смиловичи сватов в соответствии с тем, как это было принято в то время.

Родители Ципе хладнокровно отнеслись к предложению новоиспечённого жениха. Встречи сторон откладывались. Они не спешили, всё рассуждали, счастлива ли будет их единственная дочь. Отец с матерью души не чаяли в дочери и боялись отпустить её в другой город, в *другое царство-государство* ... Да к тому же, рядом живёт воспитанный, интеллигентный Мотл из порядочной семьи, который, как кажется, равнодушен к их дочери. Надо было подумать, не торопясь, все взвесить ...

Однако, когда появился во всём своём обаянии *сам виновник*, все сомнения отпали. Рувун покорила и родителей и, самое главное, Ципе. Правда, для важности он несколько раз во время сватовства, когда разговор заходил о приданном, высказывал своё «несогласие», и при этом даже, согласно традициям, снимал сюртук. О чём впоследствии Ципе иногда над ним подтрунивала.

В 1907 году счастливые молодожёны покидают Смиловичи в сопровождении четырёх нарядно украшенных телег с приданным. Ципочка Плакс, теперь уже Вайнман, вступает в права хозяйки дома в Пуховичах.

Молодожёны работали не покладая рук. Хозяйство ширилось. К радости родителей один за другим на свет появлялись дети: Соня, Маня, Миша, Белла, Зина, я, Аня. Ужасы первой мировой войны и революций не могли обойти стороной местечко. Но чудом Вайнманы и их ближайшая родня уцелели.

Трудности начались в двадцатые годы в связи с политикой большевиков по крестьянскому вопросу. Рувеле рассуждал так: имея 2,5 га земли он числится середняком. Но если власти к имеющейся собственности приплюсуют ещё и олейню, то он автоматически

подпадает под категорию зажиточных кулаков. Это его очень беспокоило. Он боялся быть раскулаченным и высланным в Сибирь, как это произошло с его некоторыми соседями в Пуховичах.

В одну из бессонных ночей папа находит выход из создавшегося положения. Он предлагает дальнему своему бедному родственнику Лазарю Фриду формально возглавить небольшое, но доходное предприятие – маслобойню. Лазарь с благодарностью принимает это предложение. Патент на владение собственностью оформляется на Лазаря. Но истинным хозяином предприятия, как и прежде остаётся Рувун. Доходы же они делили между собой по договорённости. Высокоченный добропорядочный Лазарь ежедневно приходил на службу и аккуратно выполнял свои обязанности. В 1920 году папа заложил сад с замечательными сортами яблок, груш слив и другими плодоносящими кустарниками. Все были довольны и, самое главное, сыты.

Но через пару лет в один из летних вечеров местечко Пуховичи в одночасье охватил пожар. Злоумышленники подожгли все четыре центральные улицы городка.

Наш дом вспыхнул как спичка. Старшие сестры схватили по подушке и умчались к реке. Мама каким-то чудом вытащила большую корзину со своим приданным и уволокла в сад.

Меня и Ханцеле кто-то из родственников уложил на лужайке возле болота, укрыл одеялом и велел лежать и не двигаться. Страшная картина пожара до сих пор стоит перед моими глазами: стоны женщин и плач детей, рёв животных, мечущиеся силуэты каких-то людей на фоне горящего зарева ...

Наш папа, умчавшийся по первой тревоге тушить дом соседей, вернулся к себе домой на пепелище и ... расплакался. Но жизнь продолжалась.

Рувим Вайнман

Ципе Вайнман (Плакс)

С помощью родственников, папе удалось купить сруб и к 1927 году поставить дом тех же размеров и с той же планировкой на уцелевший кирпичный фундамент. Новый дом состоял из двух половин. Первая, жилая – из 4х комнат, посредине кухня и прихожая. Вторая половина осталась незаконченной. Потом появились во дворе другие постройки – маслобойня, сарай, манеж и небольшой амбар. Словом, дом наш получился замечательный.

Родительский дом

Вообще, в детстве нам казалось, что прекраснее и живописнее нашего местечка и реки Свислочь с её притоками, нет во всём мире.

Река Свислочь

В тридцатые годы Пуховичи, как и вся страна жила пафосом первых пятилеток. Появились комсомольские и партийные ячейки, первые пионерские отряды.

Активисты устраивали вечера, антирелигиозные карнавалы, факельные шествия. Драмкружок показывал пьесы. Одна пьеса “Береле Безбожник” закончилась страшной трагедией. Актёр Борис Сапожников, игравший главного героя, был убит прямо на сцене другим актёром Мулей Гореликом, который не знал, что наган был не бутафорский. Убийство талантливого и удачливого парня потрясло всех обитателей местечка. Суд оправдал Мулю, но жизнь его была сломлена.

Коллективизация, раскулачивание не обошли стороной местечко. Гибли люди, зверски был утоплен первый председатель колхоза Редка. Многих евреев объявили «лишенцами», их детям запрещали посещать школу. Страх сеяли НКВД’ешники. С их появлением в местечке начались аресты. Сажали стариков, у их жён требовали золота и драгоценностей. С православной церкви сбросили колокола и сделали в соборе клуб, в синагоге – школьную мастерскую. Наш родственник, дядя Идида, работавший где-то секретарём райкома, прятался долгие месяцы от ареста у нас на чердаке.

Одно время местечко вдруг заполнили голодные, нищие и убогие. Неизвестно откуда они пришли, но их жалели, кормили и приглашали на праздничные трапезы. Одновременно, молодёжь не упускала возможности над ними и пошутить: особенно потешались над недалёкой, но колоритной Рейзл, ведя с ней «научные споры», провоцируя её говорить на иврит и петь всякие старинные псалмы. Не менее колоритный был и Иче Силка ...

Молодые пуховичане уезжали учиться в Минск и другие города, получали назначения, обзаводились семьями и редко возвращались обратно. Приезжали только наведывать родителей или в отпуск.

Между местечком и Марьиной Горкой по главному шляху – находилась Поповая Горка. Там, всегда проводились маёвки, праздники песен, военные игры с выездными буфетами и баяном, под музыку которого охотно плясали и веселились.

Именно там 22 сентября 1941 года фашистами были расстреляны все евреи местечка. В том числе наша мама, все родные, соседи, друзья и знакомые. Война застала врасплох всех тогдашних обитателей местечка. Старики, помня оккупацию немцами в 1918 году, уверяли, что это культурный народ и опасности для евреев никакой нет. Надо только уйти на время молодым девушкам и мужчинам призывного возраста. Кстати, они только и уцелели.

Остальные погибли. Благословенна будет их память!

СОНЯ - СОНЕЧКА

В 1908 году в семье Ципе и Рувуна родилась первая дочь Сонечка. Акушерка, принимавшая роды, рассказывала, что таких крикливых детей она ещё не встречала в Минском родильном доме. Соня, словно бы таким образом, самоутверждалась как старшая дочь пока ещё маленького семейства. Повзрослев, Соня стала точной копией мамы: статная с черными, густыми с блеском волосами и большими черными глазами. Если они шли рядом, было довольно трудно отличить, где мать, а где дочь.

Училась после окончания семилетки на мелиоратора в институте в Петрикове. Должна была в будущем осушать болота, но ... вышла замуж, родила двоих детей Майю и Арона. Стала прекрасной портнихой, обшивала всю многочисленную родню.

Интересна история её замужества. Её будущий муж, Боя, был влюблен в Соню с детства. Они жили по соседству. Боя довольно часто заходил к нам. Если Сони

не было дома, он какое-то время проводил в разговорах с мамой и потом незаметно уходил. Забот у Бойи хватало. Родители у него рано умерли и он, будучи старшим из братьев, содержал всю семью, работая в двух местах.

Толковый и спокойный Бойя всё делал без суеты и паники. Он был высоким и с запоминающимся лицом: крупный нос, занимавший пол лица, маленькие глазки, как бы утопленные в глубь головы ... Но за его внешностью пряталось большое любящее сердце и щедрая душа. Мы все к нему так хорошо относились, что не замечали его «внешнюю непривлекательность». Его постоянная добрая улыбка, чуткое внимание к окружающим вызывало ответное чувство.

Однажды появился в Пуховичах интересный молодой человек по фамилии Гуткин, ставший вскоре одним из активных участников художественной местечковой самодеятельности, репетиции которой проходили часто у нас дома.

И надо было такому случиться, что наша Сонечка влюбилась в этого Гуткина. Частые встречи, тесное общение, любовные объяснения и в итоге возник вопрос о родительском благословении.

Однако, после обстоятельной беседы родителей с Гуткиным, который, как выяснилось, был уже женат, имел жену и цекер (кучу) детей, он исчез, как поётся в песне – как дым, как утренний туман.

Вскоре наша Сонечка вышла замуж за Бойю. Жили они хорошо, дружно. Соня с детьми погibli в гетто во время войны. Уцелел по случайности только Бойя.

МАЛКА-МАНЯ

Эта девочка была *Вайнманской породы*. Красивая, немного флегматичная. Все делала основательно не торопясь. Послушная, нежная, ласковая Малка всегда прислушивалась к советам старшей Сони. Они очень дружили, сестрички-подружки. Однако, вскоре они разлетелись в разные стороны.

Маня обосновалась в Минске. В моей памяти она предстаёт ученицей последних классов школы. В чёрном сарафане с белой блузкой. Черные волосы заплетены в одну косу с большим черным бантом сзади. Красивый овал лица, с огромными лучистыми глазами, застенчивая и не очень разговорчивая. Крепко *сбитая*, она с охотой брала на себя трудоёмкие работы по дому. Помню, как она с веником и жёлтым песочком драила некрашенный пол. Таскала на плечах после стирки мокрое белье полоскать на речку.

В нашем доме, в большом зале, часто собиралась молодёжь, школьники старших классов. На весёлых вечеринках с музыкой и угощением играли во всякие игры, танцевали, пели, шутили.

После окончания школы Маня поступила на курсы бухгалтеров. Закончив их, работала по специальности в «Белкоопсоюзе». На выходные дни мчалась домой нарядная, цветущая, ослепительно красивая. В Минске она снимала крохотную комнатку, где кроме кровати помещался лишь маленький столик и стул. За шторами жила другая квартирантка.

Однажды летом среди недели, когда мама копалась в огороде, неожиданно появилась Маня.

Мама ахнула. Что случилось? Ничего особенного, просто ей сделали предложение, сказала Маня – вот она и приехала посоветоваться с родителями. Мама с папой не очень были довольны её выбором – какой-то скрипач. «Зачем тебе этот *клезмер?*», – возмущался папа, – «они все нищие. А ты ведь у нас бухгалтер». Маня рассеяла их тревогу, рассказав, что её избранник преподаёт классическую музыку, концертирует, ездит ежегодно в Москву на Декады искусств, выступает по радио.

Где они познакомились? Очень забавная история! Как-то Маня сфотографировалась для служебного документа. Через довольно продолжительное время её квартирная соседка говорит:

– Очень удачный портрет получился. Висит в самом центре. Где ты его делала?

– Я не делала никаких портретов, ты с кем-то меня перепутала, – отвечала Маня. О портрете забыли. Но вскоре наша Зина пригласила Маню на сольный концерт известного скрипача Михаила Штеймана в филармонию.

Подойдя к филармонии они неожиданно увидели рядом с афишами ... огромный портрет Мани. Как потом выяснилось, фотограф увеличил снимок и послал его без разрешения Мани на городскую выставку «Наши современники».

Вдобавок обескураженные сестры увидели перед афишей некоего нарядно одетого мужчину со скрипичным футляром в руке, изумлённо переводившего взгляд с Мани на портрет, и обратно ... Словом, это был Михаил Штейман собственной персоной, не преминувший суетливо представиться и познакомиться с Маней. Концерт сестры слушали невнимательно. По окончании концерта Маня, несмотря на просьбы

Штеймана зайти к нему после выступления в артистическую, торопливо направилась к Зине в общежитие, словно запутывая следы. Она не желала продолжать знакомство со столь, как ей показалось, навязчивой личностью.

Тем не менее, Михаилу Штейману удалось, как частному сыщику, узнать не только её домашний адрес, но и место её работы. Словом, через какое-то время их знакомство всё-таки продолжилось. Они стали общаться и встречаться довольно часто. Михаил был предельно нежен и внимателен. Уделял Мане много внимания. Водил в театры, кино, рестораны. Признался, что влюбился с первого взгляда ещё в её портрет ...

Известный музыкант, выпускник петербургской консерватории, чьё имя было высечено золотыми буквами на мраморной доске рядом с легендарными именами Чайковского, Лядова, Ямпольского теперь как мальчик ревновал, торопил с женитьбой. Маня упорствовала. Твердила, что ещё рано, спешить не надо. Но в 1933 году Маня выходит всё же замуж за Михаила Штеймана и переезжает к нему на Комаровку в Старожевском районе Минска, в собственный дом, где проживали Михаил и его мать.

Через год 30 марта 1934 года родился Монечка. Первый внук наших родителей. Музыкально одарённый ребёнок. В 1936 году родилась Аллочка, а перед войной Ромочка. Маня не работала. Вела хозяйство. Воспитывала детей и прирабатывала перепиской нот.

Они часто дома устраивали приёмы для известных музыкантов, артистов. Помню, что бывали у них многие классические музыканты, а также джазисты Рознер, Корженевские и другие. Трогательные концерты устраивались ко дню рождения матери Михаила, когда собирались из разных городов все пять сыновей Штейманов и исполняли в честь матери различную музыку.

Михаил работал в оперном театре концертмейстером оркестра, преподавал в консерватории, озвучивал фильмы и хронику. Выступал с концертами в филармонии.

Дом Мани был уютным пристанищем и для нас, родных. Мы, младшие, учась в Минске, часто бегали к ней поделиться своими радостями и невзгодами.

О судьбе Мани и её детей во время войны известно очень мало. Они прятались какое-то время в землянке. Более ценные вещи увезли в Пуховичи к Лагунчикам.

Соседи рассказывали, что Маня ходила по помойкам, собирала очистки от картошки, чтобы накормить голодных детей.

Расстреляли их 1943 году и, видимо, закопали в чудовищной «минской яме», где покоятся все уничтоженные немцами евреи Минска.

Жизнь Михаила могла сложиться совсем по-иному. При аресте Мани и детей он случайно не присутствовал. Но когда узнал, что Маню и детей увели немцы, он словно бы потерял рассудок, вышел на улицу и бессвязно повторял: мою жену и детей убили, теперь мне незачем жить, убейте, убейте меня, пожалуйста, я очень прошу ...

Два дня он скитался по улице возле своего дома и повторял одни и те же слова, пока желаемая пуля не настигла его прямо в лоб.

МЕЙШКЕ-МИША-МОИСЕЙ-МЕЙСЕЛЕ

Так на разный лад, папа называл долгожданного сына. До этого он никогда не брал на руки новорождённых детей до годичного возраста, а маленького Мейселе он собственноручно нёс из роддома домой, целуя и восхищаясь им. Любил он его безумно.

Мальчик рос в кругу девочек. Но не был паинькой, шалил, как и все мальчишки. И даже больше: частенько он оказывался заводилой в различных проказах. Миша не подчинялся старшей сестре Соне и больше дружил и играл с покладистой Малкой, у которой характер был дружелюбнее и уступчивее чем у Сони.

Когда мама через некоторое время вновь оказалась в очередной раз в положении, все вокруг, в том числе маленький Мейшке, надеялись на рождение ещё одного мальчика. Но на свет появилась сестричка, Миша был разочарован. Вместо уже приготовленного имени Борис, новорождённую назвали Бейлей. Мейселе – так папа и

мама его называли, остался бенъехед, ничего не поделаешь: один единственный сын и... шесть дочерей.

Родители его вроде и не баловали, но зорко следили за Мишиными, так сказать, передвижениями. То его видели мчащимся на велосипеде с кем-нибудь наперегонки. То на реке Свислочь – вот тогда, кстати, начиналась настоящая паника. Опять убежал без спроса купаться? Папа мчался к реке. И если обнаруживал сынка на пляже, наказывался не только Миша, но и за недосмотр – все попавшие под руку сёстры. Однажды поздно вечером, когда взрослые жители нашего местечка уже готовились к ночному отдыху, подростки, и в том числе, разумеется, наш Миша, неслышно проникли в сарай, принадлежавший Пинхасикам, мелом размалевали жеребёнка в полоску и украдкой разбрелись по домам. Ранним утром старик Пинхасик заглянул по обыкновению в сарай и тут же с диким воплем выскочил назад. Он кричал на всё местечко, что у него в сарае самый настоящий тигр и, похоже, что он сожрал его жеребёнка. Закрыли ворота на замок. Сарай окружили мужчины, вооружённые палками, вилами и лопатами. Когда очень осторожно открыли ворота, раздался смех. Вооружённые мужики были в шоке. В сарае мирно стоял бедный жеребёнок, но только «более эlegantный» на вид.

Ребята часто устраивали велосипедные турниры Пуховичи-Смиловичи. Мише на дамском велосипеде удавалось занимать первые места. Учёбе он уделял минимум внимания и времени.

Когда пришла повестка в Армию, он по совету папы пошёл на выучку к местечковому парикмахеру Даниелю Вайнштейну. И нужно сказать, что в армии парикмахерские навыки его не раз выручали. Помнится, как после годичной службы в Армии Миша приехал на

побывку в местечко, как мне показалось, возмужавшим, более степенным и... одухотворённым. Он очень изменился. Армейская жизнь положительно повлияла на нашего «необузданного» и любимого Мишу.

После окончания службы в Советской Армии он уехал работать в Москву. Так сказать, попробовать свои силы. Помню, что довольно часто приезжал домой и на заработанные деньги привозил маме чисто хлопковую (не отбеленную) ткань для простынь. Ещё он привозил маргарин, к которому мама боялась прикоснуться. В то время это было новинкой для пуховичан.

Когда не стало папы и все мы дети уже жили и учились в Минске, Миша тоже переезжает в Минск, устраивается работать на фабрику-кухню и довольно быстро продвигается по служебной лестнице. Эта работа давала ему ещё помимо прочего возможность подкармливать обедами нас, вечно голодных студентов. А мы, в свою очередь, приводили с собой ещё и наших друзей. Миша очень переживал, если отсутствовал во время обеденного перерыва и не мог нас лично накормить. Он заботился о нас, как отец. Морально поддерживал, и не только подкармливал, но ... и «одевал».

После вступления советских войск в Западную Белоруссию Мишу направляют в Брест-Литовск заведующим торговделом города. Приезжая домой, он непременно привозил каждому по подарку.

В один из таких приездов он увидел Лизу Фарбер, которую он знал ещё ребёнком. Теперь эта была юная красавица, очаровавшая нашего единственного брата. Через короткое время сыграли свадьбу и счастливые молодожёны укатили в Брест. Перед самой войной Лиза приезжает к родителям рожать. Там она и погибла. Война застала Мишу в Бресте. Чудом оставшись в живых, он

пытается пробраться в Пуховичи, но там уже хозяйничали фашисты и полицаи. Попав после долгих мытарств в эшелон беженцев, он добрался до села Сакмарское, откуда его вскоре мобилизовали в действующую Армию в чине старшего лейтенанта. За четыре года войны он побывал на самых опасных участках фронта: Сталинград, Ленинград, Прибалтика, участвовал во взятии Берлина.

Выдержал, выстоял, вернулся с наградами. Только ни дома, ни семьи ... Демобилизовался в Риге. Там и остался. Устроился на работу директором ресторана «Луна».

К тому времени мобилизовались и мы с моим мужем-фронтовиком Иосифом, и тоже приехали в Ригу. Затем к нам присоединились вернувшийся с фронта Лёва с Аней. Белла с детьми покинула Волковыск и тоже решила обосноваться в Риге. Так осколки нашей некогда большой семьи собрались в Латвии.

Рива и Михаил

В 1947 году Миша познакомился с юной, скромной девушкой Ривой. Рива и вся её семья целых три года находились на краю гибели в фашистском гетто на Украине. И вот судьбе было угодно, чтобы эти два человека, пройдя через столько испытаний, встретились случайно в Риге и полюбили друг друга. Миша без колебаний через короткое время сделал Риве предложение. По этому случаю приехали её родители. Познакомившись с Мишей и всеми нами, они дали родительское благословение. Миша (в шинели) и Рива (в симпатичном синем платье в складку) отправились в рижский ЗАГС. Вскоре они получили квартиру на улице Стабу и зажили тихой семейной жизнью. В январе 1948 года появился их первенец Рома, впоследствии талантливый инженер и организатор; через несколько лет – Боря, успешно совмещающий профессии музыканта и предпринимателя.

Миша работал в системе общепита вплоть до пенсии, дослужившись до заместителя директора Республиканского треста ресторанов и кафе. Ребята получили образование, обзавелись семьями, родились внуки. Общая любимица всей родни, первая жена Ромы –

Аллочка, рано ушла из жизни, оставив на попечении отца дочку Леночку в школьном возрасте. Лена стала врачом, вышла замуж и растит сына – правнука Миши и Ривы. Света, жена Бори, чудесный человек, мать двух детей – Евы (врач по профессии) и Миши (инженер), на редкость самостоятельных, трудолюбивых и преданных ребят.

В 2007 году Мише исполнилось 95 лет и их семейный стаж с Ривой достиг 60 лет, по случаю чего дети и внуки устроили им замечательный праздник.

У нашего Миши – был замечательный дар, дар оптимиста. Его кредо было – не унывать ни при каких обстоятельствах. Свой золотой возраст и болезни он переносил стойко и с юмором, всегда подбадривал впадающую иногда из-за всяких недомоганий в уныние Риву. Не пропадал у него интерес к жизни и политике. Светлый ум и хорошая память сохранились до самой кончины. Его телефонные звонки давали мне всегда хороший заряд энергии, и тогда моё “Я” твердило

Наш союз нерушимый, как крепость,
Пусть не старится сердце вовек.
Возраст – это, ей Богу, нелепость,
Если молод душой человек!

Мария и Михаил в 2005 году в Риге

БЕЙЛЯ-БЕЛЛА

Итак, разочарованный отец и сын Миша ждали братика, а на свет появилась «незапланированная сестричка». Допущенный «брак» мама обещала исправить в ближайшее время. Да и отец успокаивал Мишу, мол, мамочка принесёт ещё много братиков, только нужно обождать год-другой и тогда у тебя будет целая команда мальчиков, и ты станешь во главе команды.

Лепетунья Бейля унаследовала черты и отца, и матери. Она была вездесущей девочкой. Нетребовательная, но любопытная Белла с детства преодолевала рубежи недозволенного. Например, был такой случай, когда самостоятельно взобравшись на русскую печку, она, трёхлетняя, с треском и грохотом слетела вниз, сломав себе ногу, при этом не проронив ни единой слезинки. Старшие сестры её любили. Она была безотказной, уютной, доброй. Она не причиняла никому ни боли, ни огорчения.

Белла прилежно училась в белорусской школе и вскоре стала даже *акать* на белорусский манер. После отъезда старших сестёр из дома, Белла стала верной маминной помощницей по дому: стирала бельё, убирала и мыла полы. Частенько работала и в поле, не отставая от взрослых крестьянок: жала, собирала картошку. Её любимым занятием было выращивать цветы вокруг дома – редкие, необыкновенной красоты розы, георгины. Вечерами молодёжь обычно собиралась возле нашего дома, наслаждаясь ароматами цветов, дискутировали, пели вполголоса, чтобы не нарушить покой спящих. Бывало, очередной влюблённый молодой человек пытался подарить розу своей избраннице из нашего палисадника, но бдительная Белла была начеку и протестующим взглядом предотвращала его благие намерения.

Молодые ребята и девушки любили также посещать клуб. Будучи любителями шахмат, шашек, они порой засиживались до поздней ночи. Белла очень любила играть в бильярд. Порой даже лидировала среди соперников. Увлекалась она и игрой в домино. Там она всегда выигрывала. Но когда Петя Лагунчик, её друг, а впоследствии муж, участвовал в игре, Белла проигрывала. Иногда её уличали в «жульничестве», когда она, будучи азартным игроком, прятала пешки в рукаве.

Белла с Петей любили проводить время в Доме отдыха нашего местечка. Они испытывали глубокое чувство любви друг к другу. Ах, как красиво, легко и грациозно они танцевали!

Православная семья Лагунчиков обитала в Пуховичах на Туринской улице, где обычно селились православные. По тем временам семья Лагунчиков была небольшой.

Мариля – мать, отец – Кондрат, три дочери: старшая – Маруся, некрасивая, прыщеватая, девица; Зина – ничем не примечательная девушка; Нюра – стройная, модная.

Талантливый старший сын Петя был украшением всего семейства. Девочки влюблялись в него с первого взгляда. Друзья его шутили: а ты знаешь, что твоя мама согрешила при твоём зачатии с Янкелем? «Знаю, знаю», – отшучивался Петя, – «ведь он меня и научил еврейскому языку ещё в утробе матери». В школе Петя учился ровно. Звёзд с неба не хватал. Часто в одиночестве уходил в лес или на реку и часами рисовал с натуры. После школы Петя поступил в Минский Педагогический техникум, “грыз науку”, познавал тайны преподавательского мастерства, но и ... Беллу не забывал. В свободное от занятий время они бегали в кино, посещали выставки и, непременно, театр.

Белла закончила Пуховическую школу и вместе со своей младшей сестричкой Зиной поступила в Минский химический техникум. В конце учебного года техникум реорганизовали и из пяти отделений оставили только одно. Белле было предложено там продолжать учёбу, что она и сделала, хотя многие студенты разбрелись по другим учебным заведениям. В частности наша Зина поступила в Медицинский техникум клинических лаборантов.

Как-то утром Белла встретила своего школьного учителя по физике, Горбачевича, который порекомендовал ей пойти на подготовительные курсы в университет. Она поступила на годичные курсы. После успешного окончания курсов стала студенткой химфака Белорусского Государственного университета. Училась прилежно, легко. Профессора хвалили её. Однако, своими успехами Белла Вайнман раздражала некоторых

сокурсников, которым учёба давалась довольно трудно. Завистники искали повода избавиться от отличницы. И вскоре повод нашёлся.

Однажды, Белла прочла вслух двум своим подругам по химфаку понравившееся стихотворение, где среди прочего были следующие строчки: « ... Ветер тучи разгоняет. Ветер дует с запада ... »

Подружки тут же донесли на неё в особый отдел и через два дня Белла была исключена из университета за «антисоветчину». Её выкинули также и из общежития. Возмущённая Белла и её родные были в шоке и замешательстве. Не знали что делать, как помочь восстановиться в университете, куда писать.

Белла пошла на отчаянный шаг – написала письмо тогдашнему Председателю Верховного Совета СССР М. И. Калинину, изложив подробности своего отчисления, а также просьбу о восстановлении её в университете. 20 сентября 1936 года Белла получила одобрительное ответ от Калинина и декана университета и была вновь зачислена студенткой университета с предоставлением места в общежитии. Потерянные два года учёбы были в какой-то степени скомпенсированы трудовой деятельностью. Белла работала на почте и дослужилась даже до заместительницы начальника почтового отделения.

Она всегда очень любила лес. Она говорила – лес это кормилец наш. Ранней весной она приносила из леса нежные ароматные фиалки, ландыши, голубые колокольчики ... Потом наступала грибная пора. Иногда и нас, малышей, Белла брала с собой в лес по грибы.

Белла умела добиваться своей цели в большом и малом. И так, Волковыск. Они – вместе, она и Петя. У них – семья. Она – преподаватель химии, он – инспектор

гороно. Они счастливы, у них родился первенец Боря и они ждут второго ребёнка. Но война перечеркнула всё. После первых бомбёжек они вырвались оба из города на разных машинах, и, не попрощавшись, расстались ... навсегда.

С потоком беженцев Белла добралась до Урала. Маленький Боря остался в оккупации у бабушки Лагунчик. В феврале сорок второго рождается их дочка Света. В сорокаградусный мороз на колхозных санях Белла с малюткой уезжает в глухую деревню Великая Коргала. Её назначают директором школы. Из-за нехватки учителей она ведёт несколько предметов: химию, биологию и немецкий язык. В любую погоду каждый месяц ездит в районный центр за зарплатой для учителей. Петя к тому времени уже погиб, но она об этом ещё не знает, надеется ...

Война позади. Нет дома, нет мужа, нет родителей. Поехав в Пуховичи, забирает сына и решает строить жизнь на новом месте. Сперва был город Гродно, потом Рига. В Риге среди родных она вновь ощутила заботу и поддержку.

В рижских школах, химику Белле Вайнман в полную силу удалось раскрыть свой талант педагога. Белла, влюблённая в свой предмет, сумела так заинтересовать учеников, что химия становилась чуть ли не главным предметом в школах, где она работала. Коллеги её упрекали, что ученики учат только химию. Ученик Беллы Романовны – это был негласный знак качества при поступлении в вузы. Её действующие учебные модели по химии экспонировались на престижных выставках. Долгое время она руководила Методическим объединением преподавателей химии в Латвии. Многократно награждена правительственными орденами и медалями.

Белла Китаенко (Вайнман) с внуком Мишей

Уже в зрелом возрасте она познакомилась с Виктором Китаенко, талантливым учителем математики и вышла за него замуж. Виктор полюбил внуков и принимал участие в их воспитании. Выйдя на пенсию, она жила

активной насыщенной жизнью. А после безвременной кончины Виктора переехала в Мюнхен поближе к детям и многочисленным внукам и правнукам.

Сын Борис (хирург) от двух браков с Ириной (безвременной умершей) и с Жанной – отец двух дочерей Марины и Алёны и дед четырёх внуков и внучек: Миши, Иры, Саши и Коли.

Дочь Светлана (радиожурналист) от двух браков родила трёх сыновей: Мишу (лингвист), Даниеля (физик), Патрика (химик), бабушка трёх внуков.

ЗИНА - ЗЕЛДЕ

Зина была боевым антиподом своей старшей сестрички Беллы. Это была как бы *вторая пара* сестричек-подружек в семье.

Они дружили и любили друг друга. Но тон задавала всегда Зина. В дошкольном и в школьном возрасте мама

одевала их одинаково: красиво, ярко, придумывала затейливые фасоны и из старых платьев старших детей или рубашек отца шила им что-то новое. Счастливые, довольные, взявшись за ручки Белла с Зиной непременно отправлялись к тётё Ривке похвастаться своими обновками. Гостеприимная тётё Ривке с любопытством и гордостью оценивала труд мамы и похваливала красоту девочек. Счастливые сестрички вдобавок получали ещё и подарки от тётё и дяди. Домой они мчались уже не держась за руки, а наперегонки, кто раньше добежит и покажет необычные подарки.

С возрастом, их вкусы постепенно менялись. Родители были уже не в состоянии одновременно купить, скажем, два одинаковых платья. По старшинству первой положено было Белле. Но уступчивая Белла не возражала, чтобы платье досталось Зине. За это Зина «награждала» её красивым воротничком или элегантным пояском. Эти аксессуары дополняли небогатый гардероб Беллы.

Но в торжественных ситуациях и при необходимости нарядное крепдешинное платье табачного цвета переходило к Белле.

Зина из всей нашей семьи была эталоном моды, красоты и элегантности. Её стройная фигура гармонировала с грациозной походкой принцессы. Острая на язык, быстрая и деловая, Зина была примером для подражания. Мальчики в неё не уставали влюбляться. Кому-то она отвечала на любовные письма, другому обещала личную встречу, с третьим просто любила поболтать в свободное время ...

Но любовь неожиданно обрушилась и на Зину. Высокий, голубоглазый парень с вьющейся копной черных волос просто-таки ошеломил нашу Зиночку. По достоинству оценили его и родители: тихий, скромный из

хорошей семьи парень. Очень подходили и дополняли они друг друга. Свадьбы, как таковой, не было, поскольку папа уже тогда сильно болел.

После регистрации брака молодожёны явились домой возбуждённые, но счастливые. Зина шёпотом поведала маме:

- Знаешь, мама, я на папу обиделась, и решила взять твою фамилию Плакс.

- Как же так доченька, как ты могла такое придумать! Папа болен, он страшно расстроится, - у мамы в глазах появились слёзы.

Зина извинилась за нелепую шутку: фамилию Плакс она унаследовала от мужа.

Через год родилась голубоглазая блондиночка Луизочка. Молодожёны жили в Минске на частной квартире без элементарных удобств. Луизочка часто болела. После длительных уговоров мамы Зина с Гришей согласились временно отдать ребёнка на попечение бабушки. Мы с мамой были счастливы. Маленькая лепетунья очень быстро освоилась в большом доме, привыкла к нам, а мы, естественно, души не чаяли в маленьком сокровище.

Когда я приходила после дежурства домой, мама создавала мне условия для отдыха: закрывала ставни и плотно прикрывала дверь, чтоб я могла поспать часок - другой. Луизочка не любила моего длительного отсутствия. Она ухитрялась потихонечку приоткрывать дверь и полушёпотом спросить:

- Минька, ты ещё спишь ? Ну спай, спай! Я потом приду.

И так по несколько раз, пока бабушка её не уведёт куда-нибудь подальше от спальни. Очень любила

Луизочка со мной гулять. Притаскивала бабуле нарядное платье и твердила:

– Скорей одень меня, я опаздываю, ты разве не видишь Минька уходит!

Когда мы с ней гуляли, она дразнила меня:

– А я тебе не скажу, что я конфеты спрятала под подуску!

Родители Луизочки приезжали только на выходные дни, были счастливы поласкать доченьку, радовались теплу домашнего очага.

Очага не стало. Никого больше нет. Все погибли во время войны ...

МОИ ПОДРУГИ И НАЧАЛО ВОЙНЫ

Самыми моими близкими подругами были Кунька Фрид, Ритлечка Рапорт и Олечка Линская. В 14-15 лет мы, так сказать, подрастающее поколение, мнили себя взрослыми и неповторимыми.

Когда наступали сумерки, мы, нарядно одетые, фланировали по центральным улицам, предоставляя возможность старшему поколению пуховичан (отдыхавших после тяжёлого рабочего дня на скамеечках или на крылечках) лицезреть нашу «элегантность и прочие достоинства». С особым удовольствием мы замечали, с какой «ненавистью» наши ровесники-мальчишки поглядывают на дислоцировавшихся у нас местечке военных лётчиков, приветствовавших нас и оказывавших нам знаки внимания как взрослым.

Судьба моих милых девочек сложилась по разному. Кунька Фрид, медик по образованию, в разгар

Отечественной войны заболела по слухам раком кожи и вскоре умерла.

Олечку Линскую фашисты сожгли на костре, за то что она была женой советского офицера.

Раечка Рапопорт закончила мединститут. Работала врачом в Белоруссии, вышла замуж за пуховичанина Борю Фрида. У них двое детей: сын и дочь, и четверо внуков. В настоящее время проживают в Америке.

В то незабываемое трагическое утро, когда Левитан объявил по радио о нападении Германии на нашу страну, я, молоденькая акушерка, была на дежурстве в одном из Родильных домов города Минска.

Город уже сильно бомбили. Никогда не забыть то первое ощущение близости врага, жуткой душевной опустошённости и ясного осознания начавшейся трагедии, которая в один миг сломала такую привычную и понятную жизнь и *швырнула меня*, как и многих других в тот ревущий, стонущий многоликий поток.

Через пару дней Белоруссия была оккупирована немецкими войсками. Я влилась в миллионные ряды беженцев, и, будучи военнообязанной, обращалась в каждый военкомат, попадавшийся мне по пути моего следования.

Таких как я, желающих вступить в ряды Армии, было много. Но нас не принимали. Измученная и истерзанная, я пешком доплелась до Брянска, затем до Орла, постоянно умоляя о призыве в ряды Красной Армии.

И только в августе 1941 года меня мобилизовали в сформированный в Кувандыке Эвакогоспиталь 3320, в котором я и прослужила всю войну в качестве старшей операционной медицинской сестры хирургического отделения в звании лейтенанта медицинской службы.

Наш Прифронтовой армейский госпиталь был на 500 коек и состоял из трёх отделений: хирургического, травмочерепного и психиатрического (для пленных немцев). Профиль госпиталя периодически менялся по мере поступления раненных и зависел также от боевых операций на фронтах.

Госпиталь состоял при 14 Отдельной Армии Третьего Украинского Фронта, следовал за Армией и на освобождённой от немцев территории тут же разворачивал стационар.

Так было при освобождении Запорожья, где половина города ещё находилась в руках немцев, а наш Эвакогоспиталь развернулся и уже принимал раненных на освобождённой Запорожской территории.

Затем госпиталь последовал за Армией в Харьков, Радьковские Пески и в другие города и сёла.

В 1944 году наш госпиталь был передислоцирован на Север, на границу с Карелией, в город Суиярве, потом в Суиёке и Суидиви.

Дальше был Мурманск, откуда нас морем вместе с ранеными переправили в большой морской порт Петсамо. Везде было много непредсказуемого и глубоко трагичного.

Именно там, в Петсамо, мы встретили долгожданное известие о Великой Победе над фашистской Германией.

ХАНЦЕЛЕ – ХАННА - АНЯ

Мама с папой её называли Ханцеле. Любимая дочь родителей, особенно мамы. Неповторимая, белокурая *мижинке* (самая младшая), с детства болезненная, но очень привлекательная, любознательная – на её языке всегда были вопросы: что? почему?

Мама с Ханцеле частенько навещали врачей минской поликлиники. Лечили у Анечки катар желудка и заболевания глаз. Все болячки трудно поддавались лечению. Мама её одаривала особой любовью и вниманием. И она, Ханцеле, очень любила маму. Всё свободное время она проводила в обществе мамы в основном на кухне. Так, исподволь, она познала все азы приготовления пищи. Маленькая, болезненная, трудолюбивая Ханцеле всегда помогала маме: мыла посуду, наводила порядок и уют на кухне, а иногда вместе с мамой отправлялась в огород полоть траву. Ханцеле научилась печь блины и это у неё здорово получалось. И не только блины, в нашей семье, повзрослев, она стала лидером по изготовлению экзотических тортов и вкусной неповторимой пищи. Ей давалось всё очень легко.

Мама нас специально не учила как приготовить элементарный суп или кашу, шить, вязать, вышивать. Мы, дети, просто копировали маму кто лучше, а кто немного хуже. Во всяком случае, все дети научились держать в руках иголку, крючок, спицы и это нам очень пригодилось в дальнейшей нашей жизни.

Но опять же лидером в этой кропотливой области была Ханцеле. Она прекрасно шила, в дальнейшем обшивала всю семью и родственников, вышивала. Созданные ею самой экзотические орнаменты,

композиции, картины, макроме отмечены высоким эстетическим чувством.

Аня закончила еврейскую школу, затем еврейский педагогический техникум (Евпетух), как называли его студенты.

Свою преподавательскую деятельность начала в деревенской школе на белорусском языке.

В выходные дни Аня приезжала домой и с порога скороговоркой кричала: (шитэрэ ун гекортэ) жидкое – вареное! Мама с любовью ждала свою доченьку и у неё все было готово, чтоб накормить и обласкать любимую *мижинкеле*.

Будучи домоседкой, Ханцеле не любила увеселительные мероприятия. В то время, когда старшие сестры уходили развлекаться, Ханцеле уединялась с книгой и читала, писала стихи. Бывало, вечерами, когда мама что-то шила или вязала, Аня устраивалась рядом и читала ей сказки или рассказы вслух. Так они, мама и младшая дочь большого семейства, частенько коротали время.

Наша *мижинке* Ханцеле и замуж вышла, «не выходя из дома». Её суженный, талантливый радиоинженер Лева Фельдман, приехал в отпуск с Дальнего востока к своим родителям, которые проживали на соседней улице. После окончания Института связи он был направлен на работу на Дальневосточную радиостанцию. В Пуховичах дружил Лёва со старшими нашими сёстрами. Первый визит, естественно, был нанесён Лёвой нашей семье. Но в этот раз со старшими сёстрами он едва промолвил пару слов.

Его очаровала домоседка *мижинкеле* Ханцеле. Любовь с первого взгляда. Ей было 19 лет, ему 31 год. Скоропалительная свадьба. Отъезд новобрачных в Барановичи. Более пятидесяти лет совместной жизни сначала в Белоруссии, затем после войны в Риге, Казани и до безвременной кончины Лёвы – в Израиле. Двое детей: Рома (инженер) и Ляля (архитектор), двое внуков: Дима (предприниматель) и Майя (философ), одна правнучка Леночка.

Аня всю жизнь была очень творческой и талантливой личностью. Не только в своей педагогической деятельности, но и во всём, к чему она только не прикасалась. В своих многочисленных опубликованных и неопубликованных рассказах для детей, картинах, вышивках и поделках, с успехом побывавших на выставках. Но для меня она всегда оставалась прежде всего самым родным человеком.

Достоинствам твоим потеряян счёт,
В дни скорби – ты достойный наш оплот,
Твоя душа прекрасна и чиста,
Как в горном родничке – прозрачная вода.

МОИ ТЁТИ, ДЯДИ И ИХ СЕМЬИ

ТЁТЯ НАХАМЕ-СЕЙНЕ

Старшая дочь деда Моше и бабы Муси. Она росла своенравной, увлекающейся девочкой. Довольно рано смогла она ощутить в себе качества лидера. За ней толпами носились мальчики и девочки. Девушки её возраста подражали ей во всем. Она не растрачивала понапрасну чувства, не заигрывала с мальчиками. Но в один прекрасный день заявила матери, что выходит замуж за некоего Лифшица. Переполох в благородном семействе. Как же без сватов и благословения матери. Но никакие доводы и препятствия не смогли помешать её выбору. Вскоре состоялась хуппе и старшая дочь Нахаме-Сейне стала жить самостоятельно. Жили они тихо, скромно.

Наум, муж Нахаме-Сейне, старался обеспечить семью, частенько менял работу. Он слыл смышлёным, грамотным трудягой, но игнорировал свою уникальную специальность, которая дана была ему от Бога – дамский портной. Он мечтал разбогатеть и убеждал в достижимости этой цели преданную жену.

Дети, три кудрявые лепетуньи: Даша, Цивья и Басеве появились одна за другой. Мать была строга и требовательна к ним, девочки были очень дружны. Они стали посещать школу с пяти лет. Родителей только огорчало отсутствие сына, который появился только через три года.

Нахамка (как муж ее называл) начала усердно вести переписку со своей бабулей Бейлей (по материнской линии), которая в то время уже жила в Америке.

Бабушка пригласила старшую внучку с семьёй приехать в Америку и пообещала ей богатое наследство.

Горе обрушилось на семью неожиданно. Наум-отец, поскользнувшись в коридоре, падает, сильно ударившись головой. Роковой исход не заставил себя долго ждать.

ПРОЩАНИЕ

1924 год. Помню тёплое летнее утро. Мама хлопчет по хозяйству дома. Идёт подготовка к приёму гостей. Стол накрыт белой скатертью с салфетками. Роскошный сервиз (мамино приданное) украшает комнату. Старшие сёстры помогают маме и, заодно, прихорашиваются.

Нас (меня и Ханцеле) наряжала старшая сестра Соня. Светло-розовые платица в клеточку, и такие же бантики в толстых длинных косичках выглядели на наш взгляд очень эффектно.

Все суетятся, а мы с Аней залезаем на чердак и наблюдаем за происходящим из окна. Вдруг слышим стук колёс.

«Едут!!! На извозчике!» – вскрикивает Аня.

Первым выпрыгивает молодой парень лет пятнадцати в элегантных клетчатых брюках. За ним не менее элегантная его мама. И в заключение – одна лучше другой – три красавицы в соломенных шляпках.

Объятая, суета, разговоры. Папа с мамой торжественно усаживают всех за стол. А где же младшенькие?

Все в недоумении, а где же Минька с Ханцеле? Однако, папа, зная наши детские шалости, быстро сообразил где мы и извлёк нас из убежища. Мама ужаснулась, взглянув на дочек: во что превратились

наши нарядные платья. Все мы были обсыпаны опилками и жёлтым чердачным песком.

Нами занялась Басеве, наша двоюродная сестра: она нас причесала, умыла и подарила нам маленькие коробочки с изумрудными конфетками.

Нас уже не интересовал ни обед, ни разговоры за праздничным столом, ни отъезд родственников, ни прощальные слова. Нам хотелось поскорей открыть волшебные коробочки и попробовать на вкус сладости ...

ТЁТЯ РИВКЕ

Вторую дочь Риву все называли Ривке. В отличие от Нахаме-Сейне Ривка была высокомерна, рассудительна и, вместе с тем, трудолюбива. Мать обожала дочь за её ум и бережливость. Ривке предпочитала одиночество. Считала, что достойных женихов для неё в местечке нет. Всякие предложения о замужестве отвергала. Время шло. С годами она поняла, что была слишком категорична в выборе женихов. Так Залман, который был влюблён в неё с детства и которого она отвергла, оказался на поверку чудесным мужем её подруги и прекрасным отцом их детей.

И вот богатая Ривке решается на поступок – выходит замуж за далёкого, разорившегося, но всё ещё довольно богатого своего родственника, Менделе. Брак по расчёту оказался ошибкой. Это ощущалось на протяжении всей их совместной жизни. Ривке сожалела и горевала в одиночестве, но виду не показывала.

Менделе-Гомоня, как его в народе называли, был общительным, любил погутарить по утрам с соседями о политике, или просто посидеть с сигаркой во рту, помечтать. Хозяйничать не очень любил, все заботы по

дому взвалил на Ривке. Огромный дом из шести комнат и керосиновая лавка требовали помощников. Очень много времени Ривке посвятила воспитанию единственного сына Анцуле, который заикался с рождения.

Анцул был одновременно и первенцем и последышем, поскольку больше детей у Ривки и Мендула не было. Анцул был представителем как бы другого поколения. С родными и родственниками не сюсюкался, держался от всех на расстоянии. Анцул был немногословен. Вероятно из-за врождённого заиканья. С уважением относясь к старшим, он сторонился сверстников. Учиться дальше по окончании школы не захотел и категорически отказывался даже говорить на эту тему. Собрав приличную библиотеку он стал заниматься самообразованием. Начал с азов. Природная его любознательность и терпение дали свои плоды. Анцул опережал многих своих сверстников в развитии. Он досконально изучил профессию бухгалтера. И стал получать множество приглашений от разных организаций на работу.

К ним часто приходила Берта, племянница тёти Ривки, двоюродная сестра Анцула. Украдкой они стали встречаться и были счастливы вдвоём. Но их разлучили. Ривке сумела убедить сына, что брак между близкими родственниками может иметь непредвиденные генетические последствия.

Умная Ривке скоропалительно рассылает сватов в поисках невесты. Нужна была девушка образованная, из интеллигентной семьи, привлекательная и с хорошим характером. Предложений было много. Но лишь одна Рохеле ей чем-то приглянулась, и решено было поближе с ней пообщаться. Рохеле имела высшее образование, была из интеллигентной семьи и работала в одной из

минских аптек. Анцул в этой афере не участвовал, как будто его это не касалось. Он и не мог даже предположить, что рассудительная и неторопливая его мама сможет так незаметно окружить его интересными и милыми собеседницами. Как бы невзначай стала всё чаще появляться минчанка Рохеле. Начитанный Анцул произвел на неё впечатление. Со временем они стали более тесно общаться и вскоре зарегистрировали свои отношения.

Жили они мирно, без взлётов и падений. Родители мечтали о внуках. Умная и тактичная Рахиль жаждала внимания и любви от своего красивого мужа, но Анцул был в прострации. Он не мог сориентироваться, чего-то выжидал. Плоская, сутуловатая, с дефектом правой лопатки, неженственная Рахиль-Рохеле тоже была настороже. Ей хотелось семейного благополучия. Ривке старалась помочь молодым, советовала невестке больше следить за своей внешностью.

Все чего-то в семье недоговаривали, три с половиной года ждали какого-то чуда. Но этого волшебного чуда не случилось, ни Бог, ни Мошеях с небес не принесли его.

Расставание было без слез и печали. Рахиль исчезла из семьи как мираж.

И вскоре произошло чудо. Словно Бог услышал молитвы Ривке и послал Анцулу вознаграждение в лице очень приятной, небольшого роста, милой девушки, по имени Элька. Хотя в народе её, педагога по образованию, уже уважительно величали Ольгой Иосифовной. Увядавший дом вновь преобразился. Лучезарная Элька принесла в дом улыбки и радость. Стали чаще появляться и гости.

Элька просила Анцула напевать заученную им с детства песенку на еврейском языке (Дэр винтэр из

гекумен, дэр шней шит ун шит, мир зитцун ин цимер ун зинген а лыд). Она решила пением излечить своего мужа от заикания. И это её удавалось. Ривке души не чаяла в остроумной, жизнерадостной Эльке, а когда заметила, что молодые ждут пополнения, радости её не было предела.

Родился маленький Иосиф здоровеньким, крепышом, похожим внешне на отца. Через неполных два года появился у Иоськи братик Лёва. Семья росла: Элька старалась пятилетку в четыре года выполнить – вскоре после Лёвушки появился ещё один герой – Яша ...

С приходом фашистов вся семья вместе со другими евреями местечка Пуховичи была отправлена к Поповой Горке. Оккупанты торопились, раздались выстрелы. Люди падали в заранее вырытую яму. Фашисты слегка засыпали землёй своих жертв и уехали.

Когда стемнело, Анцул, который случайно остался в живых, выбрался из-под мёртвых тел и углубился в лес. Он шёл, не зная куда, не зная зачем и почему. Косматые листья тихо шептали колыбельную для расстрелянных его детей. Обессиленный, он уснул неожиданно крепким сном: день рождения сына Иосифа ... мама Ривке очень красивая и счастливая ... отец Мендл в черном костюме... и дети в хороводе, танцуют, и его любимая жена Элька, она его гладит и они поют вместе песенку: дэр винтэр из гекумен ...

Так его, окровавленного и замёрзшего в снегу, и обнаружили спустя некоторое время совершенно незнакомые люди.

ДЯДЯ БЕРЛ

Берл был третьим ребенком у деда Мойше и бабы Муси. Наконец-то родился сын. Тихий, болезненный, немного застенчивый, необщительный. В детстве Береле без причины мог налететь на сверстника с кулаками, за что частенько и сдачу получал сполна. Но не жаловался и не искал защиты. Сам лечил шишки и синяки. Неожиданность в его действиях всех поражала.

Так же неожиданно он и женился. В один из пасмурных дождливых дней, он привёл в дом толстушку Дину-Дыне и представил её своей женой. Ошарашенная таким заявлением, мама приняла это сообщение за шутку. Толстушку и шутницу Дину не принимали первое время в семье всерьёз. Все недоумевали: где он её только отыскал? Но с ней было легко и просто. Ловкая, приученная к труду, Дина сразу «впряглась в домашнюю работу», зная – что необходима делать и что от неё хотят. Жизнь постепенно налаживалась. Ждали прибавления семейства.

В последние годы жизни дядя Берл очень страдал. Частые приступы бронхиальной астмы мучили его днём и ночью и доводили до отчаяния. Умер он тихо, как будто уснул долгожданным безмятежным сном, без стонов и с сияющей улыбкой, якобы в благодарность судьбе и Богу за такой конец. Умер дядя Берл в 1927 году.

ТЁТЯ ДЫНЯ

Тётя Дыня пишется для меня с большой буквы не только по чисто грамматическим соображениям. Уважительное отношение к себе тётя Дыня заслужила

своей неизменной доброжелательностью и состраданием к ближним. Эта была чувствительная натура с удивительной памятью: она никогда не забывала знаменательных дат близких и дальних родственников.

Запомнился эпизод, который нас всех просто потряс. Когда наша Аня приехала из роддома, тётя Дыня, как бы невзначай, появилась у нас дома, разглядела детально новорождённого Рому, положила его у изголовья папиной кровати и покатила тельце малыша вперёд. Ребёнок дважды провертелся вокруг себя.

Мы были в шоке. А тётя Дыня ликовала. «Малыш выдержал экзамен», – молвила она. «Он будет высоким и здоровым долгожителем». Она положила рядом чайную серебряную ложечку и так же неожиданно исчезла, как и появилась.

Это было первым своего рода крещением для Ромочки старшего.

ДЕТИ И ВНУКИ БЕРЛА и ДЫНИ

Моше-Лейб получил имя Моше в честь деда, а Лейб в честь прадеда. Рос Моше-Лейбеле нормальным ребенком. С юных лет был приучен к труду и был надёжным помощником болезненного отца. Со временем *первенец* и взвалил на себя все заботы по дому и хозяйству. Затем встреча с белокожей красавицей Соркой.

Вскоре они поженились и на свет появляется первая дочь – красивая, милая Нахамка. По-русски ее величали – Нина. Вторую дочь назвали Раей. Толковая, умница, она закончила Минский университет и сейчас проживает в Америке в Бруклине. Третий ребёнок Илья, получив

хорошее образование, к сожалению, скончался от инфаркта на 33 году жизни. Сам отец семейства Моше Лейб был призван в Армию, где и погиб в 1944 году.

Рувун был следующим по старшинству ребёнком Берла и Дыни. Этот мальчик рос с претензиями. Неохотно принимал участие в домашнем хозяйстве. Старший брат с отцом старались безуспешно приучить его к посильной работе. Рувеле был в плену противоречий. Ему и жаль было отца-астматика, но в то же время он и с собой ничего поделаться не мог. Словом, всю работу приходилось тащить старшему сыну Моше-Лейбу и маме.

Шли годы. Семья пополнялась. Родилась толстушка Рода. Добрая, мягкая, симпатичная, но недовольная своей внешностью, она являла собой копию мамы Дыни.

Орра был четвертым ребёнком в семье и, так же как и Рода, своими габаритами напоминал маму. Мы его обожали. Орка, как мы его называли, был нашим общим любимцем. Толстяк, высокий добродушный остряк, почти ежедневно появлялся у нас на горизонте. В будни мы его не замечали, ибо все мы куда-то спешили. Он в будни приходил по делу к папе. В выходные дни он появлялся утром, когда мы ещё находились в постели, блаженствуя и пребывая в утренней дреме. Орка будил нас предупреждением, что на размышления и уборку постелей он ассигнует нам десять минут. Мы частенько не слушались его, за что в последствии глубоко каялись. Он лишал ослушниц мороженого, а иногда и билета в кино. Любил он делать сельтерский напиток и угощать им всех. Для этого необходимо было подняться по лестнице на чердак, где хранилось у нас варенье и принести его. Мы, лодыри, не всегда чутко и своевременно реагировали на его просьбы, но под

давлением мамы варенье всё же появлялось в нужном количестве и в нужном месте.

Исаак, он же, Иче, высокий статный, добряк. Он единственный из всей большой семьи уцелел во время войны. Запомнился один эпизод, когда собралась вся родня за праздничным столом по поводу женитьбы Миши. Ждали по традиции новобрачных. Из родственников отсутствовал только Исаак. Никто не мог понять где же он. При приближении молодожёнов внезапно появился наш отсутствующий герой и, следуя традиции, с полными вёдрами перешёл улицу перед их носом.

Исаак жил он у нас в Тамбове около года, когда у него произошёл какой-то конфликт в семье и ему нужна была материальная помощь. Мы заложили в ломбард вещи: одеяло, костюм, платья и нам удалось его тогда выручить. А спустя годы он мне уделил столько тепла и внимания, когда я приезжала в Киев (Коростышевский карьер) заказывать, а позднее получать и отправлять надгробный памятник для мужа. На это способны только родные близкие люди. Исаака уже нет, он умер от бронхиальной астмы, так же, как и его отец. В Киеве жила его жена Нина (фармацевт) и сын Боря с наследником и женой.

Ида-Итка, стройная, высокая, доброжелательная, справедливая. Не очень женственная, замкнутая, как бы несколько сухая. Гриша-Гиршул, последыш, так сказать. Он вобрал в себя многие положительные качества: отзывчивость, ум и трудолюбие. Жил в Минске со своей семьёй, там и был убит.

РУВУН и РОДА едут в АМЕРИКУ.

Непоколебимое решение уехать в Америку было изначально принято Рувуном. Рода тоже изъявила желание поехать со старшим братом, будучи в полной уверенности, что родители и все члены семьи затем последуют за ними. Такая была договорённость. Всё было тщательно подготовлено и оговорено до мельчайших деталей.

Рода была мастером на все руки: белошвейка, вязальщица, деликатесный повар, одним словом – универсал. Все это было ей дано, как говорится, от Бога. Рувун знал, что с Родой они в Америке не пропадут, устроятся, заработают немного денег и семья сможет перебраться к ним. Случилось непредвиденное. Благополучно добравшись до Варшавы, Рода вынуждена была вернуться обратно в Пуховичи, поскольку ей было отказано в визе для въезда в Америку, ввиду больших её габаритов. Разочарование было неимоверное. Все надежды рухнули. Рувун, тем не менее, продолжил путешествие один и прибыл в Америку.

Рода пыталась безуспешно бороться с лишним весом: сидела на всевозможных диетах, голодала, ездила специально с этой целью в Кисловодск, где ей удалось похудеть на 16 кг, но на её внешности это отразилось несущественно. Она очень горевала, о замужестве даже и не мечтала. Врождённое благородство, ум, красивая походка несмотря на полноту, одухотворённая доброжелательная улыбка – всё это привлекало к ней людей. В особо торжественных случаях она приходила к нам и её золотые руки изобретали удивительные кулинарные шедевры. А какие она делала тейглах – они просто таяли во рту. Она все делала основательно, с

душой. Вся их семья, кроме Исаака была убита фашистами во время Второй мировой войны.

ХАЙКА

Четвертым ребёнком деда Мойше и бабы Муси была Хайка. Отец был не в восторге по поводу рождения дочери. Он ждал сына. Но мудрая Муся обещала через год сына родить. И своё обещание она выполнила. Красивая своевольная дочь пыталась с юных лет подавать тон в семье, читала нравоучения старшим. Мама Муся дипломатично направляла «наставления дочери» в необходимое русло.

Гордая самолюбивая Хайка в то же время могла быть ласковой. Её рыцарь сердца появился совсем неожиданно из другого, как тогда казалось, конца света: из другого местечка Лапичи. Мама Муся не торопилась дать благословение своей младшей дочери. Круглолицый здоровенный детина славянского типа не покорила сердца родственников и матери. Но своенравная Хайка настояла на своём. Вскоре состоялось хуппе и она укатила со своим возлюбленным Сымхе в Лапичи. Сымхе оказался трудягой: выстроил дом, открыл магазин. Универсальная лавка привлекала множество покупателей, и приносила хороший доход. Хайка и Сымхе гордились своими успехами. Некоторый опыт торгового работника, кстати, пригодился ей впоследствии при работе в Минском универмаге. Семейство росло. Появился на свет первенец-мальчик. Отец ликовал.

Старший сын Хайки был наречён библейским именем Мейсул-Моисей. Это был желанный и любимый ребёнок, но рос он болезненным и бледным. Он часто ощущал недомогание после мальчишеских игр. Из-за плоско-

стопия ему приходилось порой какое-то время проводить в постели. Будучи умным и толковым, Мейселе в последующие годы стал главным помощником отца. Отец гордился его сообразительностью.

Затем родилась красавица Даша. Смуглая, шумная Даша с возрастом хорошела и была чересчур активной. Очень часто появлялась Даша в Пуховичах и всегда это было неожиданно. Заезжала чаще всего к нам. Очень любила наш дом, сад и, естественно, обитателей дома. Ей не нужны были покровители. Она не умела отказывать себе в желаниях. Скажем, летом любила загорать в саду в обнажённом виде. И это в провинциальном местечке ...

Иногда её *гиперактивность* немного тревожила взрослых. Нас малышей она любила, но командовала нами: принеси то, унеси это ... Наша мама её очень любила и она прислушивалась к советам нашей мамы. Прохожие восторгались её красотой и грацией. Мы же, все Вайнманы, её просто обожали.

Арон был третьим по счёту ребёнком у четы Левиных. Красивый, с чёрной гладкой шевелюрой, смуглый здоровенный еврейский Геракл. Да, уж такого героя родила Хайка.

Берта была четвертым ребёнком в семье. Все звали её папиной дочкой. Берта была бледнолицей, спокойной, очень сообразительной девочкой. Она всегда сравнивала, где лучше, что лучше, кто красивее, где жить и с кем дружить. Увлекалась в детстве арифметикой и, видимо, не зря, став со временем бухгалтером по специальности. Ребёнком Берта очень часто навещала родственников в Пуховичах, обязательно заезжая к тётке Ривке. Она любила играть в прятки с Анцул. С годами их игры в карты и совместные чтения книг превратились во взаимную привязанность. Они полюбили друг друга.

Училась Берта в Пуховичах, поскольку семье Левиных был приклеен ярлык «лишенцы», и дети лишенцев не имели права учиться. Визиты к тётё Ривке учащались. Молодые стали строить планы о будущей совместной жизни. Берта мечтала стать хозяйкой и помощницей тётё Ривки в огромном богатом доме. Проницательная тётё была в шоке. Она решает срочно женить Анцула. Анцул не посмел перечить матери, уж очень он её любил. Так закончился роман Берты и Анцула.

В 1941 году перед самым началом войны Берта вышла замуж за Бориса Мармора, который погиб на фронте в 1944 году. Впоследствии Берта вышла вторично замуж за Литмана Лельчука и у них появилась дочь Софа, а потом и внуки Максим и Люба, проживающие в настоящее время в Нью-Йорке.

Ещё двое детей было у Хайки. Именитый впоследствии доктор-невропатолог Мулик, Вместе со своей спутницей жизни, преданной женой Марией и двумя детьми Софией и Семёном они долгие годы жили и работали на Рижском взморье, а с 1995 года эмигрировали в Канаду, где и по сей день живут и здравствуют в Торонто в окружении любящих и заботливых детей и внуков.

Самая младшая из семьи Левиных, младшая дочь Хайки и Симселе, Муся некоторое время проживала в Нью-Йорке, а конкретно, в так полюбившемся ей Бронксе, где она наслаждалась жизнью на улице Орлофф с младшим сыном Аркадием. Дети Аркадия Юля и Олег тоже живут в Нью-Йорке. Мусина дочь Анна и внучка Света с правнучкой Авиталь в настоящее время живут в Израиле.

Интересной деталью этой дружной семейной ветви является то обстоятельство, что мужья Муси и Берты – Залман и Литман Лельчуки были родными братьями.

ПОХВАЛА ВИТАМИНАМ

**Практические пожелания Марии
в стихах и прозе**

ВВЕДЕНИЕ

Сей сюжет веками длится,
И сомненья в этом нет,
Был он, есть, иль только снится
Сей мираж – иммунитет.

Если был он – жизнью наслаждались,
Если есть он – всё вокруг сияет,
Если был он – пели, целовались,
Если есть он – солнце нас ласкает.

Витамины, минералы,
Без них тускло, без них шатко –
Это наши генералы.
Без них жизнь совсем не сладка.

Улыбки наши исчезают,
Жалобы и охи возникают,
Безмятежный сон исчез:
Злодей гадкий в грудь залез!

Болезнь нечаянно нагрянет?
Тревога! Наш мотор не тянет!
А профилактика? Ленивая она.
Проспала всё! Иммунитет не создала.

Первый шаг, надёжная тропинка –
Воздух, сон и аскорбинка,
Вода, полезная еда и никотинка –
Чем не знакомая для всех картинка.

Дети, женщины, художники, солдаты,
Изучайте «витаминные мандаты»,
Чтобы укрепить иммунитет,
Поговорите с ними *тет-а-тет*.

ВИТАМИН A – РЕТИТОЛ

Витамин А сильный и могучий
И пусть сомнения вас не мучат.
Его надёжные союзники – Бета-каротин,
Анти-оксиданты, братья Е-, и С- витамин.

Витамин А настраивает защитные системы организма против:

- инфекции кожи и слизистых оболочек дыхательных путей,
- пищеварительного тракта,
- мочеполовых путей и глаз;
- предупреждает выпадение волос;
- лечит трофические язвы

Витамин А содержится в:

- рыбе;
- мясе;
- птице;
- молочных продуктах;
- рыбьем жире;
- шпинате;
- плоде папайя;
- оранжевых фруктах.

ВИТАМИН Е - ТОКОФЕРОЛ

Функции:

- жизненно необходим для иммунной системы;
- мощный антиоксидант;
- защищает мембрану клетки от повреждения;
- координирует действие витамина С.

Показания к применению:

- расстройство нервной системы;
- заболевания желудочно-кишечного тракта;
- преждевременное старение кожи, сухость кожи;
- бесплодие.

Враги:

- минеральное масло;
- длительная варка продуктов;
- жара, замораживание;
- железо и хлор.

Витамин Е содержится: в помидорах, брокколи, арахисовых орехах, соевых бобах, яйцах, не очень рафинированном масле.

Витамин Е с минералом **СЕЛЕНОМ** являются подавителями свободных радикалов.

СВОБОДНЫЕ РАДИКАЛЫ - кто они такие?

Это крошечные убийцы, ещё меньше вирусов, наподобие пилам, которые разрушают мембраны клеток за счёт протекания побочных реакций радикального типа, приводящие к мутации ДНК и, как результат, приводят к различным заболеваниям.

ВИТАМИН Д

Функции:

- способствует усвоению фосфора и кальция.

*... Солнышко ласково гладит,
Подарки щедро нам дарит*

Показания к применению:

- расстройство нервной системы;
- разрушение зубов;
- рахит (у детей);
- остеопороз (пористость костей).

Враги витамина Д:

- все что уменьшает количество солнечного света.
- Витамин Д содержится в нежирном снятом молоке.

ВИТАМИН С - АСКОРБИНОВАЯ КИСЛОТА

Функции:

- активизирует иммунную систему и процесс мышления;
- дезактивирует токсичные вещества;
- мощный антиоксидант;
- фильтрует спинно-мозговую жидкость;
- способствует усвоению железа;
- участвует в регулировании уровня холестерина.

Витамин С используется для ускорения излечения:

- пневмонии;
- мононуклеоза;
- гепатита и других вирусных инфекций.

Симптомы нехватки витамина С:

- вялость;
- слабость;
- боли в суставах;
- кровоточащие дёсны.

Враги витамина С:

- сигареты;
- жара;
- длительная варка продуктов;
- стресс.

Витамин С содержится:

- в спарже;
- грейт фруктах;
- лимонах;
- шпинате;
- томатах;
- тыкке;
- хурме;
- редисе;
- малине.

ФОЛИЕВА КИСЛОТА - это витамин группы В.

Фолиевая кислота жизненно необходима для иммунной системы. Важную роль играет в:

- формировании эритроцитов
- обмене ДНК.

Признаки нехватки **Фолиевой кислоты**:

- раздражительность;
- забывчивость;
- слабоумие;
- анемия;
- потеря аппетита и веса;
- плохой рост у детей;
- болезненность рта и языка;
- врожденные дефекты у младенцев.

Враги **Фолиевой кислоты**:

- длительная варка продуктов;
- жара;
- алкоголь.

Фолиевая кислота содержится в:

- коричневом рисе;
- спарже;
- моркови;
- шпинате;
- бобах;
- дыне;
- брокколи.

ВИТАМИН РР - НИАЦИН

Функции:

- жизненно необходим для здоровой кожи, полости рта, кишечника и нервов;
- необходим для выделения энергии из углеводов, жиров и белков.

Признаки нехватки витамина **РР**:

- головные боли;
- раздражительность;
- бессонница;
- усталость;
- сыпь на коже;
- диарея (понос);
- язвы и болячки;

Враги витамина **РР**:

- слишком длительная варка продуктов;
- алкоголь.

Витамин **РР** содержится в:

- горохе;
- перловке;
- форели;
- гречихе;
- финиках;
- белом мясе;
- индейке;
- палтусе.

ВИТАМИН В1 - ТИАМИН

*...Кожу он лечит и гладит
С алкоголем воюет один
Почётный он наш господин*

Функции:

- жизненно необходим для иммунной системы;
- необходим для преобразования углеводов в энергию;
- для нервной системы и мышц.

Признаки нехватки витамина В1:

- изменения психики (потеря живости ума);
- депрессия, усталость;
- нарушение ритма сердечных сокращений;
- ощущение жжения в ногах.

Враги витамина В1:

- жара;
- длительное приготовление пищи;
- кофеин;
- алкоголь;
- избыток сахара в пище.

Витамин В1 содержится в:

- продуктах из молока с пониженной жирностью;
- чесноке;
- бобах и горохе;
- миндале;
- фундуке;
- зернах ржи, пшеницы.

ВИТАМИН В 2 - РИБОФЛАВИН

*...Чтобы кожа была гладкой,
Чтобы глазки в даль смотрели
Не слезились не болели...*

Функции Рибофлавина:

- витамин кожи и слизистых оболочек тела;
- жизненно необходим для иммунной системы;
- играет важную роль в усвоении жиров, углеводов и белков;
- важен для дыхания и роста клеток.

Признаки нехватки витамина В2:

- головокружение;
- дрожь;
- бессонница;
- трещины и болячки в уголках рта;
- болезненность и покраснение языка;
- расстройство нервной системы, слабость;
- кожные заболевания машонки;
- калиты;
- гастриты;
- серьезное ослабление иммунной системы;
- резь в глазах.

Враги витамина В2:

- свет;
- чрезмерное вываривание продуктов;
- избыток сахара в пище;
- алкоголь.

Витамин В2 содержится в:

- миндале;
- брокколи;
- листовой капусте;
- фасоли;
- петрушке;
- кедровых орехах;
- йогурте.

ВИТАМИН В 5 - ПАНТОТЕНОВАЯ КИСЛОТА

*...Кто хочет жить до ста лет,
Обязан помнить свой обет.
Не игнорировать В5
Разумно есть, и в норме спать.*

Признаки нехватки витамина В5:

- дерматиты;
- депигментация;
- прекращение роста;
- нарушение обмена веществ;
- медленное заживление ран.

Лечение:

Паста поапи (размять, добавить 3-4 капли алои и чуточку кипяченной воды и прикладывать к язве)

ВИТАМИН В6 - ПИРОДОКСИН

Функции В6:

- антистрессовый фактор для образования норадренолина;
- необходим мышцам вместе с кальцием;
- оптимального функционирования психики.

Признаки нехватки витамина В6:

- отит;
- депрессия;
- ухудшение умственной психики.

Витамин В6 содержится в:

- кедровых орехах;
- фундуке;
- шпинате;
- перловке.

ВИТАМИН В12 И ФОЛИЕВАЯ КИСЛОТА

...Малокровие дефицит:

В12 – наш кредит.

Функции Витамина В12:

- укрепляет иммунную систему;
- для выработки эритроцитов в костном мозге и их поступления в кровообращение;
- нормализует кровяное давление;
- улучшает состав крови.

Признаки нехватки Витамина В12:

- уменьшение количества эритроцитов, лейкоцитов и тромбоцитов;
- анемия, усталость, слабость, онемение конечностей;
- запор;
- потеря аппетита;
- некоторые формы старческого слабоумия.

Лечение:

- кедровый орех;
- папайя;
- чеснок;
- сладкий перец.

Враги витамина В12:

- длительная варка продуктов;
- передозировка солнечными лучами;
- алкоголь.

ИТОГИ

Все витамины вносят свой вклад в полноценную работу психики и интеллекта.

Радостные положительные эмоции стимулируют иммунную систему.

Негативные и печальные подавляют иммунную систему и способствуют появлению заболеваний.

ЦВЕТНЫЕ ТАЙНЫ

*Цвета, цвета – гармонии лукавство,
Изыщество оттенков и тонов,
В сумятице смешения – загадка,
Как череда всего – удач, невзгод ...*

*Ах цветковые гаммы! Гаммы цвета!
Щадящей пылкостью неистой мечты,
Они то ловко исчезают безответно,
Явившись вновь, окрашивают веточку судьбы.*

БЕЛЫЙ

Белый цвет – это свет,
Это детство, и рассвет.
Роскошь это, и невинность,
Свежести неизгладимость.
В доме – белые цветы.
Словно ласки детворы,
Грёзы девичьи, мечты –
И вокруг все влюблены!
Цвет невинности и вдохновения,
Цвет торжества и праздника настрой,
И мифы улетают, и сомнения,
И ясно брезжит свежесть красотой.
Ах, белый, белый цвет – величествен и нежен
Он увлекает нас куда-то в даль
И витиеватой прелестью заснежья
Плетет кокетливым узором паутину-шалъ.
Как робок ты в своем прикосновении,
Так чувственен твой нежный силуэт,
Неся любви прозрачность благоговенья,
И чистоту всех нескончаемых надежд.

КРАСНЫЙ

Огонь страстей и вздохи, и любовь,
исчезло равнодушие – закипает кровь.
Темно-красные яркие розы
покрыты росой – это девичьи грёзы.

Цвет красный – признак страсти и огня
Той мощной будоражащей волны
Неистойвой энергии, как яркая заря
Как водопад, упавший со скалы.

С людьми, одетыми в красное,
дискутировать очень опасно.
Целеустремлённые, самоуверенные, смелые,
Они по натуре спорщики закоренелые.

ЧЁРНЫЙ

Торжественен и элегантен,
Он прост, не экстравагантен.
Шагает скромность вместе с модой,
Зимой и летом в форме строгой.

Цвет черный – величавой скорби код,
Эффектно мудр, торжественен, печален,
Он символ чести, траура, невзгод
Вечерний блеск его неподражаем.

ПАСТЕЛЬНЫЙ

Пастельные, мягкие, нежные тона
Окутаны дымкой, ворожат нас всегда.
Тепло колыбели, детства причал,
Молочная нежность, начало начал ...

СЕРЫЙ

Смешением тонов прозрачного с печальным,
Рождением своим обязан серый цвет,
Цвет милосердия, добра и обаяния,
В спокойном ожидании надежд.

К тому же – серый благороден,
Во все века он мудр и моден.

ЗЕЛЁНЫЙ

Едва родившись, нежно-зелёный,
Салатно он бледный и неугомонный.
Он дарит прохожим улыбки, восторг,
Пред ним неуместен ни спор и ни торг.

Взрослея, становится очень могуч,
Зелёный ковёр – таинства ключ,
Полям и лесам прибавляет он силы,
И мирно вокруг – и люди все милы.

Лики зелёных отголосков
Великолепию природы подражают,
То нежностью, то яркостью отростков,
В тональности осенней увядают.

Зелёный всё же странный –
офицеры чтут мундир,
И доллар даже рваный –
заветной зелени кумир ...

СИНИЙ – ГОЛУБОЙ

Моря свет глубокой синевы,
Где спят манящие загадки,
Где только вечность – я и ты,
И синева, и время мчится без оглядки.

Тот синий ливень, синий свет туннеля
Ручей, бегущий в отзвуке дождя,
И в радужье цветов – переплетенья,
Лишь синева внесла покой небытия.

А голубой – он синему сродни оттенок,
С одной основой, но как младший брат,
Слегка наивен, и чуть-чуть незрел он,
Прозрачен, свеж, приятен, как нектар

Ты нежный, гладкий.
Задумчивый и сладкий.
Застенчив, дружбе муж,
Компании отнюдь не чужд.

Ты спокоен, симпатичен.
И в работе ты практичен

Ты небо вечностью укутываешь,
Неповторимыми оттенками голубизны.
А на земле уж вечность
с цветом голубым незабудки дружны,

СИРЕНЕВЫЙ

Сиреннево-лиловая гряда
В той будоражащей сумятице искрится,
Где празднично одетая толпа
В ликующем восторге копошится.

ФИОЛЕТОВЫЙ

Фиолетовый цвет, он зовущий,
Как женственный бархат плывущий.
Когда он обуздан – он ярче, острей.
При полном доверии мягче, нежней.

Сиреневый цвет фиолет обожает
Часто копирует и подражает,
Гамма сирени умна, сочиняет сюжеты.
С жёлтым и белым, цветы и браслеты.

Фиалки лесные, бунтари-фантазёры
Обожают леса, луга и озёра,
В любви постоянны, следуют ветру,
Чужда им пробежка по белому свету.

ЖЁЛТО-ОРАНЖЕВЫЙ

Жизнерадостный ты цвет,
Лучами солнца ты согрет
Поля, луга ты украшаешь,
теплом и нежностью питаешь.

Твоя гамма добра и любима,
И в оттенках неповторима.
Несёшь ты радость успокоения,
Болящим даришь исцеления.

Порой горда ты, когда скупа и кратка,
Бываешь также тайной и загадкой.

БЕЖ И КОРИЧНЕВЫЙ

Их не разлучишь, они как святые
Скромны, элегантны, сестрички родные
Любовь к песочному – одно наслажденье:
Испытан он временем, нет в том сомненья;
Оттенки любые: телесный иль беж,
Тона благородные – не страшен мятеж.
Бежевый мягкий, уютный, он – светлый,
Песочный-пшеничный почти не заметный.
Коричневый, чуть возвышаясь, семью опекает.
Гармонию светлых тонов обожает.

РОЗОВЫЙ

Для новорождённых девочек, нежный и родной.
Розовый цвет – детский лепет, покой.
Нежность, ласка, первых сказок сюжеты,
Цветы и колыбельной песни куплеты.
Прозрачную наивность и легкость восприятия
Цвет розовый доверчиво несет в себе,
И будущность надежд, и ясность созидания,
И иллюзорность счастья на земле.

ВРЕМЯ - ФАКТЫ

Двадцать пять, плюс месяц двойка –
эта цифра очень стойка.
В девятнадцать сорок шесть
родился мальчик – радости не счесть.

Детский плач, пелёнки, недосып,
ясли, садик, крик и грипп.
Кашель, прочие болезни –
игры, радость, впрочем, не исчезли.

Пятнадцать и двенадцать,
а точнее девятнадцать сорок семь –
свет увидала девочка – сенсация!
А впрочем, без претензий, без проблем

Опять пелёнки, снова ясли –
детский лепет он прекрасен.
Объятья, дружба, игры, ссоры,
книги, картинки, разговоры.

Шагают вместе, садик рядом.
Летом в лагерь всем отрядом.
Книги, ноты и – в две школы,
Попеременно шутки и минорные уколы.

Но вот прощай Зеленодольск-Зелёный Дол.
Столичная Казань заходит на престол.
Консерватория у сына – музыка в почёте,
хоть за окном и аэропорт грохочет.

Дочь, на химфаке Уни, победив в отборах,
сдружилась с фтором, фосфором в приборах.
Занимательна учебная программа,
Хоть и порой «вонюча прямо аж до срама».

Девятнадцать, шесть и семь, четырнадцать с семёркой,
Шаг серьёзный смелый, но не стал он оговоркой:
женитьба, свадьба, шик невеста.
Счастливый брак, всё так прелестно.

Девятнадцать, шесть и восемь,
Смерть отца – мы траур носим,
Декабрь, семнадцать – ад кромешный
Скорбь и слёзы безутешны.

Скорбь, мрак, тоска и похороны:
Прощанье, кладбище, поклоны.
Цветы, венки. Венки, цветы.
Горе – жизни чёрные черты.

Тридцатое апреля нас приближает к маю,
Влюблённые сердца молодожёнов тают.
Так в году 78, о будущем мечтая,
Молодые клятву верности скрепляют.

Жизнь идёт и время лечит,
судьбы повтор нам свадьбу метит.
Жених для невесты лестный,
физик-лирик он известный.
Свадьбы шум и звон бокалов,
Поздравления, танцы в залах.

Цифра семь, рядом двойка, и месяц десятый,
День третий – самый крылатый.
Вспорхнула крылышками тайна-девчонка,
Голос с рождения мелодичный и звонкий.

Всё тот же вроде плачь, но с музыкальной интонацией,
Всё те же пелёнки, но с вышитой вручную аппликацией.
Девочка мила, послушна,
К музыке явно не равнодушна.

Мелодии, аккорды, ноты,
Конкурсы, успехов круговороты.
Музыка божественно звучит,
она колдует и манит.

Талантлива и многосторонне даровита,
Умна, красива – музыкальная элита.
И в кино в заглавной роли,
Знаменитый режиссёр доволен.

Год 78 не совсем обычный. Он игривый.
Опять декабрь морозный, сивый.
А день восьмой был всех светлей,
Родилась девчонка всех краше и милей.

Те же детсады, те же аккорды,
Музыка в доме, нельзя быть не гордым.
Престижный Маннес-колледж посещает,
Но музыку лауреат вдруг покидает.

Родные в транс! Жизнь без классики, без звуков?
Сильный характер – выбирает точную науку.
Другой университет, стойкость во всём,
Другая профессия, с отличием диплом.

Правнуки будут и звуки вновь грянут,
Наследие, генные корни не вянут,
Начало продлить правнукам надо,
Вспыхнут, как молнии или торнадо.

Волшебные звуки, аккорды вдали,
Манят, зовут, поскорей приходи ...

2002 год

СОН (Малка)

Волшебный сон мне память подарила,
я у сестры как будто время провела,
Молчанием встретила она и простынь постелила,
А одеяло, рассмотрев, брезгливо убрала.

Убожество и ветхость – вот её теперь жилище,
Нет и намека на уютный, светлый, прежний дом.
В потёртом твидовом пальто она – вид нищий
И белый шёлк платка, затянутый двойным узлом.

Из под ресничек и волос, закрывших лоб,
взгляд вникуда, измученный тоской,
И мысли, словно притчи, как озноб
снежинок – кружатся в темноте ночной.

И слышен стон земли, омытого слезами,
Почти как изморозь хрустит поблекшее лицо,
Не вспыхнет взгляд, лишь тлеет меж губами
Тлен ... и сердце стиснуло тяжёлое железное кольцо.

Блеснув как молния, она погасла в всплеске сразу,
И не было объятий, слёз, напутствий, драм
Мгновенно улетучилась, не возвратясь ни разу,
Лишь в памяти остались её глаза и тонкий стан.

2002 год

Поздравления

Мама, мы тебя очень любим!

Люда – Сёма

Саша – Лиля

Бабуля, мы тебя очень-очень любим!

Аня и Ириша

Юра и Гвидо

Марийка, мы тебя любим ещё больше!

Шоник

Марийка, мы тебя любим ещё больше!

Миечка

Марийка, а я тебя просто обожаю!

Авочка

Дорогая тётя Мария!

Сердечно поздравляем с великим праздником – Вашим 100-ым днём рождения! Замечательный, чудесный, добрый человек, Вы прожили целый век и показали пример чести, щедрости души, искренности, целеустремлённости и выдержки. Вы прошли долгие дороги войны и труда и остались сильным человеком, умеющим радоваться жизни и философски относиться ко всем превратностям судьбы.

Желаем Вам прожить ещё много-много лет счастливой жизни в окружении своей большой семьи, которая ценит Вас и очень любит. С Юбилеем!!!

Нина Архипова и Аркадий Лельчук с детьми Анной и Олегом

Нью Йорк

Дорогая тетя Мария!

Вы достойно прожили 100 лет, являлись свидетелем и участником многих исторических событий, полностью менявших привычный уклад жизни. При этом Вы остались сильным человеком, который умеет радоваться жизни и философски относится ко всем превратностям судьбы, находя в них массу плюсов и поводов для радости. Желаем вам прожить еще много-много лет в окружении своей большой семьи, которая ценит вас и очень любит.

С ЮБИЛЕЕМ!!!

Роман Иоффе, Аня Лельчук, Света Хвойницкая,

Тель-Авив

*Дорогая Мария, сердечно поздравляю с такой прекрасной датой!
Редким счастливым удастся отпраздновать столетие. Остается
пожелать, конечно же, до ста двадцати как минимум — и непременно
в добром здравии, с ясным умом и в окружении любящих близких.*

С искренним восхищением —

Соня Кобринская

Киев

Дорогая тётя Мария!

От всего сердца поздравляю Вас с юбилеем! Хотя мы встречались всего несколько раз, Вы пример и вдохновение для меня. С большим теплом я храню в душе рассказы мамы и деда о Вас и воспоминания о наших встречах в Казани, Иерусалиме и Нью Йорке, о блеске Ваших глаз и улыбке.

Я желаю Вам здоровья, сил, энергии и много-много радостных моментов в окружении самых родных и близких! Обнимаю Вас крепко!

Целую.

Аня Бредихина

Иерусалим

Мудрость старого раввина.

*Прожить надо 119 лет и 11 месяцев.
Тогда все скажут, что ушел ПРЕЖДЕВРЕМЕННО.*

*Дорогая тётя Мария! У вас впереди еще долгий и светлый путь.
Абы гизынт!*

С большим теплом и чувством искреннего восхищения

Тамарка Левина/Гурарий

Нью Йорк

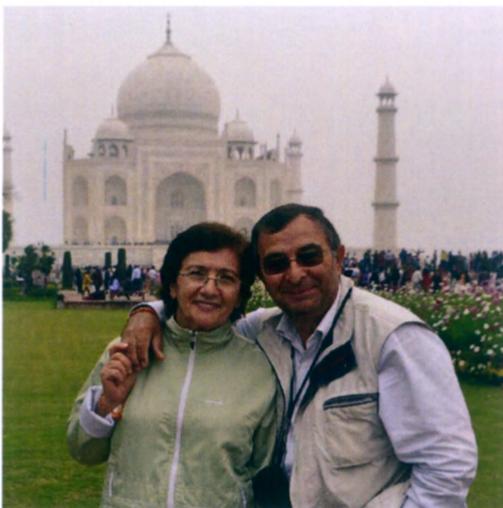
Дорогая тётя Маруся!

Мы рады, что у нас есть возможность поздравить Вас с вековым юбилеем. Желаем Вам всегда чувствовать заботу и любовь родных и близких Вам людей и чтобы каждый день приносил радость.

Будьте счастливы и помните, что мы Вас любим!

Рома Вайнман и его семья: жена Лена, дочь Лена, внуки Миша и Даниель

Рига

Дорогая Мария Рубиновна!

К Вашему Столетнему Юбилею: Торт ГУРАРИЙ по специальному заказу! В большую миску просеять жизненную муку и добавить большое количество интеллектуальной массы. Слегка взбить, добавляя большое количество бесподобной кротости, любви к детям, внукам и правнукам несколько столовой ложки божественства и наслаждения. Добавить пару половников горячего сердца с врождённым шармом и отвагой, что не так просто найти в настоящее время, и почти все готово для выпечки торта к Вашему столетнему юбилею, остаётся Духовку включить и разогреть на 180°С. Для крема собирать хорошее настроение, добавить несколько миллилитров 40° смеси духа и веселья, вылить в маленькие фужерчики и крем с вишней готов. Через час появятся гости и увидят этот настоящий шедевр, который был приготовлен Вами, нашей любимой Марией Рубиновной. Остаётся пожелать Здоровья Вам - как Никогда, чтоб Жизнь – продлилась на Годы!

*С большим уважением
Мисак и Сильва Джрагацпаняны*

Лос-Анжелес

Дорогие нью-йоркчане!

Вот он и пришел радостный и светлый день столетнего юбилея Марии Рубиновны! Вам, драгоценная юбилярша, мы дружно шлем наши поздравления и пожелания всех благ и радостей, а также крепкого здоровья, чтобы всё это пережить!

Интересное совпадение: в НьюЙорке живет Ренина тетушка Сарра, вдова Матвея Ефука – брата Самуила Григорьевича Ефука, с которым Мария Рубиновна была знакома в Казани. Так вот, Сарра Давидовна родилась в 1918 году 9 декабря. Как становится ясно, Нью Йорк чрезвычайно хорош для наших дам, судя по их вполне приличному возрасту. Искал и с трудом откопал фото, чтобы было посвежее, на котором были бы мы оба - Рена и Валера. Посылаю, но с "нагрузкой", снято 28 августа 2019 в доме у Инги и Олега. Слева-направо стоят Олег, Инга, Валера, Саша - дочь Инги. Ниже Вера - жена Владислава Ефука, Рената, Владислав - брат Ренаты. Он же мой шурин - а без шурина мир так мишурен!

Еще раз поздравляем, дорогая Мария Рубиновна! Ну, и, конечно, наши поздравления всем родным и близким Вам людям, пожелания успехов и здоровья! Всего Вам самого лучшего, много и надолго!

Ваши Рена и Валера, и наш казанско-майамский табор.

Майами

Дорогая Мария,

я и моя семья, дети, внуки, поздравляем Вас с этим чудесным юбилеем.

*Желаем Вам остаться таким мудрым
необыкновенным человеком, с большой душой.*

*Чтобы было здоровье и счастье, желаем вам как говорят у нас
"ад меа ве эсрим", то есть до ста двадцати.*

Очень любим и целуем.

*Тёплые поздравления передают
Донька с Женькой и Тамара.*

Майя Богуславская

Иерусалим

Дина Аврех с сыновьями Олегом и Львом

Моя любимая Мария Рубиновна!

Вы – эталон женственности, жизнелюбия, творчества.

*Вы вырастили замечательных достойных детей – Сёму и Лилю.
У Вас прекрасные внучки – Анечка и Ирочка. И слава Богу подрастает
следующее поколение – их чудо-детки! Это Ваши две правнучки и
правнук! Я прочувствовала это сейчас – как это стать прабабушкой.*

У меня тоже есть правнук – Ёнатан.

Здорово видеть плоды со своего замечательного древа жизни!

Это и возвышает, и радует, и вдохновляет!

*Я от души желаю Вам радоваться жизни! Вам есть чем гордиться!
Вам есть что передать молодому поколению! Вы – многогранный
талант! Продолжайте угощать Вашей вкуснейшей едой!
Продолжайте писать летопись Вашей замечательной семьи и о себе –
Ваша история богата событиями и восхищает умением во всём
видеть позитив!*

*Я счастлива, что судьба уготовила мне радость встречи с Вами.
Я обожаю Вас! Моя дорогая любимая Мария Рубиновна!*

Ваша Дина Аврех

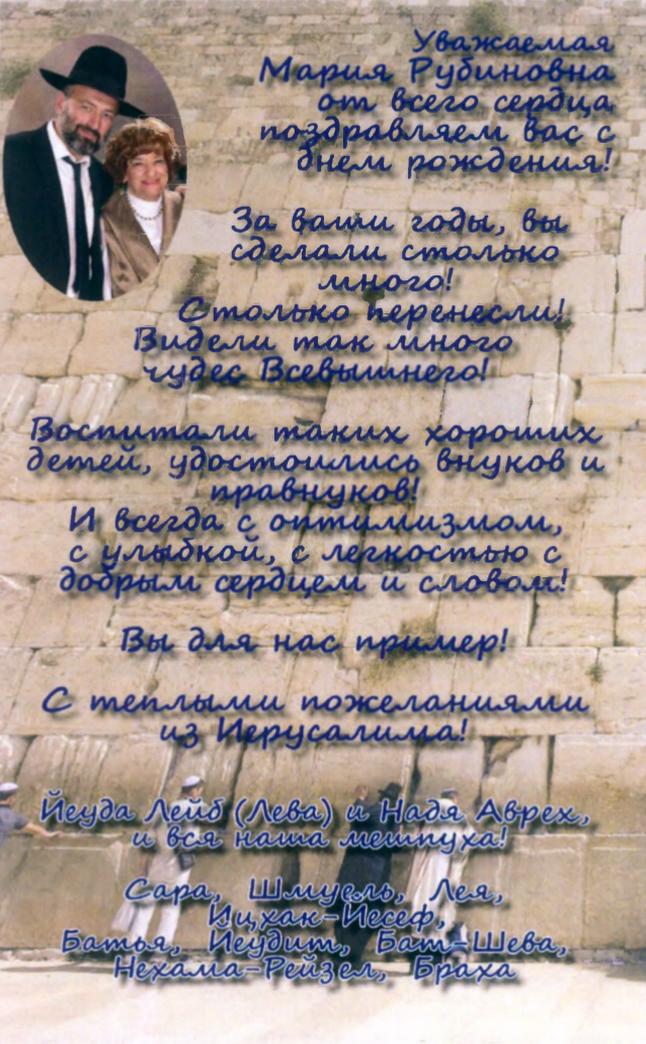

Дорогая Мария Рубиновна!

100 лет — великая цифра! Вы достойно прожили первые 100 лет, являлись свидетелем и участником многих исторических событий. При этом Вы остались сильным человеком, который умеет радоваться жизни и философски относится ко всем превратностям судьбы, находя в них массу плюсов и поводов для радости. Желаем Вам прожить еще много-много лет в окружении своей прекрасной семьи, которая очень ценит и очень любит Вас. С юбилеем!

Олег и Анжела Аврех

Иерусалим

Уважаемая
Мария Рубиновна
от всего сердца
поздравляем вас с
днем рождения!

За ваши годы, вы
сделали столько
много!

Столько перенесли!
Видели так много
чудес Всевышнего!

Воспитали таких хороших
детей, удостоились внуков и
правнуков!

И всегда с оптимизмом,
с улыбкой, с легкостью с
добрым сердцем и словом!

Вы для нас пример!

С теплыми пожеланиями
из Иерусалима!

Йеуда Лейб (Лева) и Надя Аврех,
и вся наша мешпуха!

Сара, Шмуэль, Лея,
Ицхак-Исесф,
Батъя, Йеудит, Бат-Шева,
Нехала-Рейзел, Браха

*Никогда ни о чем не жалейте вдогонку,
Если то, что случилось, нельзя изменить.
Как записку из прошлого, грусть свою скомкав,
С этим прошлым порвите непрочную нить.*

*Никогда не жалейте о том, что случилось.
Иль о том, что случиться не может уже.
Лишь бы озеро вашей души не мутилось
Да надежды, как птицы, парили в душе.*

*Не жалейте своей доброты и участия.
Если даже за все вам — усмешка в ответ.
Кто-то в гении выбился, кто-то в начальство...
Не жалейте, что вам не досталось их бед.*

*Никогда, никогда ни о чем не жалейте —
Поздно начали вы или рано ушли.
Кто-то пусть гениально играет на флейте.
Но ведь песни берет он из вашей души.*

*Никогда, никогда ни о чем не жалейте —
Ни потерянных дней, ни сгоревшей любви.
Пусть другой гениально играет на флейте,
Но еще гениальнее слушали вы.*

Андрей Дементьев и присоединившиеся к поэту

Илья Шор с сыновьями Роном и Даном

Нью Йорк

Дорогая Мария Рубиновна!

Поздравляем Вас и всю вашу семью с такой датой,

которая греет душу и вселяет надежду.

Любим вас всех и обнимаем крепко, крепко!

Семья Павловых-Резник

Тель-Авив

Уважаемая Мария Рубиновна!!

*Примите искренние поздравления из Казани
с Вашим замечательным, почетным и достойным званием
"Самого наимудрейшего члена семьи Гуарариев!!!"*

*Счастлива, что имею возможность поздравить Вас!!!
Пожелать Вам радостных дней общения с вашей замечательной
семьей!*

*От души желаю Вам здоровья, бодрости духа и благополучия в семье!
Обнимаю Вас, и передаю поздравления от всей нашей семьи
Маклыгиных!!!*

С уважением, благодарная ученица Семена Иосифовича Гуарария,

Лия Маклыгина (Арефьева) и Александр Маклыгин

Казань 2019

Дорогая Мария Рувимовна!

От всей души поздравляем Вас с необыкновенным юбилеем - 100 летием! Вы прожили долгую плодотворную жизнь и множество людей вспоминают Вас с благодарностью. Нас всегда восхищает Ваша любовь к жизни, жизнестойкость, преданность всем своим близким. Недаром Ваши дети, внуки и правнуки любят Вас и восхищаются Вами: Ваша жизнь является примером для них. Живите ещё долго-долго среди любимых и любящих Вас людей. С любовью и уважением

Майя и Изабелла Поляковы

Нью Йорк

ДОРОГАЯ МАРИЯ РУБИНОВНА !

Вы оставили в нашей памяти о себе и своей семье неизгладимые впечатления, красивейшей и умнейшей жены, матери, бабушки и прабабушки. Именно такой мы представляли маму Бен Гура. Ваша история жизни настолько неординарна и достойна подражения и восхищения, думаем Сёма напишет роман или киносценарий описывающий историю жизни ВАШЕЙ СЕМЬИ. Я думаю там будет отражена любовь солдата и медицинской сестры, рождение малыша в Даугавпилсе сразу же после войны, сцена, когда в кроватку к малышу залезли крысы и родители до смерти уставшие, вынуждены были по очереди спать.

Годы послевоенного становления, трудовые подвиги Вашего мужа и Вы как любящая жена во всех начинаниях поддерживали своего мужа. Успехи должны принадлежать обоим. А Ваша семья, Сёма, Люда, Лиля, Саша и все остальные которых мы знаем только по разговорам – все эти успехи по жизни детей принадлежат Вам дорогая Мария Рубиновна, Мы счастливы, что в нашей жизни существуете Вы.

Мы приглашаем всех Ваших родственников к нам, будем рады Вас видеть. А наше жильё в Казани и на даче на Яльчике в Марийских лесах мы Вам показали на слайдах. Низкий Вам поклон и наилучшие пожелания всем кто собрался за праздничным столом.

Всегда Ваши

Тамара и Юрий Гусевы

Казань

Дорогая Мария Рубиновна!

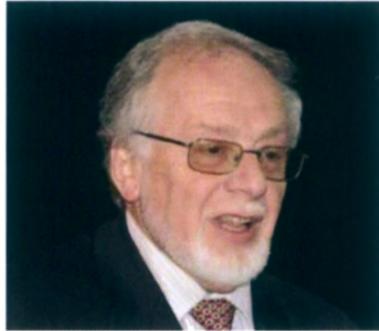
Сердечно поздравляю Вас с потрясающим юбилеем от имени семьи Сабитовских и Литвиновых! Я помню Ваше гостеприимство и добрую улыбку с тех пор, когда подростком ходил к Семёну Иосифовичу на домашние уроки музыки. Минуло более 50 лет, но я с теплотой и благодарностью вспоминаю то время.

Дружбу между нашими семьями на протяжении десятилетий поддерживала моя мама, Назнина Сабитовская. Если бы она могла, она бы выразила самые искренние, сильные, добрые чувства и нашла верные слова, чтобы поздравить Вас. Она сказала бы, что Вы можете гордиться своей жизнью и своими детьми и что мы благодарны судьбе за то, что свела нас в Казани. И, хотя та же судьба развела нас по разным странам и континентам, мы, несмотря на расстояния и годы, сохранили теплые дружеские отношения.

Мария Рубиновна, Ваш юбилей – это грандиозное событие не только Вашей жизни, но и всех родственников и многочисленных друзей! Позвольте присоединиться к сообществу Ваших приверженцев и в день Вашего рождения поднять тост за Вас и за Вашу семью!

Рустем Литвинов

Филадельфия

Дорогая Мария Рувимовна!

С юбилеем Вас! Пожалуйста, будьте здоровы, почувствуйте себя бодрой и молодой. Получайте удовольствие от своих замечательных детей, внуков и правнуков.

Большое вам спасибо за книгу «Приглашение к столу». Хоть я и небольшой кулинар, но шесть Ваших рецептов исполнил. А сейчас по Вашей книге стряпает моя дочь. Думаю, что и внучку со временем к этому делу приобщить, и тогда ей тоже понадобится Ваша книга.

С большим уважением,

Эйтан Финкельштейн

Мюнхен

Дорогая наша тётя, бабуля, и вторая мама!

Поздравляем с прекрасным юбилеем!

*Не грустить, не болеть, наслаждаться окружением родных.
Пусть мы и далеко, мы все очень и очень её любим, обожаем,
помним и ценим всё добро.
За всё сердечно благодарны.*

И, как у нас тут говорят, -- До 120 !!!🎉🎉🎉

Ваши Майя, Ляля, Саша Буряковы

Хайфа

Людмила Камелина с сыном Андреем

С Марией Рубиновной я встречалась изредка, на концертах, и всякий раз робела перед ней: редкая благородная красота, немногословность, сдержанность и, вместе с тем, приветливость, добрая улыбка.

Мы, студенты Семёна Иосифовича, не были частыми гостями в его родительском доме, не были близко знакомы с членами его семьи, но видели, с каким почтением педагог относится к своей маме, с какой нежностью – к сестре. И по его рассказам о своём детстве, о юности знали, что годы, проведённые дома, с мамой, были счастливым временем.

Уважаемая Мария Рубиновна, с огромным восхищением шлю Вам поздравления из местечка со смешным названием Дербышки и желаю Вам счастья и благополучия в кругу самых родных и близких!

Людмила Камелина

Казань

Оксана с сыном Игорем

Дорогая Мария Рубиновна!

Поздравляю Вас с прекрасным юбилеем мудрости и сил. В Ваши 100 лет желаю отлично себя чувствовать, каждый день встречать с улыбкой и надеждой, греть своё сердце счастьем и любовью родных.

Ваша Оксана Киндяк

Нью Йорк

Дорогая тётя Маруся!

Счастлив, что могу Вас поздравить с замечательным юбилеем, что живу на белом свете в одно время с Вами. На свете, который я увидел благодаря Вам. За то, что первое, прикосновение при моём рождении – это было тепло Ваших рук. Конечно, физически я это не помню, но хорошо помню Вашу заботу и внимание на протяжении многих лет моей молодости. Мы так долго по жизни находились совсем рядом и в Двинске, Риге, Тамбове, Зеленодольске, Казани, что в моей душе до сегодняшнего дня, хоть мы и далеко теперь географически друг от друга, Вы остаётесь для меня не тётей, а старшей мамой, чему я бесконечно рад. Желаю Вам ещё многих лет жизни, чтобы Вы могли дарить любовь Вашего огромного сердца всем своим детям, племянникам, внукам и правнукам.

*С благодарностью и теплотой
Ваш Рома Фельдман с семьёй Димой, Светой, Алёной*

Казань

Дорогая Мария Рубиновна!

*От всего сердца поздравляю Вас с прекрасной и возвышенной датой!
Что Вам года? Возраст Ваш только на бумаге, а старость обошла Вас
стороной. И это потому, что Вы сумели сберечь Радость жизни
– и теперь она Вас балует собой.*

*За свой золотой век Вы создали неиссякаемую сокровищницу –
дружную и сплоченную семью, где один за всех – и все за одного.
Она и есть Ваш жизненный родник, источник радости и вдохновения.
Живите долго и счастливо на радость всем своим родным
и близким людям по всему свету!*

*Для меня, дорогая Мария Рубиновна, Вы – гений семьи,
символ стойкости и доброты!*

С любовью Лера Пец

Киев/Вышгород

Лев Пец с дочерью Леной и внуками Станиславом, Львом и Романом. 8.12.2018

*Дорогая Мария Рубиновна!
Поздравляем Вас с днём рождения!
Ваш оптимизм, сильный характер и любящее сердце –
вот настоящий рецепт молодости!
Восхищаемся Вами и Вашей прекрасной семьёй, дружной и творческой!
Желаем Вам здоровья, радости, долголетия!
Нет даты лучше и круглей,
Чем столетний юбилей!
Обнимаем!
Лена Пец, Станислав, Роман, Лев и Леон Кислые*

Киев

Марие Рубиновне Гурарий

*Вы прожили целый век
Наш любимый человек
Мы всегда гордимся Вами
Быть хотим такими сами
За ласку, за сердечность теплоты
За помощь вовремя, за вкусные торты
За мысли мудрые и добрые слова
Мы любим, помним, благодарны вам всегда!
Душевное тепло сквозь бури пронесли
И одарили нас и рядом, и вдали!
У Вас сердце золотое
Очень доброе, большое
Руки Ваши не простые
Они тоже золотые!
Вяжут, шьют, готовят вкусно
В медицине так искусны
Помогают человеку
Создают библиотеку!
А сединки и морщинки
Словно модные новинки
Вашу личность украшают
Нас гордиться заставляют!
Пусть осень жизни только начинается*

*Ведь, Вами прожит целый век
Так пусть она продлится, а достанется
Еще немало Вам счастливых лет!
Еще желаем следующую сотню лет
Прожить лишь в радости и свете!
Чтоб не было ни войн, ни бед
А только праздники и правнуки, и внуки, дети!*

**Таня Галиуллина (Курсанова) и Соня Хетагурова (Сагдеева),
а также все наши дети, внуки и правнук**

Семья Татьяны в неполном составе. Стоят: сын Рустем, Таня, зять.
Сидят: внучка Танюша, сноха Катя, дочь Аня

Казань

Алла и Семён Дубровские

Алла Дубровская с сыном Юрием и невесткой Ириной

*У нас сомнений больше нет, Вы – уникальный человек,
Ведь 100 лет Вы радуете этот свет!
Как это не звучит банально,
Здоровья мы хотим Вам пожелать,
Для возраста любого оно актуально.
Желаем Вам много лет жить и процветать!
Пусть дни заботою наполнены
Родных и близких Вам людей
И все желания исполнены,
И сердцу будет веселей!*

Алла Дубровская

Нью Йорк

Софа Козлова и её семья:

сын Максим Козлов

Дочь Люба, её муж Давид Тетен, внучки Ром, Сигал, Пери, Леон

*„Украдкой время с тонким мастерством
Волшебный праздник создает для нас ...“*

Шекспир

*Ваш юбилей – торжество Вашего искусства жить
в больших трудах и заботах с радостью.*

С любовью Семья Козловых и Тетен

Нью Йорк

Семья Бориса и Светланы Вайнман

Сын Миша с женой Алёной и дочкой Киркой

Дочь Ева с мужем Борисом и сыновьями Ранькой и Лиоркой

Ева и Миша Вайнманы

*Дорогая тётя Мария!
Поздравляем Вас с Юбилеем!*

*Желаем крепкого здоровья, жизненных сил, бодрости духа и, конечно,
Вайнмановского чувства юмора. Очень любим и ценим!
Крепко обнимаем и целуем!*

Борик, Света, Ева, Миша, Борис, Алёна, Ранька, Кирка и Лиорка.

Рига / Штутгарт

Дорогая Мария Рубиновна!

Поздравляем Вас со 100 летним юбилеем.

*Нет даты лучше и круглей,
Чем та, что нынче к вам явилась.
У вас столетний юбилей!
Нам столько даже и не снилось.
Дорога жизни нелегка.
Сто лет — не каждый одолеет.
Но вы прошли. Что вам века!
Вы — на вершине юбилеев!
А мы вас будем поздравлять
С достойным вас сердечным пылом,
Здоровья крепкого желать,
Чтобы еще на век хватило!*

Инна и Женя Шор

Нью Йорк

Дорогая Мария Рубиновна!

*с днем рождения Вас с радостью поздравляет
семья Димы Плямоватого: Света, Женя, Маша, Илья, Мия.*

*Здоровья, радости каждого дня,
как говорят у нас в Израиле --- до 120 !!!!!!!!!!!!!!!!*

Иерусалим

Славная, добрая и прекрасная Мария Рубиновна!

Примите самые теплые пожелания в Ваш потрясающий юбилей от всей нашей семьи! Вы чудо, сотворенное Богом, Вселенной, Космосом.

*С Вашим рождением мир наполнился любовью, добром и светом!
Вы невероятно красивая женщина с огромным жизненным опытом,
расписывающая свою жизнь самыми лучшими красками!
От всего сердца хотим пожелать Вам крепкого здоровья,
радуясь жизни в заботливом кругу
своих детей, внуков и правнуков!*

Лия и Женя Коростяковы с детьми Полиной и Владиславом

Казань

Дорогая Мария Рубиновна! Наша семья поздравляет Вас с Юбилеем!

*Вы - настоящий человек,
Прожить сумели целый век,
И вы для нас большой пример,
Достойной жизни и манер!
Мы поздравляем с таким днём,
И указания даём:
Здоровья вам как никогда,
Чтоб жизнь продлилась на года!*

Замечательный, чудесный, добрый человек, Вы прожили целый век и смогли всем показать пример чести, щедрости, искренности, целеустремлённости и выдержки. И сегодня мы Вам хотим пожелать хороших воспоминаний с улыбкой, благополучных дней с любовью и радостью, спокойствия души с гармонией и отрадой.

С уважением Таня и Леня Литвинские

Нью Йорк

Дорогая тётя Маруся!

В голову постоянно лезут воспоминания давно прошедших дней. Рига, Ваша квартира на Матвеевской (а мы с мамой жили на Таллинской), Ваш постоянный вопрос, когда я приходил к Вам после школы: «Боря, ты обедал?» На моё «да» следовал новый вопрос: «А что ты ел?» И мой ответ: «Как всегда (т.е. макароны со свиной)». Лето, Рижское взморье, я там, кажется, даже козу пас. Потом Зеленодольск, вначале на Паратской, а потом на Школьной улице, где я жил у Вас целый год и учился в 5 классе. Казань, институт и я снова у Вас. В Вашей семье я всегда чувствовал себя своим, как дома, и Вы с дядей Иосифом, Лилечка и Сёма были самыми близкими мне людьми, моей семьёй. Это были самые счастливые и беззаботные дни в моей жизни. Уже живя в Москве, я каждое лето приезжал к вам, к себе домой, и я знал, что мне будут рады.

К сожалению, жизнь разбросала нас в разные стороны. Но я и Жанна всегда вспоминаем Вас с нежностью и любовью. Словами трудно выразить все те чувства, которые мы испытываем к Вам.

Дорогая и любимая тётя Маруся, примите наши самые искренние поздравления с днём рождения и наши самые горячие пожелания здоровья Вам, здоровья и благополучия Лилечке с Сашей, Ирочке с Шоном и Авой.

Целуем, Ваши Жанна и Боря Лагунчики

Ельстерверда

Дорогая бабушка Мария,

к сожалению я Вас никогда не видела, но мои мама и папа рассказывали мне столько замечательных историй о Вас и о Лиле с Сашей, что я глубоко полюбила всех вас.

Я желаю Вам очень счастливого и радостного дня рождения и надеюсь, что Вы ещё много много лет будете нас радовать. И очень надеюсь увидеть Вас в скором будущем.

*Обнимаю и целую Вас,
с любовью Ваша Саша Лагунчик*

Берлин

Дорогая Мария Рубиновна!

*От всей души поздравляю
Вас с замечательным, уникальным юбилеем!*

*Желаю Вам доброго здоровья, счастья,
много радости от детей внуков и правнуков.*

*С самыми нежными поздравлениями – мальчик Костик,
которого Вы много лет назад кормили
незабываемыми пирожками.*

Ваш Костя Лопушанский

Санкт-Петербург

Дорогая Мария Рубиновна!

*Вы для меня жизненный ориентир и замечательный образ,
к которому я обращаюсь за примером мамы и бабушки.*

*Ваш интерес к жизни, любовь к родным и близким,
Ваша доброта, вечная занятость, чудеса кулинарии,
готовность помочь, успокоить, прижать к груди, является залогом
Вашего долголетия и нашего восхищения.*

С любовью Ира Косторева

Ярославль

Dear Maria,

I wish you a happy birthday all filled with happiness and joy. You have made countless people smile, and have created a beautiful family lasting generations. When thinking of you, I respect your strength and positivity, knowing all you've gone through. Past this hardship, you've remained smiling and a role model, earning my respect and the respect of many more. Bless your heart, bless your mind, and may I one day live a life like yours filled with true love.

Alan

Дорогая наша и любимая Мария Рубиновна!

Вы достойно прожили свой век, были свидетелем и участником многих исторических событий, полностью менявших привычный уклад жизни. При этом Вы остались очень сильным человеком, который умеет радоваться жизни и относиться ко всем превратностям судьбы, находя в них массу плюсов и поводов для радости. Желаем вам прожить еще много-много лет в окружении своей прекрасной семьи, которая ценит вас и очень любит. С юбилеем! Мы вас любим и целуем ! Mazel tov to 120 ♥ from all of us !

Stella, Allan, Dzanik, Maxim

New York

Софа с семьёй: дочь Лина, внучка Ариела, дочь Женя,
Софа, внучка Изабелла, зять Миша

Дорогая тётя Мария!

Поздравляем с юбилеем!

*Желаем хорошего настроения и удовольствия от встречи
со всей большой-большой семьёй.*

Софа Перельман и Сёма Левин

Торонто

Дилла Гурарий, Таня и Саша Финшманны, Саша Плямоватый

Рама

Дима и Юлия

*Наш друг
Илюша*

***Дорогая Мария Рубиновна!
У Вас непростая, но замечательная ЖИЗНЬ.***

***Ваши птенцы уже давно оперились
и легли на крыло.***

***Уже и птенцы птенцов оперились
и легли на крыло.***

***А Вы по-прежнему стремитесь им помочь,
Согреть теплом своего огромного сердца,
Теплом своих рук, своей души.***

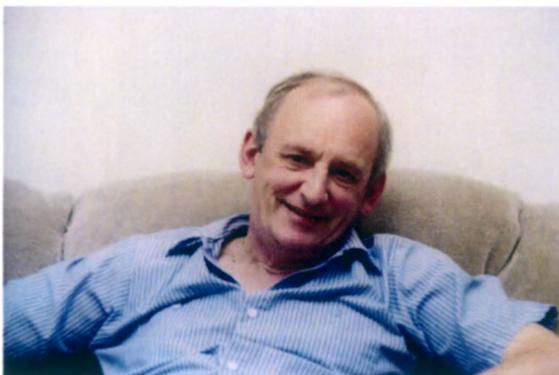
И не только своих птенцов!

***Всех тех, кто хоть немного общался с Вами,
Очарованы Вашей Добротой, Дружелюбием,
Искренним участием.***

***Спасибо вам за Вашу Золотую Голову,
Золотые Руки и
Золотое Сердце.***

***Саша и Таня Фишман,
Рома, Дима, Юля, Илюша***

Казань / Москва / Лос-Анжелес

Дорогая Мария Рубиновна!

По случаю вашего особого юбилея разрешите передать Вам мой заочный тост в письменном виде.

Я думаю, знаменитый жонглер русского слова В. Маяковский, обращался именно к Вам, когда написал

Лет до ста расти вам без старости!

Год от года расти Вашей радости!

(Во второй строке я его немного подправил, прошу прощения)

Увидев, как Вы с блеском выполнили наказ поэта, мне не остается ничего другого, как подражая ему, воскликнуть

Как-будто Кирк Дуглас 30-х годов

С восторгом и в упоении

Кричу издалека я МАЗЛ-ТОФ

И пью за Ваше рождение!

Так и дальше продолжайте держать Мария Рубиновна!!!

Сергей Вульфсон,

Майами

Андрей Сibaев и Марина Сibaева (Лагунчик) с детьми:

Миша

Ириша

Коля

Дорогая бабуля!
С твоим покровением!

Сколько бы лет и расстояний
не отделяло меня от тебя,
ты всегда со мной,
моя родная бабуля Маруся!

Твои добрые руки, твои ласковые глаза,
твой ласковый, теплый голос, улыбка,
твое тепло, как чудесный дождь
наполненный волшебным ароматом
вонючки... Там, где для каждого
находимся утешение, тепло и любовь.

Кажется, что где-то в паролельной
пространности, я всегда на 2 шага и
ты обнаруживаешь мне штучки: ледя-рушилка,
и ледянка у зеркала в коридоре,
красивый цуфон, красивые помады.

Когда я была маленькой я
хотела быть похожей на тебе,
шоя у меня была такая же
колонка - вудриетиве соль с перцем.

Нана и тудриетива говорит что я
похожа на ниво, я парижав.

Дорогая моя бабуля!
Здоровья тебе, радости
и миря радости - радости тебе!
И ты очень любишь меня.

Маруся

Мюнхен

Дорогая тётя Маруся,

сердечно поздравляем тебя со столетним днём рождения!

Для нас это большая радость, что мы сможем с тобой вместе в этот день отпраздновать твоё уникальное жизненное достижение.

Крепко обнимаем,

Миша Эскин и Катрин Стенгель с сыновьями Бенно, Элиас и Ноа

Нью Йорк

*С юбилеем! 100 лет — это честь
Прожить, пронести целый век.
Мы вас поздравляем, без лести,
Вы — сильный, мудрый человек!*

*Здоровья вам мы пожелаем,
Чтоб рядом близкие всегда.
Пусть беды и горести проходят краем,
И не пугают вас года.*

Рая Ягудаева с дочерью Ириной

Калифорния

Дорогая Мария Рубиновна!

Лилия с мужем Искандером, их детьми Булатом, Диночкой и Аскарком и тётёй Асей

Ильдус

Неля

*Женщине сильной, женщине доброй,
Женщине самой на свете прекрасной,
Быть на свете самой счастливой,
Доброй, улыбчивой, неотразимой!!!
Наша большая семья
благодарна судьбе
За встречу с Вами,
Вашими детьми
Вашей семьей.
Именно знакомство с Вашей семьей
Определило выбор профессии моей дочери.*

Желаем Вам крепкого здоровья, счастья!!!!

Семья Нели Сарваровой

Казань

ДОРОГАЯ ТЁТЯ МАРИЯ!

ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС С ЮБИЛЕЕМ!

***ОТ ВСЕЙ ДУШИ ЖЕЛАЕМ ВАМ ОТЛИЧНОГО ЗДОРОВЬЯ,
СЧАСТЬЯ, РАДОСТИ И МНОГО-МНОГО "НАХЕС".***

С УВАЖЕНИЕМ,

РАЯ И МИША ПЕРЕЛЬМАНН

Нью Йорк

*Дорогая бабуля Мария Рубиновна,
желаю Вам долгих лет и всех благ на свете!
С самыми сердечными поздравлениями ко дню рождения,*

*Ваша семья Моретто
(Карла, Даниеле, Ванни, Ариана, Грациано)*

Милан / Антверпен / Амстердам

Дорогая Мария Рубиновна!

*Безумно жаль, что день Вашего замечательного Юбилея
я не смогу Вас с огромной нежностью обнять и искренне пожелать
всего самого доброго, светлого,
а главное - здоровья!*

*Вы – умница, мудрый, глубокий человек,
воспитавший таких замечательных детей, внуков и правнуков.
С Вашей книгой кулинарных рецептов не расстанусь до сих пор,
надеюсь на продолжение.*

*Я – бабушка троих внуков, так быстро бежит время!
Еще раз поздравляю Вас и всех Ваших родных! Мысленно с Вами!
С огромной любовью и уважением,*

Таня Руманова и вся наша семья.

Москва

Valery with Christian

Happy birthday Mariya!!

Can't believe it's been so long since you were making me the chocolate mushrooms and I was swallowing them whole.

You are someone that's so delicate, kind, giving and loving, no matter who or in what situation.

You are part of such a strong family and

I see where they got most of their characteristics from.

You are one of a kind and I am so happy to be in your presence.

Thank you for showing your strength and love, you are someone I look up to and will hold in my heart forever.

I love you and thank you for being you.

Valery Ostrowsky

New York

ЛИКИ И БЛИКИ

Семён Гурарий

ДВА ПРИНОШЕНИЯ МАРИИ

И ДО, И ПОСЛЕ, И ВО ВРЕМЯ ...

ИОСИФ САМОЙЛОВИЧ ГУРАРИЙ (1913-1968)

В 30 годы трудовая и общественная деятельность на заводе им. К. Либкнехта и других промышленных предприятиях Днепропетровска. Участник ВОВ, офицер, фронтовик-орденоносец.

Один из организаторов и руководителей лесной и деревообрабатывающей промышленности в Татарстане на Поволжском фанерно-мебельном комбинате, Тресте «Татлес», в отраслевом управлении Татсовнархоза. Генеральный директор фирмы «Тат.мебель».

История игры исчезновенья
облака: осенняя обида
соблазнена спасительной сиреной
избавленья – испарина испуга
Фальцетом форсмажорным фальшивеет.

Истоки искр и ... извиненья
одинокчества: ослепшее окно
суровым суеверным слогом
истово исправляет искривленья
Фатаморганистых фаготовых фигур.

Иск истине и ... искаженье
облика: один он, он отец, он
сын, сыновний судорожный скепсис
изменчив – истец истратился, иссякла
Формула: ферзьфавнфакирфантом ...

7 сентября 2002

Rimini

Можно было бы этим стихотворением и ограничиться. Но память, нелепо жестикулируя, призывает захмелевшим от энтузиазма бормотаньем к документальному единству звука и жизни.

Извольте! Только попробуем во избежание очевидных просчётов автоматически не пристраивать воспоминания к существующим реалиям и не слишком доверяться эмоциональным преувеличениям и метафорам.

Приспособить облако к облику? Казалось бы, такая невинная поэтическая шалость. Но сразу хаотичный мир безвременья врывается в наше сознание и среду обитания, подчёркивая эфемерность заново выстроенных жилищ и размышлений.

Бывают эпохи, в которых биографии как таковые теряют значение. В центре показного внимания оказывается обобщённый гражданин и почти безымянный соучастник запланированных социальных потрясений и сдвигов.

Смазливая надежда с самоуничжительной энергией растаётся с характерными своими обличьями и превращается в бедную родственницу общественного фетиша. Люди с изумлением обнаруживают себя в сверхъестественной реальности, где всё подчиняется служению актуальной сверх-идее. Лишь в ограниченном ею пространстве позволительно обрести иллюзорное могущество и накопить жизненные силы, чтобы действовать, преодолевать и погибать во славу новоявленной религии.

И вот что странно, чем более страждущая масса убеждается в отсутствии в окружающей жизни подлинной доброты, справедливости и логики, тем ещё с большим пылом и самоотверженностью бросается в объятия этого монстра.

Словом, настало время посетовать, что с эпохой моему отцу явно не повезло. Через год после его появления на свет, в 1914 начинается Первая Мировая война, потом большевицкий переворот, Гражданская война, погромы, разруха, голод ... И всё это с лихвой пришлось на первые десять лет его жизни.

Фамилия Гурарий происходит от древней Гур-Арье, что переводится с иврита как сын льва. Не совсем, конечно, понятно – молодой лев или несмышлёный лвьёнок? Очевидно лишь одно: при рождении носителям этой фамилии вроде бы дарится всё львиное – красота, сила, королевская стать, грация. И бесчисленные шансы становления и произрастания – от шаловливого котёнка до хищника, благородного борца или даже властителя.

Спустя почти восемьдесят лет после рождения моего отца, меня не раз ошарашивали вопросами в Мюнхене, а знаю ли из какого рода происходит моя фамилия? Имелось в виду упоминания её в книге «Бытие Ветхого Завета» (1-я книга Моисеева, Быт. 49:9), а также в книге «Нового завета» (Откровение Иоанна Богослова (Отк. 5:5).

И не потому ли мы легендарного раввина Иегуды-Лейба бен Бецалела, именуемого «Мааралом из Праги» или «Гур-Арье», создателя уникального защитника еврейского народа Голема. По легенде этот Голем – человекоподобное существо «выше животного, но ниже черта», сотворённое из глины приёмами «действенной кабалы» в 16 веке праведником Гур-Арье.

В конце концов, не родственник ли я Ребе Шмарьягу Гурари (РАШАГ), зятя шестого Любавического Ребе — Йосефа Ицхака Шнеерсона?

Растеряно признаваясь в своей неосведомлённости, я, вероятно, разочаровывал своих новых, более образованных знакомцев и потому иногда в качестве оправдания неуверенно бормотал, что мол чего не знаю, того не знаю, но ... по свидетельствам моего отца, мы дальние родственники знаменитого фотографа Самария Гурария, вот ... Эта информация, впрочем, никак не впечатляла моих иностранных собеседников: кто же мог за границей знать имя фотокорреспондента газеты «Известия», снимавшего солдат Второй мировой войны, штурм Рейхстага, парад Победы на Красной площади, «Ялтинскую конференцию 1945 года», Рузвельта, Черчилля и галерею советских партийных вождей начиная со Сталина и кончая Брежневым.

Тем не менее, признаюсь, что пробудившиеся во мне тогда смешанные чувства интереса и некоей причастности не к конкретным именам, а к бесчисленному сонму одно-

фамильцев, не потерявшихся до нашего времени в исторических лабиринтах, я испытываю до сих пор. Словно бы путешествуешь в веках через иллюзорную призму судеб тех, что воевали, скажем, в Первую мировую (только в Интернете я нашёл десятки погибших солдат Гуарариев) в рядах русской армии и на фронтах Великой Отечественной, среди жертв Бабьего Яра, разведчиков Моссада, живописцев и врачей, поэтов и учёных, канторов и ребе, геологов и инженеров, лесников и тележурналистов, виноделов и аптекарей, заключённых и тюремщиков ...

Для меня мои однофамильцы – своеобразный народ моих предков, современников и потомков по некоей исторической вертикали. Поэтому, поверьте, приятно было, впервые попасть в Израиль и обнаружить себя вдруг на улице Гур-Арье в центре Тель-Авива.

Этот взгляд, впрочем, может распространяться в равной степени и на носителей всех других фамилий, достаточно лишь желания ощутить словно бы наяву взаимосвязанность **олам а-зе** и **олам а-ба**, что в переводе с иврита означает – этого мира и мира грядущего.

Впрочем, для отца, думаю, подобное предложение выстраивать умозрительные линии от Библии через призрачную круговерть воинов, всадников, царей, создателей Голема, пражских и прочих ребе – к фотографу диктатора Сталина, стало бы скорее всего довольно скучной игрой. Но от прогулки по улице Gur-Arue он бы, уверен, не отказался

Семья отца. Разумеется, я знал о ней немного из рассказов тётки Тони, родной сестры отца. Сам он о своём детстве не распространялся. Но тётя Тоня, навещавшая нас минимум раз в год, любила степенно вспоминать былое. Величественная её красота даже в преклонные годы завораживала: жесты, походка, манера вести беседу словно бы выдавали в ней врождённую аристократку.

Между тем, они с отцом родились в семье мелкого служащего Самуила Гурария, выполнявшего практически все обязанности в Екатеринославском филиале своего кузена, мифического богача Гурария – то ли земледельца, то ли табачного фабриканта, то ли лесоторговца. Имя его я запомнил, хотя говорилось мне много раз. Запечатлелось лишь, что этот двоюродный брат помогал материально писателю Шолом-Алейхему, о чём я читал впоследствии в одной биографической книжке о классике еврейской литературы. Но в какой тоже не запомнил, не записал.

Газета «Приднепровский голос», в 1913 году опубликовала заметку о канторе С.Н. Гурари. В ней говорилось о популярности Кременчугского кантора Гурария Самария (Шмарьягу) Носсоновича, гастролировавшего не только по Российской империи, но и в других странах, в частности в Италии. Что он обладал приятным драматическим тенором и в Главной хоральной синагоге Кременчуга собирал «сотни желающих послушать его божественное пение ...». Хотелось бы думать, что среди моих однофамильцев, а возможно и предков, были музыкально одарённые личности.

Дрейзе Гурарий (Файнберг)

Самуил Гурарий

Моя бабушка Дрейзе происходила из весьма уважаемого рода. У её отца, строго религиозного лесопромышленника Файфела Файнберга и скромной труженицы Марии (урождённой Нисневич) было девять детей, многие семьи которых жили по соседству на одной и той же Староказацкой улице около Нижнего рынка города Екатеринославля.

Файфел Файнберг

Итак, старшая дочь Файнбергов, выйдя замуж за Самуила Гурария, поселилась совсем недалеко от родительского дома в том же районе Екатеринославля на бывшей улице Ломаной.

Самуил и Дрейзе Гурарий дали жизнь шести детям. Сын Берл скончался в возрасте 19 лет от сердечной недостаточности.

Айзик Гурарий Дина Богуславская (Гурарий)

Айзик, закончив Металлургический институт, работал во время войны на одном из Уральских заводов, а после войны, до своей безвременной кончины в возрасте 35 лет – главным референтом директора на Металлургическом заводе им. Г. Петровского, увлекался журналисткой деятельностью, был редактором заводской газеты. Дина и Зиновий росли весьма рассудительными и благонамеренными детьми, рано начали свою трудовую деятельность. Три поколения их многочисленного потомства, получив образование в Советском Союзе и добившись впечатляющих профессиональных результатов (мой кузен, известный палеомагнитолог, доктор физико-математических наук Гарри Зиновьевич Гурарий даже удостоился Государственной Премии), рассеялось теперь по всему свету. О самом Зиновии речь пойдёт чуть позже.

Первая по старшинству, уже упомянутая Антонина, по характеру оказалась весьма своенравной, начитанной не по годам девочкой. Уже подростком стала она приобщаться к протестному революционному движению, посещать всевозможные кружки, лекции и митинги. Чтобы не расстраивать родителей, юная красавица со временем взяла себе партийный псевдоним Зорина

(который так и остался частью её двойной фамилии до самой кончины) и обрела под этой фамилией известность в определённых кругах тогдашней, радикально настроенной молодёжи.

Николай Воскресенский

Антонина Зорина-Воскресенская (Гурарий)

Надо сказать, что за тётёй Тоней тянулся шлейф всевозможных легенд, которые перепроверить по прошествии лет уже невозможно. Что в неё безответно был влюблён в юные годы её сверстник и земляк Мотя Шейнкман (впоследствии поэт Михаил Светлов). Что её портрет одно время висел в одном из музеев революционной славы. Что она помогала семьям заключённых сталинского Гулага.

Теперь расскажем об абсолютно достоверном событии – о женитьбе и практически побеге из дому восемнадцатилетней Антонины Гурарий с сыном православного священника Николаем Воскресенским (впоследствии ректором Смоленского, Иркутского и Саратовского государственных педагогических институтов. Это был уже реальный скандал, ведь семья Самуила Гурария была строго религиозна и придерживалась традиционных еврейских обрядов и праздников. Поэтому этот поступок, несмотря на счастливый брак, горячо обсуждался в родне долгие годы.

Вот ещё одна конкретная история, касающаяся предположительно семьи моего деда, запечатлённая в дореволюционной газете в разделе криминальной хроники Екатеринославля, где речь идёт, вероятно, о так называемых группах «партийных экспроприаторов»: «... В конце февраля 1906 года была осуществлена первая относительно крупная экспроприация: у кассира пристани Гурария захвачено 2 тысячи рублей. Деньги разделили между группами из Белостока, Симферополя, Екатеринославля и «Летучей группой» Стриги, которая, забрав все имевшееся в Екатеринославле оружие и бомбы, выехала на крупную экспроприацию в другой город ...».

Квартира и контора деда находилась действительно одно время в бандитском районе Екатеринославля – «Амуре», вошедшим впоследствии в историю Гражданской войны текстом широко популярной песни «Мурка»: «Прибыла в Одессу банда из АМУРА» и далее ... «банда занималась ЧЕРНЫМИ делами». Впрочем, «чёрными делами» пропитан был сам воздух того времени.

По рассказам тёти Тони, её младший брат Иосиф рос непоседливым, весёлым ребёнком, склонным к озорным выходкам. «Иосик не понимал серьёзности тогдашней обстановки. Он постоянно со своими друзьями откалывал такие штучки, что родители просто хватались за голову. Впрочем, он и повзрослев, так и не научился до конца быть серьёзным ... но в детстве и юности мог такое учудить ...» - любила со снисходительной улыбкой повторять тётя Тоня. На мой вопрос, а что именно «мог он такое учудить», с обречённой элегантностью махала царственной рукой, мол вам всё равно не понять до конца времена Гражданской войны, когда Екатеринославль переходил почти два десятка раз из рук в руки – от одной армии к другой, от одной банды к другой. Возможно ли хоть что-

то из пережитого рассказать? Как дядя Нохим был зарезан махновцами прямо в постели на глазах детей? Нет, я не могу ... Один атаман Григорьев чего стоил, патологичный антисемит и убийца. Он ни одного еврея не пощадил. Наша семья спаслась тогда чудом, весь погром просидели в подполе у соседей. Так Иосик даже там не мог угомониться, а ведь ему уже шесть или семь лет почти было, всё чего-то строил из веточек да стёклышек, да прислушивался иногда к стрекотанию цикад ... у меня, кстати, голова кружилась от их скрежета ...»

Погром и цикады. Вот парадоксы – можно, конечно, допустить, что свидетель катастрофы рассматривает заусеницу или занозу в мизинце. Или даже перед дулом пистолета в последний раз удивляется причудливой форме проплывающих облаков. Но чтобы запомнить во время погрома чувство тошнотворного головокружения от стрекотания цикад, а не чувство страха ...

Пространство темы – про страну ли, про остров, про странствия, про странности, про простоту, про простор, про раны ... Всё теряло иллюзорный смысл, который отец и его сверстники придавали, вероятно, этим одно-корневым словам и понятиям.

Страна Советов в конце двадцатых и особенно в тридцатые годы усиленно наращивала мускулы и всё более и более напоминала ощерившийся огороженный остров: не въехать, не выехать даже за пределы села, завода, области. Ну что же, рассуждали если не все, то многие: остров, так остров. Странствуй в дозволенных пределах – рабочая профессия, рабфак, комсомол, любовь, семья ... На первый взгляд странно просто и примитивно жило общество в то время. Однако, упорядоченные жёсткие реалии, тем не менее, радовали особенно молодёжь своими, казалось, просторными, динамичными

буднями и маячившими в подсознании некими социалистическими законами о правах человека и его неприкосновенности. Кто же мог предполагать, что совсем вскоре охранительные параграфы не в состоянии будут никого спасти от обрушившихся катастроф. Они подстерегали людей повсюду: не так сказал – катастрофа, не так смолчал – катастрофа. Всё одинаково невпопад. Граждане от страха (вот они – разъедавшие жизнь раны) стали учиться не лезть на рожон, нападая ли, защищая ли, – всё равно было не разобраться в завертевшейся с бешеной скоростью политической карусели: только что сегодня наверху Троцкий, завтра Каменев, послезавтра Бухарин, потом Киров и сменявшие друг друга местные вожди и секретари обкома, такие как днепропетровский руководитель Мендель Хатаевич с его призывами «употреблять крайние средства» против врагов. А потом и вовсе повалила нескончаемая череда грозящих расправами незнакомых газетных имён, которые невозможно было запомнить и которые сами через некоторое время оказывались скрытыми враждебными элементами, агентами империализма и иностранных разведок, сучьими отродьями, недобитой сволочью ...

В газетах лихо плясали лозунги, постановления, отчёты о громких процессах над бывшими легендарными генералами, партийными и государственными деятелями. И над атмосферой зловещего беснования и пиршенственной вакханалии возмездия, с непогрешимой суровостью праведника возносилась всё выше и выше фигура Иосифа Сталина.

Тёзка вождя, молодой Иосиф Гурарий, между тем, благодушно оглядывался по сторонам и не находил ни единого врага, достойного *применения к нему крайних средств*. Ну и что, что никто не хотел оставаться самим

собой. Ну и что, что лозунги кивали на реальность, а реальность цеплялась за вчерашние призывы, обречённые безвозвратно пропадать в ореоле враждебных теней прошлого. Ну и что, что от постоянного идеологического перемигивания и страха в мозгах зашкаливало.

И тем не менее, за исключением маячивших на горизонте мифических врагов, реальных не прибавлялось. Но страх ...

Натура Иосифа инстинктивно искала выходы для эмоций, не укладывавшиеся априори ни в какие идеологические рамки, какие бы они не были крепкими и сбалансированными. Хотелось упоённо терять голову, видеть всё в романтическом свете, преувеличивать и устремляться к любви, а значит к продолжению жизни. Разве нельзя, думал он, просто жить и радоваться, ходить по вечерам на танцы, влюбляться, хохотать над потешными Бестером Китонем и Чарли Чаплиным, мечтать о романтических красавицах Мэри Пикфорд, Лита Грэй, воображать себя персонажами Дугласа Фербенкса, Леонида Утёсова ... Нет, это была явно не эпоха моего отца, несмотря на его настойчивые попытки ей соответствовать.

Конечно, личность и время – это всегда почти

конфликтное сочетание, требующее, хотя бы и с опозданием лет на 30-40, иллюзорного примирения. Кстати, нашему поколению удалось лишь сгладить былые противоречия и нелепости легкомысленным туманом забвения. Правда попытки (словно опомнившись от грохота и ловушек собственных актуальных лабиринтов), с изумлением обнаружить в одночасье в недалёком прошлом звучание характеров, судеб и событий как неповторимую правоту эпохи, возникают неизменно. Убедившись, что в памяти ничто и никто не остаётся неизменным и превращается в искажённые свои подобию, и что в котле воспоминаний „варятся“ и недоброжелатели, и добрые знакомцы, пустяшные происшествия и важные события, мало знакомые жилища, улицы, ландшафты, – к нам постепенно стало приходить понимание, что от своего времени нашим отцам нельзя было просто так скрыться и игнорировать силу, которая грозила их уничтожить. И, наконец, самое главное – оказывается, безымянными героями той эпохи были не зловещие фигуры мандельштамовских «тонкошеих вождей», а миллионы тех, что молчали и терпели – наши отцы.

Ферзь. Иосиф адаптировался в пределах жизненных параметров с их достоинствами и уродствами. Но в душе он ощущал себя бойцом и всадником и даже прирождённым полководцем-стратегом. Да, его время ещё не настало, однако одноходовые шаги подростка поражали готовностью к неожиданным превращениям. Ферзь мог запросто притвориться пешкой, застыть в роли ученика штамповщика на Заводе им. К. Либкнехта, закончить рабфак, или вольготно топтаться годами незаметным общественником вблизи королевско-комсомольских комитетов, чтобы затем осуществить на пробу пару ошеломительных, но бесполезных атак слоном.

И снова затаиться и наблюдать. В мечтах ему, правда, больше всего хотелось эдакой вальяжной ладьёй перемещаться по скоростным дорогам – просто глазеть и странствовать. Но тропинки, шоссе, реки и даже небесные пути были заполнены суетящимися мелкими пешками, тупоумными слонами-офицерами и беспринципными интриганами-коняшками (вот уж эти типы явно были не для него – три шага вперёд, плюс один вбок, или наоборот), не брезгавшими никакими средствами, даже прыжками через головы близких. Ферзь догадывался, что эта непрекращающаяся возня вокруг, на самом деле не что иное, как кровавые разборки с глупыми самопожертвованиями, расчищавшими поле для дальнейших манёвров бездейственного и довольно бездарного короля и его ближайших приспешников. Но больше всего его отрезвляла жестокая истина, что ферзя тоже можно было отдать в любой момент на заклятие и просто заменить подвернувшейся под руку юркой пешкой. Потому-то случайные дерзкие мысли, что и он мог бы проявлять при необходимости и благополучных обстоятельствах инициативу и способствовать выполнению довольно туманных королевских обязательств, оставляли лишь горький осадок безнадёжности.

Война, обрушившаяся в 1941 году, явилась для отца и для миллионов его соотечественников, как это ни парадоксально звучит, спасением от набравшей гигантских оборотов сталинской мясорубки террора и «гулагизации» всей страны. Несмотря на все ужасы военной поры, люди, словно стряхнув с себя идеологическую паутину, отважно боролись за свою свободу не с мифическими врагами, а с подлинными захватчиками и агрессорами.

Все четыре года отец на фронте, дослужился до старшего лейтенанта, два ранения. Подробностей – никаких, рассказывать о войне он не любил. «Ваш отец не раз на моих глазах рисковал жизнью». Так, в общих словах, без деталей и комментариев, было сказано моей мамой. Орден Красной Звезды, медали, пустая кобура от пистолета и военно-полевой бинокль, хранившиеся в среднем ящике письменного стола, лишь подтверждали пристрастное это свидетельство. Тем не менее, атака, стрельба и отец – всё это вместе до сих пор никак не укладывается в моём сознании.

К одному эпизоду, впрочем, возвращался отец частенько: однажды, заметив, что вновь прибывшая в часть младший лейтенант отдала ему честь левой рукой, отдал приказ ей выйти из землянки, вернуться и отрапортовать как полагается. «Это был единственный раз в жизни, когда эта женщина выполнила мой приказ», – говорил он, с улыбкой поглядывая на свою жену. К тому времени младшего лейтенанта Марию Вайнман, нашу маму, дети и сам отец давно называли в шутку генералом.

Жена Мария Вайнман-Гурарий

В нём сочетались как бы несколько людей. Часто я не узнавал своего отца, осторожного и беспомощного в каждодневных мелочах. Его боязливость при пересечении скользкой зимней дороги, неловкость в обращении с бытовыми приборами, страх при включении газовой горелки, замирание при виде собак и кошек, неумение плавать и даже согреть себе уже готовую еду стали притчей во языцех и вызывали в кругу семьи добродушные смешки.

Это не отменяло его приступы какой-то отчаянной безрассудной храбрости, без оглядки на возможные последствия, в принципиальных вопросах. Однажды, в бытность нашего проживания в городе Зеленодольске, председатель тамошнего горисполкома И.П. получил публично от отца пощёчину за реплику, что во время войны все евреи отсиживались в Ташкенте.

Планёрки на «Татмебели» – там он был строгим геометром. Они напоминали мне порой шахматный блиц на нескольких досках. Или фугу на определённую тему. Он умел выстраивать искусно выстраивать «противо-

сложения» других голосов, выслушивать чужие мнения, сплести их в нужном соподчинении, провоцировать незаметно дискуссии, а потом, превращаясь в гибкого дипломата и тактика, доводить проработанную тему до необходимого кадансового разрешения.

Но по природе своей он не был кабинетным руководителем, ежедневно по несколько часов проводил в цехах, причём направлялся в первую очередь туда, где возникали трудности. Мне нравилось, по возможности, сопровождать отца при посещении им цехов, леспромхозов, лесотаски, складов готовой продукции и удивляться его скрупулёзной осведомлённости и властной находчивости при устранении мелких недоработок и откровенного брака, улаживанию человеческих и профессиональных конфликтов.

Полагаю, что особая смелость и настойчивость нужна была отцу и при пробивании в различных инстанциях самой идеи (в те далёкие, волюнтаристские хрущёвские времена) создания производственного республиканского

объединения нового типа «Татмебель». Конечно, за плечами был уже немалый опыт руководящей работы и на Поволжском фанерном заводе №3, и в Республиканском тресте «Татлес», и в Управлении лесной и деревообрабатывающей промышленности Татарского Совнархоза. И всё же при той неразберихе и хаотичной борьбе в высшем руководстве государства, связанной с укрупнением Совнархозов и другими спонтанными реформациями во внутренней и внешней политике, закончившейся уходом в отставку Хрущёва, ему удалось обрести поддержку в различных инстанциях и начать реорганизацию и объединение мебельной промышленности республики на практике уже в качестве генерального директора «Татмебели». Шаг за шагом он проводил в жизнь свои идеи и нестандартные тогда принципы руководства, основанные на большем доверии и инициативе всех работников огромной фирмы и её подразделений. Ему удалось всего за пять лет из десятков разрозненных мелких производств, создать мобильную, технически модернизированную мощную структуру современного мебельного объединения, ставшую одним из передовых в своей отрасли. На базе объединения, по его инициативе стали проводиться Всесоюзные научно-технические конференции, на которых завязывались деловые контакты по обмену опытом с аналогичными производствами в других городах и странах. Помимо технического переоснащения цехов, был открыт прямо при управлении выставочный магазин новых образцов фирмы, где можно было посетителям оформить заказ на их изготовление. Стала выпускаться многотиражная газета «Мебельщик». Разнообразная продукция той поры, разработанная при помощи его талантливых сподвижников и конструкторов Эдуарда Волкова, Рафаэля

Шахмуратова и других, отличалась оригинальным современным дизайном и не залёживалась в магазинах. Отдельные образцы стали поставляться для продажи и в другие регионы страны.

На первомайской демонстрации в Казани: Площадь Свободы, 1966 год

Фавн. Отец был человеком леса. Не лесником, не столяром, не плотником, не руководителем, а просто частью жизненного леса: мог быть веткой, корой, стволом, корнем, кустом, листочком, травой. Содружество родственных душ – вместе покрываться росой, лежать под снегом, изгибаться от порывов ветра, расставаться с пожелтевшей листвой ... Но по ребячески, без пафоса, играя, разыгрывая, напевая, как мифический Фавн. Это была его подсознательная жизненная позиция.

И мебель, конечно, – тоже часть леса. Одна из высших, певучих её трансформаций. И сама по себе – лес многообразия и фантазии. Она должна была, по замыслу отца, не просто выполнять свои функциональные задачи и закрепляться раз и навсегда на одном и том же месте, а быть готовой к волнительным перемещениям, радовать глаз, создавать характер и настроение.

Мебель, считал отец, сродни детским игрушкам. Игрушки – чтобы играть, и играя, воспитывать, а не стоять в витрине. Мебель также должна вступать в разговор со стенами, нашим настроением, с другими предметами, должна быть лёгкой и дружелюбной в общении. Она должна уметь петь или хотя бы напевать.

Собственно, озонирующим лесом должна быть и семья, родня, завод, простая компания, государство, народ. А антуражу, согласно отцу, не следовало придавать слишком серьёзного значения, а воспринимать его по ребячески, ничего не преувеличивая. Ведь всё преходяще в этом мире и подвластно смене времён года и капризам эпох.

С женой Марией и детьми Семёном и Лилией

Кожаное длинное пальто? Почему бы и нет – красивая мода. Романтично. Можно в шутку и руку в пасть льву положить.

Полувоенные кителя для руководящих работников? – Перетерпим. Конечно, как в опостылевшей армии, но ведь без погон. Есть и плюсы: можно не мучиться каждое утро с галстуком.

Фетровые валенки? – Весело и не холодно.

Рубашки-вышиванки как у Никиты Сергеевича Хрущёва? – Так мы же с Украины – як гарно ...

Альтернатива «Меч или Крест», как мне кажется, никогда не возникла для отца.

Бестелесные пантомимы фавна. 1945 год. Поезд на Ригу забит бывшими фронтовиками. В одном из отделений мои родители. Мама беременна мною. Её брат Михаил, участвовавший в освобождении Риги, предложил оставшимся в живых трём сёстрам собраться в этом понравившемся ему городе, и на пепелища в белорусское местечко Пуховичи (после фашистских зверств, уничтоживших в гетто более двадцати ближайших родственников и разрушения залпом «Катюши» родительского дома) не возвращаться. Пробираясь в тамбур перекурить, отец заметил весёлую кампанию офицеров. Одно лицо показалось ему знакомым. Отец подошёл поближе.

– Разрешите обратиться, товарищ капитан? – Давай, обращайся. – Ваша фамилия Вайнман? Михаил? – Да, а что такое, старший лейтенант? – У вас есть сестра Мария? – Да. С ней что-то случилось? – Абсолютно ничего. Вы хотели бы её повидать? – Ещё бы, всю войну не виделась. – Она здесь в поезде, пойдёмте со мной, только надо её предупредить. Михаил остался стоять на расстоянии нескольких шагов, когда отец подошёл к Марии. – Что бы ты хотела сейчас, Мария? – Повидать кого-нибудь из родных. – Мишу тоже? – Конечно. – Ты не волнуйся, он здесь ...

Февраль 1946. В Роддоме города Двинска (Даугавпилса) паника: ночью одному из новорождённых крысы отгрызли нос. Узнав о случившемся, Мария Вайнман заворачивает своего первенца в одеяло и по морозу бежит домой. Дома её ждёт грязный оборванный Иосиф: он должен был целую ночь участвовать в облаве на «Лесных братьев». «Я больше не могу стрелять», говорит он. В глазах у него тоска, но не надолго. Узнав о ситуации он наполняет водой все имевшиеся у них тазы, корыта, большие кастрюли и закрывает ими дырки в полу. Мария не спускает сына с рук. Несколько ночей родители спят по очереди, следят чтобы крысы не опрокинули наполненные водой ёмкости. Отец на всякий случай с пистолетом в руке. Казалось, от крыс спасения не будет,

они захватили весь город. И вдруг в один день все крысы заполонили улицы, остановив движение транспорта, и как по команде двинулись к реке Двине, вошли в воду и ... исчезли. Это было страшное мистическое зрелище – крысиные улицы двигались под ногами как при землетрясении, вспоминали родители. Казалось, они утащут весь город за собой.

1947 год, Рижский Роддом. От избытка радости в связи с рождением дочери, отец переменял вывески на дверях: «Приём рожениц» вместо «Комната для посетителей» – радоваться, так всем миром.

1948 год, Рижское взморье. Отец появляется в кузове открытого грузовика с ... бляющей козой. Мария сказала: в козьем молоке много витаминов для детей. Спускали на землю упирающуюся козу на руках все вместе, тянули за верёвку, подталкивали, приподымали ...

Михаил, Мария, Иосиф на рижском взморье 1948 год

1948 год. Ресторан «Луна» в центре Риге. Иосиф подходит к оркестру и просит сыграть запрещённую «Мурку». На звуки музыки прибегает перепуганный директор ресторана Михаил Вайнман. Кто разрешил, возмущается он. Оркестранты показывают на улыбающегося Иосифа. Весело. Михаил грозит ему кулаком и ... улыбается сам.

Зеленодольск. Начало 50-х. Вечером гости. После шумного застолья, мебель к окну. Танцы. Запах духов «Красная Москва». Все нарядные, оживлённые. Шуршанье крепдешина. Мама, естественно, для нас всех наряднее, на ней жёлтые янтарные бусы, она держит нас сестрой за руки. Мы знаем, что после первого танца нас отправят спать. Долгожданный шип иголки по патефонной пластинке и скрипучий голос Утёсова: «Брось ты хмуриться сурово Видеть всюду тьму Что-то я тебя корова толком не пойму Наклони поближе ухо утешай меня Пеструха Очень трудно без участия сердцу моему ...» Первая обязательная песня – «Му-Му». Отец галантно, но несколько на дистанции танцует по куплету со всеми тремя дамами, передавая их затем с подчёркнутой бережностью в руки мужьям. Он в светлом элегантном костюме с галстуком в горошек. Песня движется к концу, но мы знаем, что песня будет повторена, отец подхватит маму и начнётся тогда настоящий фейерверк скорости и настроения, спаянно, в едином пульсирующем ритме, расправив крылья в полёте ...

1956 год, Железнодорожная станция Зелёный Дол. Мы с мамой встречаем отца из Москвы. Отец выходит из вагона, отдаёт чемодан шофёру и отводит маму в сторону от людей. Я увязываюсь за ними, но они разговаривают на идиш и я улавливаю только пару слов: Мария, ситуация ... Суэцкий канал Кризис ...

Казань, середина 60-х. Мужское скупое застолье: водка, огурцы, хлеб. Отец разливает по рюжкам. Молча поминают умершего товарища. Хороший был мужик, говорит отец. Надёжный, добавляет другой. Выпили. Да, можно было на него всегда положиться, говорит третий. Помолчали. А этот К. Даже на кладбище не явился, говорит четвёртый. Ну и хрен с ним, говорит отец. Разливает по новой. Б. молодец, из другого города приехал – Хороший мужик – Солидный – Ну, давайте, говорит отец, светлая память – Выпили – Заметили, Т. ещё совсем в форме. – Да, сколько ему? – Да уж седьмой разменял – Хороший мужик – Таких уж мало осталось – Разливай, Иосиф, чего там ... Отец не умел пить спиртное, морщился, кричал, подражая другим. Потом ему становилось часто плохо.

60-годы. Казань. В троллейбусе отец сразу же искал глазами свободное место, сел, старался соснуть. Однажды на

остановке троллейбуса неожиданно перехватил я близорукий взгляд отца на незнакомца. Разглядывал он медленно, сосредоточенно, не подозревая, что сын с неловкостью наблюдает за ним. Также, словно ощупывая, он мог оглядывать без очков и мебель. Вот оно – неловкость. Он не вписывался в общепринятые рамки. Если, конечно, не хотел. Почему и когда, я не знал, но отец мог что-нибудь «выкинуть». Несмотря на ... надо было быть настороже. Мало того, только мне и позволялось «пресечь порой его фокусы».

С еврейским акцентом громко обращался в троллейбусе к племяннику: "Передай на билет, Арончик". В ответ на свистящий шёпот племянника, вовсе, кстати, не Арончика, – «Перестаньте, я сейчас выйду», отвечал громогласно: «Ты хочешь выйти, Арончик? Сейчас же таки не совсем наша остановка, может передумает?».

В семье все были заражены отцовской бациллой розыгрыша. Племянник курил в саду, развалившись в складном шезлонге. Отец подходил с невинным видом и просил закурить. Вы же не курите. Надо поговорить. Есть один серьёзный разговор. А затем одним щелчком выбивал всю пачку и вдобавок сигарету изо рта племянника. «Зачем ты куришь?!» - с притворным возмущением кричал отец. Племянник почти всегда попадался. Попытался вскочить, но отец, обхватив его за шею, удерживал. «Сначала скажи, зачем ты куришь, это так вредно!» Наконец, отец спасался бегством. Племянник ворчливо собирал сигареты. «Идиотские штучки». А отец уже вновь подкрадывался и залеплял наклонившемуся племяннику плюху. «Ты так со своим дядей?!» И вновь поспешно ретировался и шёл хвастаться ко мне. «Ну, я сейчас ...». Он обнимал сына как сообщника. Но мне чаще всего было некогда. «Извините, пожалуйста, не стану мешать», - ёрничал отец и, делая реверанс, удалялся. Отец так отдыхал. Разыгрывая и невинно дурачась. В стиле любимых им шуток из немого американского кино. Племянник был его спарринг-партнёр. Он годами жил в нашей семье и отец относился к нему с отцовской бережностью и нежностью, помогал ему по всем жизненным вопросам.

С сыном Семёном

Но пошутить, это другое дело ... Племянник и сам был пошутить, как говорится, не промах. Иногда они «шутили на пару» против кого-то третьего. Во время матча в настольный теннис отец подходил с его стороны и наваливался животом на стол, сдувая воображаемую травинку. Племянник требовал повторить подачу. Поливая шлангом сад, отец обязательно звал его или меня, норовя как бы невзначай полоснуть по нам струёй воды. Вырывал газету: ты будешь отвечать, когда с тобой старшие говорят ... Особую же радость доставляла отцу «операция соль». К дремавшему племяннику отец подкрадывался с неожиданно кошачьей ловкостью и тихонечко сыпал в его раскрытый рот соль. Племянник начинал облизываться, втягивать в себя крупинки, а затем вдруг просыпался и подымал сонные глаза на дядю. В этот момент остаток соли усилием отцовского пальца втирался в зубы племянника. Тот, естественно вскакивал, плевался и гнался за отцом. Отец торжествовал. Потом просил шутливо прощения. С притворной покорностью племянник прощал и затаённо ждал, когда отец сам приляжет после обеда на тахте. Месть была весьма действенной, заслышав храп отца, племянник смазывал его губы горчицей.

У нас был открытый дом, в котором годами жили и учились мои двоюродные братья и сёстры, другие родственники. По воскресеньям отец требовал гостей. Взрослая родня, дети, племянники и племянницы шумно устраивались в гостиной. Как

ребёнок радовался он бурлению шуток, словесному пикированию за обеденным столом. Обходил всех по очереди, ласково трепал за волосы. Но мог и неожиданно больно нажать мизинцем за ухом. Молодёжь, не переставая перебрасываться репликами, опасливо вертела головами. За обедом главное было не расслабляться, иначе прозвезаешь прикосновение чьей-нибудь горячей бульонной ложки к ладони, или получишь щепотку соли в тарелку. Или задержат ложку перед открытым ртом: «Не торопись».

Любимая шутка отца: я его «отмахал». Кого? Твоего начальника. Он просто оказался дундуком. В глазах родственников немой ужас. Сам же ты обещал помочь. Сам же велел прийти к тебе на приём. А чего он придурок, болтал? Не может быть? В головах родственников проносились картины служебного краха просившего. Начальство не прощает. Отец наслаждался, а затем под нажимом мамы признавался, что пошутил, всё выполнил, но что «отмахать» всё же хотел. Сам же был обидчив, держал обиду долго, переставал общаться. Но обижался не на пустяшные розыгрыши. Так не мог простить, что его вся семья, кроме тётки Тони, поначалу не приняла его вторую жену Марию.

Факир. Отец не колдовал, а расколдовывал пустоту. И создавал из ничего – возможное.

Зеленодольск. Появлялся вдруг дома с зарешеченным ящиком с цыплятами, шикал на кота, запирали его в комнату, приказывал нам охранять птенчиков, и если брать в руки, то очень осторожно и не тискать. Это был довольно голодный период, когда разрешили выгуливать и разводить всякую живность в сараях. Постепенно у нас тоже в сарае появились визжащие розовые поросята (совсем ненадолго) и на насестах куры. По воскресеньям с утра отец шёл торжественно в сарай, с брезгливостью выливал поило для свиней в корыто и выгонял летом кур во двор. Правда его энтузиазма хватало ненадолго и мы с сестрой призывались тогда на помощь, что мы делали, надо сказать, с большой охотой и радостью. А отец, под любым предлогом скрывался в квартире.

На летнюю рыбалку выезжали в субботу вечером. Собиралась группа заводчан с семьями и все грузились на большой заводской катер. Женщины укладывали детей спать внизу в кубрике на жёстких, обитых кожей диванчиках. Мужчины проверяли сети, бредень, другое снаряжение. Часа в 3-4 подъём. Меня отец брал с собой и даже доверял держаться за ручку невода рядом с ним со стороны берега. Сам он тоже не очень-то активно участвовал, лишь выполнял команды опытных рыбаков: заводи, стоп, не опускай, тяни вперёд ... Но это ему нравилось, он подмигивал мне, мол, здорово да? А днём, разжигали на песчанике костры и мы снова с отцом на подмоге, тащили в кучу коряги, бурелом ... Отцу нравилось, что его подчинённые, поучали его, командовали им, окликали Самойлычем: куда ж ты попёр, Самойлыч, надо сначала ветки обрубить, Самойлыч стоп – уху солить рано!

Копать картошку на большом поле у Волги – это осенью. Ехало несколько семей. Путь был долгий на телеге. Конюх дядя Костя по просьбе отца передавал ему иногда вожжи и отец довольно заправски командовал лошадьми, поглядывал на меня и давал мне подержаться за вожжи вместе с ним. Мы правили с отцом! – я с гордостью оглядывался на маму. Отец привозил нас, осматривался и уезжал на работу. К вечеру мы наполняли пару мешков картошкой и он заезжал за нами на той же телеге, грузил мешки

на пару с дядей Костей и мы ехали домой. Разомлев на воздухе, мы с сестрой часто засыпали в дороге. Спать мы могли, кстати, с сестрой, беспробудно. Однажды, родителям, забывшим ключи от дома, пришлось даже вызывать пожарных, которые забрались к нам через окно по пожарной лестнице на третий этаж.

В лесу с семьёй

Казань. Как появилась эта Радиола «Радиотехника» у нас дома, высокая – от пола и высотой полтора метра, элегантная, широкая, полированная, вызывавшая у непросвещённых непременно вопросы – а что это? Говорят таких радиол сделали в Риге после войны на заказ несколько штук. Одна из них с лёгкой отцовской руки появилась у нас дома. В начале 60-х годов радиола легко ловила

даже днём «вражеские голоса» с джазовой музыкой к удовольствию тогдашних студентов Казанского музыкального училища.

«Маца» звонил нам по телефону. Он так и говорил почти стихами, сухим и осторожным голосом: «Это говорит Маца, позови своего отца». Я передавал трубку и отец подтверждал заказ. Обычно через несколько дней «Маца» являлся к нам лично, коротко звонил в дверь и приносил несколько пачек свежееиспечённой мацы, завернутых в газету и почти тут же, получив деньги, ретировался, старичок, невзрачный, сухонький. Отец всегда ему переплачивал и пытался его задержать, напоить чаем. Но безымянный курьер отказывался и исчезал на год.

Но озере Рица с женой и дочерью Лилей

Путешествия. В июле мы едем с детьми в отпуск в Сочи, на обратном пути через Москву, заявлял он маме и, предупреждая её всяческие опасения, добавлял: я уже договорился. И всё получалось, его встречал Председатель сочинского горисполкома (!), предоставлял в распоряжение открытый легковой авто-пикап с шофёром для поездки на озеро Рица. Море, пляж, пальмы, знаменитый Ботанический сад – Дендрарий, затем обещанная Москва, Красная площадь ... Всё как обещано.

Мама едет в круиз по Дунаю! - кричал он громко с порога. - Путёвка у меня уже в кармане! Шесть стран!

Зун, ты едешь в Болгарию! Завтра поезд, собирай чемодан. Я уже обо всем договорился. Это было чудо – солнечное чудо Варны, Бургаса, София, Златни Пясъци, новые друзья, относительная свобода ... И даже звание лауреата в качестве пианиста на неожиданном Международном конкурсе ...

1965. Адлер. Мы с моим другом торчим с раннего утра в аэропорту. Уже темнеет, билетов нет, планируем ночевать в аэропорту, о чём и сообщаем по телефону домой, чтобы не волновались. Через час телеграмма. Обратитесь в аэропорту к тому-то. Вылет через полчаса на грузовом самолёте.

1968. Летим с женой из Ростова в Казань. Неожиданная посадка по техническим причинам в аэропорту Воронежа. Дальнейший полёт

откладывается на неопределённое время. У касс огромная толпа, не пробиться. На табло никакой информации. И вдруг по громкоговорителю передаётся объявление, что Людмилу Диденко и Семёна Гурария просят подойти к кассе такой-то. Протискиваемся с трудом к окошку, протягиваем паспорта. И о чудо – на наше имя билеты! Откуда отец узнал и как это всё организовал, непонятно ...

У него повсюду были друзья, но в домашнем обиходе такие слова не употреблялись: мой друг, мой дорогой, приятель ... Отцу нравилось перезваниваться с ними и заодно советоваться как кого-то выручить, заступиться, помочь. С охотой откликался он и на встречные звонки и просьбы. Мама в шутку называла это вечерним домашним филиалом служебного приёмного дня по личным вопросам на фирме. Одалживал деньги легко даже мало знакомым. Особенно в Зеленодольске, я помню по вечерам, часто раздавался звонок в дверь. Там стоял какой-нибудь подвыпивший мужчина, а то и семейная пара, и отец протягивал им уже припасённые для этого случая деньги.

Моих друзей он любил и даже их приваживал. Чтобы я не уходил по вечерам из дому, он сделал на заказ теннисный стол и с

удовольствием наблюдал за нашими сражениями, подтаскивал поближе к столу складной стул и вертел головой вслед за мячиком.

Отец хотел, чтобы я научился фотографировать, подарил фотоаппарат «Зоркий», потом «Зенит», записал меня в фотокружок. Любил сам фотографироваться на память. Позировать, надевать маски: грозную, высокомерную, компанейскую, сентиментальную ...

Мог выглядеть на групповых снимках деловитым и слегка напряжённым, когда ездил в составе делегации на Лейпцигскую промышленную ярмарку – все как один в строгих костюмах при галстуках с папками, – соответствовал.

А вот уже более раскованные фото во время поездки в Финляндию по обмену опытом, там уже сам руководил и организовывал, значит атмосфера другая.

С другом и коллегой Николаем Ридевским

Эlegantным денди среди коллег в преддверии совместного ужина.

А то и вовсе шутовские снимки, дурачась, потешаясь и потешая. Словом, разные, как и в жизненных осколках, оставшихся в моей памяти с фотографической отчётливостью.

Поранил руку, неуклюже раскалывая кусковой сахар. Мама перевязывает окровавленную ладонь. Делает «страшные» глаза.

1949 год. Тамбов. Горит, завывая, соседнее здания. С отцом за руку у окна. Страшно.

1952 год, Зеленодольск. Единственный раз катаемся с отцом вечером на лыжах вокруг дома, всего несколько кругов. Отец в спортивном костюме - так непривычно.

1954 год, Зеленодольск. С работы пришёл с забинтованной головой: какой-то уголовник бросил в него пепельницей прямо в кабинете.

На идиш говорил с украинским выговором. Мамина родня в шутку его дружно передразнивала. Отец не сдавался, но тоже шутя.

Вечная тема – похудение. Временами начинал делать гимнастику, садился на диету, и через пять минут после отжиманий пытался со стола стащить украдкой пару кусочков чего-нибудь сладенького.

1955 год. Зеленодольск. Начитавшись приключенческих книжек, я с дворовыми друзьями организовал «партизанский отряд» под романтическим конспирированным названием «Ягуар-БКП (Батя/Кобра/Пантера) для борьбы со шпаной из соседней улицы, нападавшей на нас с прутьями. Под штаб переоборудовали одну из комнат бомбоубежища, наделали членских билетов с дерматиновыми обложками и ... были вызваны «на ковёр» в домоуправление, куда явились и родители «партизан». После идеологической проработки со стороны управдома (время было ещё не «вегетарианское») и пристрастных вопросов что всё это означает и не антисоветский ли заговор налицо, мой отец взял слово и сказал, что он всё знал о шутовском названии, а на самом деле это обыкновенный пионерский отряд ... по сбору металлолома, в котором так нуждается наша страна. Он, как коммунист, поддерживает это начинание. И что надо помочь ребятам и выделить место, куда они будут его складывать. Остальные

родители присоединились к отцу. Обескураженному управдому не оставалось ничего другого, как поддержать инициативу пионеров.

1960 год. Садовый участок вокруг нашего коттеджа в Казани, оказался бывшей дорогой в аэропорт. На выворачивание кирпичей отец, как бригадир, сколачивал по выходным команду «копальщиков»: меня и двух кузенов. Он расставлял нас по местам и увлечённо рассказывал о будущем саде, который его Мария разобьёт на этом месте. И одновременно норовил нас рассмешить, критикуя в шутку наши движения, передразнивал, принося нам попить, иногда пересолённую воду, словом, дурачился ...

1962 год. Пожилая соседка, обратившись к отцу на улице и от волнения назвав его Иосифом Виссарионовичем, никак не могла переключиться на его настоящее отчество – Самойлович. «Зовите меня по свойски Иосиф, или просто товарищем Сталиным», - примирительно засмеялся отец.

Фантом. Миф. Было-не-было ... Взор наш из будущего скользит по поверхности минувшего, которое то всё отторгает, то откликается. Мы пытаемся запечатлеть хотя бы его контуры, но незаметно их только искажаем, взгляд наш невольно подгоняет образ под себя, и кажется, что вот он, наконец, с нами заодно, а он уже недружелюбно сопротивляется ...

А как передать пресловутую внутреннюю жизнь с её запахами, красками, картинками: то ли она довольствуется миражами, то ли в один момент отвергает всё осязаемое и суетное.

И ещё: если без конца прислушиваться ко всяким другим рассказам и свидетельствам, даже к тем, что без сомнения заслуживают доверия, не избежать создания некоего совершенно нежизнеспособного кентавра. Но вовсе их игнорировать, не значит уберечь минувшее от превращения в миф. Да что там, минувшее, едва мы вышли в другую комнату, наши собеседники в своём

воображении уже интерпретируют нас и наш уход как им вздумается. И все по-разному.

На автобусе к дяде Зяме. До войны он на комсомольской работе, затем второй секретарь Днепропетровского горкома МОПРА (Международная организация помощи революционерам), участвовал в приёме детей во время Гражданской войны из Испании. В Отечественную воевал под Сталинградом и дошёл в звании капитана до Берлина. После войны служил в Германии, а затем с 1947 года работал директором завода «Большевик» в Днепропетровске.

За окном шумела Москва. Комья грязного тополиного пуха кружили в воздухе. Брат Зиновий долгие годы существовал лишь в рассказах тёти Тони, как Зяма, Зямка. Наяву он им, как ни странно, соответствовал. Всплакнул. Но коротко, как и сестра. Да, всё точно. Сутился, прибирал квартиру, сам готовил обед и подавал на стол, был зряч к быту, заготавливал соленья, баночка к баночке. Оглядывал с гордостью кухонное хозяйство: вот тут у меня компоты, тут грибы, это ...

Имелся повод сравнить братьев: отца – лежавшего, сидевшего развалившись по-барски в кресле, читавшего, смотревшего, наблюдавшего, трапезничавшего всегда с удовольствием, с кряканьем, причмокиванием, но никогда не хлопотавшего по хозяйству, не вымывшего ни разу тарелки ... – и этого пожилого, собранного, аккуратного пенсионера. Тем не менее, я чувствовал, что передо мной брат отца, и мой дядя. Не только по названию. Мельком, конечно, дядя запечатлелся ещё и на похоронах отца. Хоть и был тогда заморожен, молчалив, почти ни с кем не общался, одетый в солидное пальто с каракулевым воротником, но ... неожиданно близкий именно от того, что был безмолвен, словно лишённый слов, поражённый случившимся, сочувствующий, даже более того, сам требующий сочувствия, ведь потерял брата.

Я сравнивал. Аккуратно одет, в галстуке, хотя и не ждал никого. Отец бы не одел никакого галстука к приходу племянника. Горбинка на носу общая. Что-то есть и во взгляде, в улыбке. Обо всех родственниках брат говорит с чувством лёгкого превосходства, некоего тайного знания. Вероятно, на правах старшинства.

Заслуги, чины и формальное положение, достигнутое умершим братом? Чепуха, чепуха. С лёгкой иронией. Наносное. Да-да, умер таким молодым, но ведь и был всегда слабоват, плаксив, непоследователен. Словно объясняя нелепость его ранней кончины. Не было у него стержня. Метался туда-сюда. А когда его обвинили в троцкизме, прибежал ко мне, чуть ли не заплакал, хотя я ему тогда говорил, не возись ты с этими отщепенцами. Был ли в самом деле троцкистом? Ах нет, думаю, просто метался. Он не воспринимал ничего всерьёз. Кампанейский был, выпивать любил, нравиться другим. А в кампании выпивающие всегда вроде бы едины. На какое-то время. И то только на время застолья. Словом, слабоват ...

Но вот как раз в это время ... Брат, артистически посмеиваясь, начинал очередную историю о себе, о борьбе с инстанциями и всяческого рода подлецами, засевавшими повсюду, от главы обкома до ... В рассказах он выросал в крупного общественного деятеля эпохи развитого социализма. Да и сейчас он разоблачает одного лжефронтовика из Комитета ветеранов войны. Ликующе показывались какие-то письма, снижался голос до шёпота, обещающе горел победным торжеством взгляд. Фронт, война – тема, казалось, могла бы объединить братьев. Да-да, я знаю, он где-то тоже воевал. Но не под Сталинградом же, как я ...

Что ещё было? Иосиф? Ах, он был такой худой. Я же говорю, суетился много. Полез на комсомольскую работу. А до этого в рабочие подался, с его-то изнеженными руками. А потом уж влип в историю с этими троцкистами, ну ... Но ни слова о первом браке брата, его первой жене, детях. Впрочем, и о своих детях, об умершей жене ни слова.

Зиновий Гурарий

Неожиданно смолк на полуслове, ласково улыбнулся, подошёл, погладил по голове. Таким же движением, как отец. Его брат, один из братьев.

Отец не воспитывал. Не подымал проблемы и не читал мне нравочений. Хотя и считал выбранную мной профессию музыканта несерьёзной для мужчины. Но мой выбор, тем не менее, акцептировал с уважением. Позднее даже гордился, ходил на концерты.

Теперь я отчётливо понимаю: чисто по времени его было так мало в нашей совместной жизни. Но даже отсутствуя на работе, в частых командировках, он присутствовал постоянно как архитектура, природа, воздух, облака. Это было моё атмосферное пространство.

И разве не он иносказательно повторял библейское за Иаковом: *«Молодой лев Иуда, с добычи, сын мой, поднимается. Преклонился он, лёг, как лев и как львица: кто поднимет его?»*

Гордость или надежда? Не в смысле избранности, а понимания свободы выбора.

Но не все ли отцы говорят по сути тоже самое своим сыновьям? Не все ли люди – прекрасные, гордые и свободные львы, властители своих жизненных судеб?

В 55 лет отец неожиданно скончался после рутинной операции. Это событие более пятидесятилетней давности не превратилось в отдалённую историю, а всё ещё происходит со мной.

А текст ... первый мой текст, возникший после его кончины – неуклюжие бесформенные словесные колдобины ... Он и теперь меня душит. А по сути всё сводилось тогда к попыткам самому уберечься. Хоть и опасности никакой не грозило. Сходство видите ли обнаружил. Ну и что? Молод просто был. Конечно, и

непокорный второй вихор справа на лбу. Как у отца. Что означает? Чепуха, не верь. Мол, два раза женат будешь. Тем не менее ... И отдышка ... И профиль ...

А сейчас? Сейчас, впрочем, это называется по-другому. Да и старше теперь отца. На правах старшинства и позволил себе путешествие в прошлое ли, в неизвестное ли. Всё, что до собственного рождения, то в другом измерении. В другом веке, бесконечно, длинно, даже если всего за пять лет до твоего появления на свет. За пять минут ... Приравнивается к литературе. К мифу.

Свои годы всегда короче, мимолётнее, незначительнее. Это другие, все остальные проживают за это же время долгую полнокровную жизнь. А ты? Оглядываешься безумно по сторонам, ничего не понимая ни в людях ни в происшедшем. И всё равно копаешься в событиях, в когда-то произнесённых словах, улыбках. Перемалываешь неправдоподобную пустоту. Пальцы шелестят страницами. В словах нет формы. Но они успевают разместиться на полочках строчек, диковинно трансформируясь, удлиняясь, укорачиваясь. И уже не исчезают. Ливень слов, высыхающий на бумаге.

Как хочется, тем не менее, литературы. Хоть в словах и тяжеловесных абзацах присутствуют лишь неумелые, судорожные попытки автора задохнуться в собственных впечатлениях. Отсутствует дистанция. Талант – это дистанция от себя самого.

Вот круглый белый стол перед глазами, даже не весь стол, только край стола. Из балконного окна льётся серый свет.

В какой мы, отец, стране, городе, в каком году, тысячелетии? Не важно. Мы слышим звук мерных капель, капель, капель ... Или секунд? Шаги в коридоре. Шорох свертываемой бумаги. Сколько лет мы так сидим? Не

имеет значения. Мы думаем об этих звуках. И не думаем ни о чём. Какое у нас образование? Кого мы любили? Есть ли у нас дети, внуки или мы сами ещё дети ... поезд, скорость, сон ...

Попробуй различить: пол века или век с лихвой,
не охватить мне эти временные расстояния,
десятилетий долгих вакуум – стена, а за стеной
естественная путаница произрастания
то ли начал, то ли концов,
потерь, изломов, шрамов,
когда смеркается и сумрак ничего не хочет,
лишь заглянуть под снежные
покровы полуистлевших храмов,
где виден небосклон с закрытыми глазами: он хохочет
и ему невоготу мучения чужие вспоминать,
переводить с земного языка
на потусторонний маршей маршруты,
по льдистым дорожкам детей сопровождать,
чтобы шагами с ними совпадать,
удерживая скользкие минуты ...

Кто раньше в этот мир пришёл?
Тот или этот длится дольше промежутков?
В ознобе слякотном перёченья желанного –
согласия не увидеть:

до-после-между-тем-уже-ещё ...

Мгновенья сторонятся прибауток,
и минуя серьёзной пытаются
спасительные жесты обуздать ...

Торопится, торопит нас

невольная вина вины – признаться
в дальнейшей жизни без тебя.

И расспросить в испарине изнанки
о до и после, и во время ...

Лишь видеть, слушать и не прощаться,
и среди теней блуждая, принимать
потоки Лёты за берега Казанки ...

И от стыда в ответ изнемогать

за небылицы горизонта об узнавании
улыбок, о скудоумных рефренах гороскопа,
о земных страстях,

погонях за невидимым успехом,

о мизерных триумфах, ликовании,
приметах благоденствия,

семейных неурядицах, разводах и властях ...

На пейзажи родства, что в руинах стоят,

опускаются снежные белые хлопья,

и плывут в никуда, всепрощеньем маня,

друг за другом безмолвья надгробья.

Смотрим вслед и не видим, не слышим теней,

лишь ритмично пульсируют памяти кóпья,
что летят в небеса, заставляя наш взгляд

вверх смотреть – исподволь исподлобья.

31.08. 2019

Лидо ди Венеция

ТЫ ПОДУМАЙ, ЕВРЕЙСКОЕ СЧАСТЬЕ ...

АННА РОМАНОВНА ФЕЛЬДМАН (1920-2017)

*Педагог, литератор, художник.
Автор книги прозы и поэзии.
Литературные публикации в различных странах.
Художественные выставки в России и Израиле.*

ЛЕВ СОЛОМОНОВИЧ ФЕЛЬДМАН (1909-1996)

*Инженер, изобретатель, педагог.
Участник Великой Отечественной войны,
офицер-фронтовик, орденоносец.*

Человек рождается со своей интонацией. Необходимо только научиться извлекать из неё нюансы. Анна Романовна Вайнман, моя тётя, владела своей интонацией виртуозно. Нужно было послушать или поговорить с ней хоть раз, чтобы понять: речь невозможна без интонации – она или монотонная, или полна нюансов, обрывистая или певучая.

Конечно, интонация у неё была и в походке, в пластике жестов, манере слушать, сидеть ...

Но ощущение невероятной внутренней энергетики и готовности к смысловым метаморфозам в одном и том же речевом словесном сочетании поражало больше всего. Собственно, первый урок именно речевой интонации я получил, общаясь с тётей Аней.

Очень часто её речевой лейтмотив начинался с обращения „Ты подумай“. Обращения к самой себе. И в этом была она вся: направленная, нацеленная во всех своих проявлениях на других и для других, она подсознательно начинала, тем не менее, беседу с обращения к себе.

Ты подумай – это было её жизненное кредо, нравственный и логический стержень размышлений и поступков. Не только призывать других к размышлению, но прежде всего настраивать себя к этому – как камертон.

Позволим себе сравнить некоторые нюансы этого словосочетания у Анны Романовны, чтобы ощутить их многообразность и взаимосвязь с наполнявшими их смыслами.

«Ты подумай» с ударением на **ДУ**май употреблялось тётей Аней (Анной Романовной) на уроках в школе и при общении с собственными внуками. Короткое У – звучало директивно, иногда с лёгким оттенком недовольства. Это же словосочетание могло прозвучать и как грозное предупреждение.

«Ты подумай» – удлинённое, смягчённое У звучало уже как дружелюбное приглашение к размышлению.

«Ты подууумай, она такая маленькая, а уже так рисует!» – звучание с оттенком неподдельного восхищения, с мягким акцентом на ещё более растянутое У.

«Ты подумай, что он о себе воображает! Ты подумай, это кому-то сказать! Ты подумай, он ещё не доволен!» – звучало с явным возмущением.

Ударение на **ТЫ**: ты подумай, что я такого сделала? – в этом был оттенок растерянности.

Удлинённое мягкое Ы: «**ТЫЫ** подумай, какое чудо!» – восторженность.

«Ты подумай, этот цвет сюда совсем не подходит» – сомнение.

«Ты подумай, что они все как по команде заплакали? Как будто только у них погибли родственники, как будто у нас никто не погиб» – недоумение ...

Истоки её речевой самобытности следует искать без сомнения в её детстве и юности в местечке Пуховичи и еврейской речевой среде. Обратимся к воспоминаниям её старшей сестры, Марии Вайнман:

«По-преданию местечко было названо по имени проживавшего в этих местах помещика Пуховицкого. Первое упоминание Пуховичей, расположенных примерно в равном удалении от Минска и Бобруйска, относится к 16 веку. В 1813 году через местечко, отступал французский Первый корпус Наполеоновской армии под командованием маршала Луи Даву, о чём свидетельствует сохранившееся название переправы через реку Свислач – Французская Гребля. Спустя сто лет, во время Гражданской войны, враждующие армии красных, зелёных, белополяков, немцев и прочих тоже не обходили стороной Пуховичи. Может быть поэтому жизнь мирных граждан вовсе не была устлана, как можно было бы себе представить, исходя из названия местечка, – пухом.»

Пуховичи опоясывались двумя речками. Через бурную, шумную Свислач по огромному мосту не прекращалось движение транспорта. Мост имел стратегическое значение и охранялся воинской частью. Пуховичане любили больше кроткую, спокойную Ванджу. Правда у крутого правого берега речка тоже завихрялась в водовороты и подмывала стоявшие сплошной стеной столетние дубы и грабы, посаженные некогда помещиком Вайковичем. С годами корневища деревьев оголились и образовали на изгибах гигантские переплетённые корзины, усеянные кувшинками. Смельчаки переплывали Ванджу и по корням подымались вверх к диким садам, набирали яблок. На Вандже исправно трудились и две мельницы. Песчаный пляж на отлогом берегу плавно переходил в луга, любимое место отдыха пуховичан, куда они приходили семьями, купались, загорали, стирали и сушили бельё. И рыбачили от мала до велика. Всех опережал неугомонный дедушка Гиршик: рано утром, по пятницам, он стучал в двери пуховичан, предлагая свежий улов. Редко в каком еврейском доме не подавалась к субботней трапезе фаршированная рыба или жареная плотва.

До пожара 1924 года Пуховичи – большое и довольно богатое местечко со своей собственной железнодорожной станцией, основанной ещё в 1872 году. Центральные улицы украшали каменные дома. Самое красивое и представительное строение, сохранившееся и по сей день, принадлежало царскому министру внутренних дел Льву Савичу Макову. Магазины торговали самыми разными экзотическими продуктами и товарами. По воскресеньям на обширную базарную площадь съезжались на торги крестьяне и торговцы с окрестных местечек и деревень. В местечке имелась больница, родильный дом, 2 аптеки. Процветали также мастерские и лавчонки ремесленников.

В центральной части местечка в основном проживали евреи и русские, на окраинах белорусы, поляки и даже татары. Согласно конституции Белоруссии 1924 года, идиш был официально утверждён наряду с белорусским, русским, и польским в качестве государственного языка. Одновременно начались гонения на иврит. Тем не менее, в местечке какое-то время ещё действовали 2 синагоги, иешива, хедеры, 2 еврейские школы. Функционировала, впрочем, и православная церковь, звон которой слышен был по всей округе. Словом, еврейская культурная жизнь, несмотря на запрет и закрытие по всей Белоруссии хедеров и прокатившейся волны судов над меламедами, была в Пуховичах, так сказать, ключом. 91 процент населения разговаривало на идиш. Славился за пределами местечка духовой оркестр, популярны были драмкружки, в которых талантливая молодежь ставила пьесы еврейских и русских писателей. Приезжали на гастроли в местечко и профессиональные артисты, музыканты, а в синагоги именитые канторы.

В Великой Отечественной войне от рук фашистов погибло 1260 пуховичан. При наступлении Советской армии местечко почти полностью сгорело. От нашего дома после попадания в него «Катюши» осталась груда щебня. Трудно даже найти теперь то место, где он стоял. Всё перепахано, все перекроено.

ВАЙНМАНЫ. С фамилией Вайнман связана история пяти семейств родных сестёр и братьев. Фамилия Вайнман произносилась с большим уважением. Дед мечтал иметь много детей и превзойти всех предков в этом отношении. Он говорил: наш младшенький Рувеле не будет бенъехед (последний ребёнок), у него будет ещё много братьев и сестричек. Но судьба распорядилась по-другому. По преданию дед погиб при странных обстоятельствах. В один из осенних вечеров, он возвращался домой лесом из помещичьего имения, где работал управляющим. Шёл не спеша, предвкушая ожидавший его уютный вечер в семейном кругу, как на него налетел волк. Никто не видел поединка, но через некоторое время дед, оседлав волка, верхом прикатил к своему дому.

– Человек верхом на волке! – кричали зеваки. Тем временем, окровавленный дед надеясь на помощь попрятавшихся в страхе

односельчан, на секунду расслабился и зверь, вывернувшись, перекусил горло победителю.

Бабе Мусе пришлось одной ставить на ноги пятерых детей. Впрочем, все они вскоре стали надёжными помощниками матери. Они подражали отцу, умевшему всё делать своими руками. В том числе и младший Рувеле-Рувим, впоследствии наш папа, отец семерых детей.

Рувим Вайнман

Ципе Вайнман (Плакс)

ХАНЦЕЛЕ – ХАННА – АНЯ. Мама с папой её называли Ханцеле. Любимая дочь родителей, особенно мамы. Неповторимая, белокурая мишинке (самая младшая), с детства болезненная, но очень привлекательная, любознательная – на её языке всегда были вопросы: а что? почему? ... Всё свободное время она проводила в обществе мамы в основном на кухне. Так, исподволь, она познала все азы приготовления пищи. Ханцеле научилась печь блины и это у неё здорово получалось. И не только блины, повзрослев, она стала лидером в нашей семье по изготовлению экзотических тортов и других еврейских деликатесов. Ей давалось всё очень легко.

Мама нас специально не учила как приготовить элементарный суп или кашу, шить, вязать, вышивать. Мы просто копировали маму – кто лучше, а кто немного хуже, но все дети научились держать в руках иголку, крючок, спицы и это нам очень пригодилось в дальнейшей нашей жизни.

Опять же лидером в этой кропотливой области была Ханцеле. Она прекрасно шила, в дальнейшем обшивала всю семью и родственников. Созданные ею самой экзотические орнаменты, композиции, картины, макроме всегда удивляли нас вкусом и мастерством.

Аня закончила еврейскую школу, затем еврейский педагогический техникум (Евпетух), как называли его студенты. Свою преподавательскую деятельность начала в деревенской школе на белорусском языке. В выходные дни Аня приезжала домой и с порога скороговоркой кричала: (шитэрэ ун гекортэ) жидкое – вареное! Мама с любовью ждала свою доченьку и у неё все было готово, чтоб накормить и обласкать любимую мишинкеле. Будучи домоседкой, Ханцеле не любила увеселительные мероприятия. В то время, когда старшие

сестры уходили развлекаться, Ханцеле уединялась с книгой и читала, писала стихи. Бывало, вечерами, когда мама что-то шила или вязала, Аня устраивалась рядом и читала ей сказки или рассказы вслух. Так они, мама и младшая дочь, частенько коротали время.

Наша мижинке Ханцеле и замуж вышла, «не выходя из дома». Её суженный, талантливый радиоинженер Лёва Фельдман, приехал в отпуск с Дальнего Востока к своим родителям, которые проживали на соседней улице. После окончания института связи он был направлен на работу на Дальний Восток. В Пуховичах дружил Лева со старшими нашими сёстрами. Первый визит, естественно, был нанесён Лёвой нашей семье. Но в этот раз со старшими сёстрами он едва промолвил пару слов.

Его очаровала домохозяйка мижинкеле Ханцеле. Любовь с первого взгляда. Ей было 19 лет, ему 31 год. Скоропалительная свадьба. Отъезд новобрачных в Барановичи ... ».

Остаётся добавить, Анна Романовна Вайнман пережила голодные тридцатые годы, аресты и высылку ближайших родственников в Сибирь. А когда началась война, бежала с грудным сыном Ромой под бомбёжками через леса и болота более двухсот километров на Восток. Затем четыре года учительствовала в глухой уральской деревне под Сакмарами Оренбургской области на границе с Казахстаном в ожидании редких писем с фронта от мужа, сестры и брата.

После страшного известия о гибели мамы, трёх сестёр и более чем 20 родственников в фашистском гетто, Анна Романовна вместе с мужем, сёстрами Бэллой и Марией, а также братом Михаилом, принимают совместное решение не возвращаться на пепелища родного местечка. Она живёт с семьёй несколько лет в Риге, где появляется на свет дочь Ляля, затем в Тамбове, и, наконец, семья «оседает» на сорок лет в Казани.

Анна Романовна преподаёт все эти годы в младших классах школы №88, а после открытия в 1959 году Средней школы №126, её приглашают учительствовать там. Ей повезло: школу возглавляли поочередно замечательные директора Пётр Тихонович Петров и Александр Ноевич Лифшиц, собравшие вокруг себя истинно творческих педагогов. Анна

Романовна одна из инициаторов интересных начинаний в области оформления классов, методкабинета, выпусков неординарных выпусков школьной стенгазеты.

Но главное – ежедневный труд обучения начинающих школьников. Она воспитала несколько сот учеников, завоевав репутацию чуткого педагога. Не зря родители пытались (звонили, искали рекомендации, обращались в дирекцию) отдать своих детей непременно к ней в класс – это была гарантия не только знаний, но и атмосферы доброты и творчества.

Сама же она была постоянно недовольна собой и результатами своей деятельности. Ей не хотелось просто плыть по течению. Сталкиваясь с ребячьими судьбами, она не могла не задумываться об особенностях психологии становления характеров, о влиянии на развитие индивидуальности внешних факторов, семейных. Не отпуская Анну Романовну и пережитое ею самой в довоенные и военные годы. Всё сплеталось в какой-то неразрешимый узел: как совместить потери близких от людской брутальной ненависти – с неослабевавшими внутри неё надеждами на будущее, с педагогическими буднями в мирной Казани, с чистыми глазками первоклашек, с наивными вопросами собственных детей?

Всё забыть и начать с чистого листа? Или попытаться осмыслить, почему в её жизни всё получается не так, как хотелось бы? Из чего складывается простое человеческое счастье?

Исподволь она начинает в свободное время делать для себя какие-то отрывочные записи, которые со временем выливаются в стихи, рассказы, воспоминания. Посещает Литературную студию при Музее им. М.Горького, начинает печататься в сборниках. И с удивлением отмечает, как в зависимости от жанра и темы, её поначалу робкие

литературные опыты постепенно начинают обретать индивидуальную интонацию.

Прислушаемся к стилистическому звучанию некоторых отрывков из её рассказов и сказок:

«Семен Абрамович вернулся с фронта без одной ноги. Ещё в госпитале он узнал о гибели своей семьи. После того, как ему приладили протез, и он мало-мальски научился ходить, Семен Абрамович поехал в своё местечко. По безлюдным пепелищам бродили одичалые собаки. Он добрёл, опираясь на палку, до места где раньше стоял его дом и дал волю слезам». («Еврейское счастье»)

«За окном вьюга. Ветер бьёт по ставням и завывает в трубе, заглушая мерное дыхание ребёнка. На сколоченной из простых досок кровати спит мальчуган лет трёх. Свет через закопанное льдом окно еле пробивается, и со стен и потолка в полумраке искрятся и мигают снежинки. Над личиком клубится голубое облако пара и мгновенно тает в холодном воздухе. Мальчик давно привык оставаться дома один и крепко спать в этой снежной крепости» («Хлебный документ»).

«Праздничный стол ждал гостей. Тихо в полумраке шептались блюда. Нежно-розовая ветчина спорила с бордовым винегретом о вкусах. Старый седой форшмак рассказывал ещё зелёным салатам о старом добром времени, когда он был первым блюдом ...» («Хлеб и шоколад»)

«Мой отец заочник. Он учится в техникуме! Об этом я узнал, когда ещё был маленьким. Вначале я думал, что его так прозвали за очки. А потом всё понял и никогда не мешал ему заниматься. Иногда я хотел, чтобы он ходил со мной гулять, как все папы-незаочники. Но всегда получал ответ: – Не могу, сынок. Если бы не петля на шее! Ты забываешь, что я заочник.» («Заочник»)

*«Вот на землю ночь спустилась,
Звезды в небе всполошились,
Им зажечься нужно в срок,
Чтобы царь увидеть мог
Тех, кто целый день трудился,
Не ленился и учился.
Должен дать покой и сон –
Главный царский был закон ...» («Баюсон»)*

Конечно, замечательный педагог, талантливый литератор, фантастическая умелица на все руки, рисовальщица,

вышивальщица, поделочница. Но все её дарования по сути были направлены на создание простого семейного счастья. Не теоретически и рассудочно, а действительно, каждодневно, ежеминутно. Ведь если подумать, весь мир – большая семья, все члены которой без исключения заслуживают понимания.

Ты подумай: когда тебя понимают, – это и есть счастье, думала, наверняка, тётя Аня. Но вслух не произносила – слишком пафосно. Когда кто-нибудь делал при ней декларативное заявление, она всегда иронично восклицала: „Ты подумай, это лозунг или плакат?“

Потому так заразительно жила тётя Аня, несмотря на все трагические беды, свалившиеся на неё, на житейские, порой непреодолимые трудности, на ускользящую в каждодневной суете гармонию ...

Потому и назвала свою единственную изданную книгу „Еврейское счастье“. Она художническим чутьём угадала, что счастье может быть только мнимым. А значит – „еврейским“. Оно неуловимо и потому гораздо важнее не овладение этим несуществующим миражом, а постоянное к нему стремление.

Потому даже простые предметы обихода, такие как стол или съестные блюда, одушевлённые её фантазией, раскрывали в диалогах свои сокровенные струны и как бы обретали судьбоносные черты.

Её рисунки, незатейливые вышивки, орнаменты не приукрашали объекты действительности, а выявляли красоту в их готовности контактировать с людьми и другими предметами. Она как бы дарила или наделяла окружающий мир по определению одного философа „презумцией“ совершенства. Все у неё были красивые, добрые, талантливые.

Мне повезло бродить с ней иногда вместе по лесу за грибами и ягодами, сопровождать её по вечерам в прогулках по берегу Волги в поисках коряг. Она не отбирала, а

собирала в корзину все попадавшие и выброшенные на берег коряги и уже дома перебирала, присматривалась к каждой, обдумывала, устанавливала с ними внутренний контакт, прежде чем начать придавать им тот или иной характер. Она с ними молча беседовала с таким доброжелательным интересом, что невозможно было ей не открыться.

Предметы это словно чувствовали. Как и, конечно, люди. Потому и норовили её бесчисленные знакомые, так сказать, случайно пройтись мимо её дачного домика, перекинуться с ней парой словечек, посмеяться, поохать, а то и застрять на пару часов с откровениями.

Тётя Аня любила до конца своей длинной жизни путешествовать (вольготнее всего на пару со своей сестрой Марией), несмотря на проблемы со здоровьем, узнавать новых людей, города, страны, искренне удивляться чему-то необычному, сравнивать с уже знакомым.

Анна с сестрой Марией в аэропорту Нью Йорка

Подъезжая как-то уже на склоне лет к Антверпену и увидев стоявших в окнах женщин специфической профессии в неглиже, она удивилась: „Ты подумай, Мария, что они так стоят, им не холодно, разве тут не осень? Что они этим сказать хотят?“

Лев Соломонович Фельдман, её муж, разъезжать по городам и весям не любил, но жизнь его постоянно заставляла это

делать. После окончания Института связи в Москве, его сразу же послали на работу начальником радиостанции в Хабаровск. Там впервые ощутил он на практике властные возможности своей профессии: не выходя из комнаты, охватывать радиоволнами чуть ли не весь мир. А перспективы будущего и вовсе рисовались безграничными – ему брезжился мир, объединённый и познаваемый через изобразительные послания. Эта фантастическая по тем временам научная идея, интересовавшая Льва Фельдмана более всего – разработки будущего телевидения. Ещё во время учёбы на некоторых лекциях и в особенности в кулуарах, коридорах и студенческих беседах говорили об этом почему-то с шёпотком, оглядываясь по сторонам, с намёком на некую государственную тайну, скороговоркой упоминая при этом имена учёных-эмигрантов Розинга, Зворыкина и какого-то шотландца.

Уже на Дальнем Востоке у него начали возникать и определённые трудности по совмещению личных, творческих интересов с требованиями общества жить по канонам и требованиям общественной системы. Проявлялась это в мелочах. Скажем, ему поручали связывать по особой линии лично Предсовнаркома Вечеслава Молотова со своей женой, тогдашним министром рыбной промышленности Полиной Жемчужиной. Эта явная привилегия невольно внутренне настораживала Льва Фельдмана. Почему именно он выбран для неё? И почему тайно? И почему существуют привилегии для вальяжного голоса Молотова и крикливого голоса его жены? И говорили-то они о погоде и домашних новостях. И всё же – где хвалёное равноправие? Возникшая тогда неприязнь к Молотову, кстати, осталась на всю жизнь, усугубившись ещё более, когда через короткое время он услышал по радио его дрожащий голос, возвестивший о начале войны – куда же девалась его вальяжность?

После «присоединения» Западной Белоруссии к Советскому Союзу дядю Лёву направили радиофицировать город Барановичи, «освобождённый» или захваченный согласно Пакту Молотова–Риббентропа, (о чём Лев Соломонович, впрочем, узнал гораздо позже) и из которого ему пришлось после нападения немцев унижительно драпать до первого военкомата, чтобы попроситься на фронт.

В кратком отпуске с фронта 1943

С сыном Романом 1947, Рига

Семейный союз Анны и Льва Фельдманов существовал вроде бы по принципу лёд и пламень. Конечно, на первый взгляд лёд – это был Лев Соломонович, Лёва, Лэйба Фельдман, дядя Лёва. А пламень соответственно – Ханна, Ханцеле, Анна Романовна, тётя Аня. Но в действительности их семейное пространство было единым со своими заморозками, потеплениями, слякотью, зноем, сквозняками и осенним золотым листопадом. С кровотокащими следами войны, голода, разлуки, неустроенности, с общими надеждами и разочарованиями. Как уж его разделить на лёд и пламень, ведь они были разлиты в душе каждого чуть ли не поровну.

С внучкой Майей и внучатой племянницей Иришей

Между тем, дядя Лёва был необычайно тёплым и родственно душевным человеком. Но с оговоркой – не для всех. В нём ощущалась неукоснительная избирательность, создававшая у многих, поверхностно знавших его людей, впечатление определённой холодности. Но полагаю, эти же люди, прочитав его чудом сохранившиеся письма с фронта на пожелтевших от времени листочках в полоску, адресованные тёте Ане, без сомнения, прониклись бы искренностью чувств и интеллигентностью тона автора.

Скупые строчки адресов в начале каждого письма документируют фронтовую „географию“ капитана Льва Фельдмана – от битвы под Москвой в 1941 до участия в боях на территории Германии в 1945. Вот документальная выписка из наградного листа:

В период наступательных операций в марте 1943 г. умелой организацией и руководством в своем личном участии как специалист радист обеспечил боевые потребности и надежность радиосвязи с частями дивизии, соединившими и вышедшими штабом, чем обеспечивал выполнение заданий командования связи в боевых операциях.

Как специалист дал ряд ценных рационализаторских предложений по улучшению боевой радиосвязи:

1. Разработал схему и осуществил переход радиостанции РСБ-Ф на полковнику комплект на аккумулятор. Радиостанция работает бесперебойно восемь месяцев.
2. Внедрил работу радиостанции на пониженном питании и от нестандартных источников, чем достигнута экономия сотен остродефицитных батарей.
3. Личным участием в ремонте в кратчайший срок восстанавливал неисправные радиостанции. В мартовских операциях осуществил крупный ремонт радиостанции, возвратив ее в строй на период боя. Радиостанция работает бесперебойно.
4. Внедрил и технически усовершенствовал работу маломощной радиостанции взамен радиостанции РСБ-Ф, в результате чего достигнута экономия 72% горючего и сокращение хозогосстоимости аппаратуры радиодивизии РСБ-Ф.
5. Усовершенствовал схему питания радиостанции РСБ-Ф, достигнув экономии горючего и увеличение при этом полезной мощности радиостанции.

Его письма я взахлёб прочитал уже после смерти дяди Лёвы, и они меня поразили поэтичностью, о которой он, вероятно, и сам не подозревал. Он обладал безусловно даром литературной зоркости и внимания к деталям. Дядя Лёва не описывал сражения и драматические ситуации. Это был диалог ненавязчивой деликатности в обращении к собеседнице через тысячи километров, когда можно и нужно было сначала расспросить, а лишь потом поделиться самому описанием подробностей фронтового быта, солдатского питания, рассказать о погоде, зазеленевшей траве или дорожной слякоти. И, конечно, о своих чувствах к ней и сыну. Успокаивая свою юную жену, он внушал ей уверенность в победе и будущей их встрече.

25.10.1918
 Дядя, пишу тебе дорогое и любящее!
 Так как-то тебе прошло как я помню
 тебе писал, датированный 9.11.1918. Ока ты
 был в дороге, писал писателя писала.
 Азетка, сейчас тебе за это писала. Она хороша
 и в этом порешила читать ее. Разрешил с тобой
 меланхолическая; но безумно ли это? Тогда с
 кб. Ты ждёшь, что некоторые будут победить; да
 была война, война; но это война в абсолютной
 война войны обман и безумно как тебе рассказ.
 Врешь мне как неведомо. Тогда война не
 была победой.

Но прощай писала тебе о своём письме. И
 я пишу тебе о том же. Когда ^{ты} пишешь мне
 писала писала часто, мне хотелось еще
 тебе. После можно написать эту тебе,
 писала писала, то о чем не писала
 писала, передай тебе любовь писала.
 И я пишу тебе всегда пишу тебе не через
 да сейчас чувствую мне присутствие. Вер
 и это переживаю. Писала тебе писала и как
 буду и передаю эту твою писала, передаю тебе
 все. Написала тебе, да и тебе, писала писала

Не подозревая о существовании писем, мне довелось не раз беседовать с дядей Лёвой о военной поре. Вот только пара рассказанных им фронтовых эпизодов.

Бойцы его отделения тянули под артиллерийским обстрелом провода связи. Он перебежками двигался последним и проверял правильность и прочность соединения. Внезапно к обстрелу из лёгких орудий присоединилась тяжёлая артиллерия немцев. Падая, он увидел краем глаза как его бойцам удалось укрыться в бетонную трубу, но из-за сильного огня противника остался лежать на открытом плацу, зарывшись головой в песок. После боя оказалось, что все его бойцы, спрятавшиеся в трубе, погибли от прямого попадания снаряда.

Восточная Германия. Их часть ворвалась в маленький немецкий городок и через некоторое время он стал свидетелем настоящего мародёрства. Витрины магазинов были разбиты, подвыпившие солдаты вытаскивали с азартом на улицы всякий скарб. Капитан Фельдман подобрал валявшийся на асфальте рулон ткани и машинально поплёлся за оживлённой толпой. А потом, вдруг, опомнившись, швырнул рулон ткани подальше и вздохнул с облегчением. „Это была мерзость, весь этот грабёж. Мне ничего не надо было, как я мог подобрать этот проклятый рулон? От этих извергов? Ложная солидарность ...“ – прокомментировал рассказ дядя Лёва и замолчал.

С фронтовыми однополчанами

Супруги были уважаемыми в Казани педагогами. Лев Соломонович вёл свой предмет «Радио и телевидение» одно время в КАИ, но в основном более трёх десятков лет в Техникуме связи. В отличии от Анны Романовны, педагогика для него была абсолютно не визионерским деянием. Он с высокопрофессиональным достоинством доносил (*пре-по-давал*) до студентов основы любимой

научной дисциплины, но психология и судьбы учеников его вроде бы не интересовали. Как ни странно, это не отражалось на интересе к предмету, успеваемости его студентов и популярности самого педагога. Дядя Лёва не был создан для коллектива. Идеологический пресс общества он уже давно воспринимал как враждебную директивную педагогику. Включаться винтиком в этот давящий конвейер, противоречило бы всей его сути. Жизнь – вот лучшая педагогика, считал он.

В душе он был прежде всего изобретателем с амбициозными и, я бы сказал, художественными целями. Но опять же идею сначала скромно надо было

Со студентами

доказать себе и без лишней помпы, а уж в случае успеха – может быть и всему человечеству. Лев Фельдман одержимо строил некую универсальную модель Телевизора – в те времена, когда их ещё не было на прилавках магазинов. Предполагаю, что он не задумывался высокопарно о человечестве. Его больше занимало качество изображения, мобильность приёма радиоволн, эффективность рискованных комбинаций и соединений. Несколько лет, день за нем, жертвуя частенько отпуском и выходными. Но мог, разочаровавшись в какой-нибудь детали своего замысла, или целиком в схеме, разобрать уже почти готовый прибор и начать всё сначала.

Дядя Лёва «сбегал» с помощью своих винтиков, шурупчиков, проводков и радиоламп в пространство только ему подвластных и чувствительных соединений. Только от чего и от кого? От настроенческих перепадов, непредвиденных ритмических сбоев, приказов, разрядок, упрёков и ненавистных обязательств, суетливых темпов, срывов, вспышек необъяснимой ревности и одновременно непонимания окружающих его людей и реальных будней ...

В изобретательстве он придавал самому себе необходимую ему форму и достигал успокоительных пределов, которые недоступны были ему в жизни в освоении гармонического равновесия. Там, в своей блаженной нише, он насвистывал обрывки каких-то бодрых мотивов. Они вписывались органично в партитуру звучания его идей, его оркестра, где он с удовольствием играл одновременно роли композитора, дирижёра и всех оркестрантов. Наконец то и он мог определять характер музыки. Не так, как когда-то в юности, когда играл в духовом оркестре в Пуховичах, и его заставляли в зависимости от надобности перескакивать с одного инструмента на другой.

Лёва с мамой Рохеле-Леей в 1915 году, Пуховичи

Да, он родом был тоже как и Ханна из Пуховичей, тоже как и она из семьи земледельцев. Все его родные без исключения погибли в фашистском гетто. Из всей родни остался в живых он один. В зрелом возрасте. Это не то же самое, что воспитываться с детства в каком-нибудь приюте. До конца жизни он не мог понять, как можно было насильно, по дикой античеловечной расисткой доктрине, лишить его корней, связывавших его как индивидуума с людским сообществом.

Осознание случившегося факта или вернее бессмысленности происшедшей катастрофы не в состоянии были примирить его с новой жизненной реальностью, в которой осваивались и делали уже самостоятельные шаги его дети, ничего не подозревавшие о глубине его одиночества. Он ненавидел всяческие доктрины и советскую тоже. Перед моими глазами его чуть сгорбленная спина. Он смотрит последние известия и часто, полуобернувшись в пустоту, произносит свистящим шёпотом: «Сволочи, как они всегда все и всё врют ...»

У памятника жертвам гетто в Пуховичах

Можно и так сказать: замкнулся, огородился, обиделся. И как все, невостребованные обществом творческие люди, ощущал свою бездомность. А можно вспомнить здесь тезис Аристотеля о самодвижении, лежащего в основе всего живого. Источник животельной подпитки даже изгоя может таиться глубоко внутри, когда творческая энергия не преследующая никакой практической цели, распределяется и дисциплинируется с неподдельной серьёзностью, старательностью и честолюбием.

Вот откуда это беззаботное посвистывание, доносившееся с его территории. Его подпрыгивающая походка. Почти весёлая. Почти играющая. Куда он шёл? И откуда? Почти всегда направлялся к своему телевизионному детищу или шёл от него.

Казанская улица Кирова (Московская) в середине прошлого столетия – это был целый мир. Мне, семилетнему зеленодольцу, при посещении семьи Фельдманов, разрешалось только выглянуть на улицу и добрести до перекрёстка. Улица скрежетала, гукала, царапала слух понукиваниями извозчиков, визгом тормозов, что-то грузили, тащили, проносили мимо моего носа в корзинах и вёдрах экзотически пахнущее, спиравшее дыхание, я улавливал обрывки реплик на гортанном татарском языке, вдыхал пыль и никак не совпадал с тревожно завораживающим аритмичным пульсом ... Возвращение домой – это означало толкнуть скрипучую калитку в воротах, по выгнутой спиралью лестнице взобраться на второй этаж, проскользнуть мимо общего туалета на весь этаж в обитую дерматином незапертую дверь и ... на тебя обрушивалась уютная домашняя тишина (окна открывались только коротко для проветривания или ночью), аромат печёных булочек с корицей и тётя Аня в фартуке приветствовала тебя: „Ты подумай, Лёва, он уже здесь ... проголодался?“

А в загороженном стульями углу, громоздилась на табуретке какая-то несуразная конструкция из металла, к которой не разрешалось подходить и возле которой, присвистывая, шаманил и кружил дядя Лёва.

Это уже потом в квартире на улице Николая Ершова, „угол дяди Лёвы“ разросся до половины спальни двухкомнатной квартиры на 4 этаже. Также грохотала улица, дребезжал трамвай, только теперь уже далеко внизу. На выходные строящийся телевизор часто перемещался в большую комнату. А позднее на лето он в разобранном виде переезжал в Боровое Матюшино на дачу.

Интересно, что сам процесс строительства у дяди Лёвы протекал почти бесшумно. Об грохочущих печах, дыме и сварке напоминал лишь горьковатый запах железа. Дядя Лёва умирал метал, придавал всем его деталям певучесть соединений, направленных на гармонический конечный смысл. Кстати, он и в столярной или плотницкой работе, не любил шума, резкости и вихревого напора. Звук его пилы был гибкий, с паузами на обдумывание: а как выравнить, округлить ... Мне пришлось с ним не раз распиливать и обрезать засохшие сосенки. Поскольку это было запрещено делать самим дачникам и надо было непременно вызывать лесника, а затем платить за каждое погибавшее дерево, мы осуществляли это с ним тайно ночью. Под его дирижёрскими командами «операция сосна» превращалась в увлекательное происшествие: всё удавалось повернуть быстро, ловко, практически бесшумно и с чувством выполненного долга. Мы ощущали себя санитарями леса.

Наши домики в Боровом Матюшино на Волге стояли друг против друга и были окружены общим низким штакетником и кустами малины. В шестидесятые и семидесятые годы существовало вообще много ограничений для дачников: не огораживаться заборами, никаких печек, пристроев. За все малейшие нарушения налагались штрафы.

В этом смысле мы были с дядей Лёвой союзниками и постоянно нарушали правила. Когда у нас появилось новое поколение внуков, возникла необходимость отапливать дачные домики. Недолго думая, моя мама наняла «почёрному» рабочих и они без всякого разрешения сложили в нашем доме русскую печь. Главное было вывести трубу, а тогда уж по советским законам никто не имел права ломать или запретить печкой пользоваться. Что нам и удалось осуществить за день.

Дядя Лёва, естественно, не захотел ссориться с «местными властями»: он долго и основательно продумывал в деталях и временных подробностях, «операцию печка» – вначале были сделаны аккуратные измерения, чертежи, просчитана калькуляция и незаметная доставка необходимых строительных материалов, кирпичей, цемента, труб, металлических заслонок, камфорок ... Всё это без спешки и суеты. Разбирал, выпиливал в стене доски, проносил в дом в хозяйственных сумках кирпичи и другие детали. Ни стука молотков, ни сопутствующей строительству грязи мы не видели, только с восхищением наблюдали за скрытым от посторонних глаз процессом. Словом, печь он сложил первый раз в жизни, но она получилась на загляденье компактной, красивой и беспроблемной – не дымилась и зажигалась с «полуоборота». В отличии от нашей «раскоряки», сложенной, казалось бы мастерами, но капризно дымившей и внешне не совсем эстетичной.

Дядя Лёва в любой работе от помощи, как правило, отказывался. Ему доставляло истинное наслаждение самому колдовать и доводить задуманное до цели. Но он всегда готов был помогать другим, особенно если это касалось столярной или плотницкой работы. Подходил, мягко забирал из моих «ловких» рук молоток или пилу и неторопливо начинал прилаживать доску к косяку. Тётя Аня

посмеивалась: «Ты подумай, началась эта Лёвина песенка «Маруся отравилась ...» Она медленно и траурно запевала. Я спрашивал: «А как надо?» «Надо вот как! – «Ах вы сени, мои сени, сени новые мои ...», весело подхватывала тётя Аня и начинала быстро разворачивать рулон с обоями.

Дядя Лёва любил классическую фортепианную музыку, с удовольствием посещал наши концерты. Думаю, он интуитивно ощущал в звучании фортепиано, помимо всего прочего, преодоление пианистами ударной природы инструмента и придание ему плавности и фразировочного смысла.

Тётя Аня была открыта к различным жанрам искусства, могла восхищаться фольклорными ансамблями, оркестровой музыкой, театральными спектаклями и сериалами. Мне довелось сопровождать её на симфонические концерты в Нью Йорке и Антверпене, и я видел как её интересовала не только музыка, но и сам концертный антураж вокруг. «Ты подумай, Мария, мы здесь на этом фоне выглядим довольно молодыми. Все эти дамы несомненно старше нас», – комментировала моя восьмидесятилетняя тётя Аня на одном из симфонических концертов в Антверпене.

В ожидании музыки ...

Дети четы Фельдманов, Роман и Ляля, со временем получили высшее образование, обзавелись семьями, появились внуки, правнучка. Казалось бы впереди спокойная заслуженная старость. Но развал страны и новая волна эмиграции раскалывает большую семью Фельдманов. Сын с семьёй остаётся в Казани. Анна Романовна с Львом Соломоновичем и семьёй дочери едет в Израиль. Казалось бы, и возраст, и недомогания. Лев Соломонович в одной из комнат продолжал что-то строить, стал посещать синагогу. Более 25 лет они прожили в Хайфе. Не всё было просто в эти годы: безвременная кончина дяди Лёвы, известие о смерти невестки, наконец, бегство теперь уже от арабских бомбёжек в Иерусалим ...

С сестрой Марией в Антверпене

Тётя Аня оставалась неисправимой оптимисткой, не терявшей интереса к жизни до своей кончины в 97 лет, она продолжала писать рассказы, вышивать картины, путешествовать, в последние десятилетия посетила США, Бельгию, Германию, где состоялась встреча трёх сестёр: Ханны, Бэллы и Марии. С успехом проходили её выставки художественных работ в Израиле.

Каждая семья, в принципе, это земля между двух рек. Междуречье (между речью) всегда в пути, в поисках речи, понимания, овладении собственным временным пульсом. Онемевшая Месопотамия невыносима.

Известно, что человек постигает себя в свободе или от угрозы её потерять. Тогда обостряется его внутренний слух и может возникнуть единение прошлого и настоящего, неодолимое желание остановить всё ускользающее.

Не то же ли самое происходит сейчас и с этим текстом, когда автор пытается уже в теперешнем пространстве воссоздать поток времени и обнаружить в ускользающих мгновеньях черты родных и близких ему людей – Анны Романовны и Льва Соломоновича Фельдманов, тёти Ани и дяди Лёвы.

Не подвёл бы его только внутренний слух ...

2.9.2019

Лидо ди Венеция

Содержание

Под сенью Марии	3
Семён Гурарий „Сияние“	5
Беседы с Марией	13
100 вопросов и ответов	14
Мария Гурарий – Рассказы, Стихи ...	37
„Жизнь коротка ...“	38
„Имена и титулы“	42
„Ушные капли“	45
„Бог троицу любит“	50
„Возвращение“	53
„День Победы“	55
„Родильный дом“	57
„Крысы“	61
Вопоминания	64
„Местечко Пуховичи“	64
„Вайнманы“	69
„Рувеле“	70
„Женитьба“	72
„Соня“	80
„Малка“	82
„Миша“	87
„Белла“	93
„Зина“	99

„Мои подруги ...“	102
„Ханна“	105
„Мои тёти, дяди ...“	108
„Нахаме-Сейне“	108
„Прощание“	109
„Ривке“	110
„Берл“	114
„Дыня“	114
„Дети и внуки ...“	115
„Рувун и Рода“	118
„Хайка“	119
„Похвала витаминам“	123
„Цветные тайны“	134
„Время-Факты“	140
„Сон“	143
Поздравления	145
Лики и блики	205
Семён Гурарий – Два приношения	213
„И до, и после, и во время ...“ (Иосиф Гурарий)	214
„Ты подумай, ...“ (Анна Фельдман и Лев Фельдман)	255
Содержание	281

